

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**НОЯБРЬ
2002**

**КИСЛЕВ
5763**

№ 11 (127)

«Почитай родителей твоих»

Èàæáúé èç íáñ ìíëííñòúþ çààèñò ìò ðíàèòáéáé á íáðáúá ááú æèçíé, ìíéóáá íá ñòáé ñá ìñòíýòáéíí úí. Ðíàèòáéííéþ èþáíáí áàòè áíááá ÷óáíòáþò, íóæááýíí á ìí ìúé, ìíáááðæéá íòòà è ì áòáðé - óáí, èòí èíðì èò, áááò èðíá á ìò-áí áíí á Íáíáéí ñí áðáí áíáí ðáááííé ñòáííáèòíý íáçààèñèì úí ÷áéíáéíí. È ì úíñé áá ì áíýþòíý: ìíá-áí - óáí! - íáéíòíðúá áóí áþò í ìðéáí-íúó ñ áàòñòáá íáñòíýòáéííò ááò ìí-áðáíí ó è ááéíòáþò ìí-èííí ó..

Спросите у ребенка: что готов он сделать для папы и мамы? И он чаще всего ответит: отдаст все, только бы сделать доброе для родителей. За их здоровье, благополучие способен расстаться со всеми игрушками.

Понятно, у ребенка возможностей мало. Но для него самое прекрасное – если папа или мама попросят сделать что-нибудь ради них и он это может. Так он получает удовлетворение, удовольствие от совершенного для любимых, самых близких людей – родителей. Для тех двоих, единственных на всем свете.

Какими должны быть высоконравственные отношения детей к родителям? Освященными заветами Б-га, на основе которых выработаны многовековые моральные принципы. И принципы эти действуют в разных уголках земли тысячелетия – сколько существует нравственность. Среди них первостепенный – уважать родителей.

Став самостоятельным, взрослым, понимаешь: уважение это выражается в непрерывности одних и тех же традиционных чувств, испытываемых всеми поколениями. Чувств, передаваемых по цепочке: от деда – к отцу, от отца – к сыну, от сына – к внуку. Традиция эта длится беспрерывно уже тысячи лет. И каждое поколение именно в таком духе воспитывало потомков, идущих вслед.

Эта эстафета поколений означает в нашем понимании не только необходимость оказания материальной помощи. Не менее важно воспитать детей и внуков в еврейском духе, чтобы жили в соответствии с истинной моралью и стали настоящими людьми: нравственными, получившими верное направление в жизни и духовном образовании. Еврейский менталитет всегда и означал-то в первую очередь одно: показать на деле родителям – дескать, от вас получил я все необходимое в жизни и готов передать это грядущему поколению. Наше самосознание зиждется на том, чтобы внуки помнили, что получили моральные, нравственные ценности у дедов и у родителей и готовы передать их следующим поколениям.

...Наверное, самое искреннее пожелание одного еврея другому, чтобы он получил удовлетворение от детей и внуков: «нахэс фун киндэр ун эйныклах» (идиш). Подчеркну: не от детей только, но и от внуков. Ибо самая неоспоримая ценность – человек видит еще при жизни (а мы верим, что и после пребывания в этом мире), что его дети и внуки продолжают идти тем же путем, каким шел он. Он видит: хотя он не вечен, но его дела и его пример остаются в жизни иных поколений. И все, что он делал для детей, – трудами и заботами кормил, поднял, вырастил и снарядил к дальнейшей жизни – продолжают делать уже и они сами, делать для внуков его.

Нет сомнений: это – один из важнейших принципов, на которых зиждется уважение к родителям. И действительно, самое приятное для бабушки и дедушки – видеть: жизнь не прошла впустую, и все, что они хотели передать детям, те в свою очередь передали внукам.

Но необходимо знать: согласно еврейским законам воздавать родителям только то, что мы намерены в свою пору получать от детей, вовсе недостаточно. «Уважай родителей твоих» – одна из Десяти Заповедей. В Торе не написано, что надо любить своих родителей, чтобы они получали нахэс, нет! – но «уважай...».

...В Талмуде и Шулхан-Орух о том написано много. Приведу малую толику. Так, нельзя сидеть на месте отца ни дома, ни в синагоге. Нельзя отрицать сказанного отцом и охаивать сделанное им. Нельзя называть отца по имени – только «папа», «мой учитель». И даже если кажется, что действительно стал умнее отца – все равно должен его уважать, как главного в своей жизни. Если отец зайдет в комнату, где сын, – тот должен встать из уважения. И даже после смерти отца сын, вспоминая его слова, должен всегда подчеркивать и сознавать, что слышал их от отца...

Из сказанного ясно: у нас, евреев, уважение к родителям основано вовсе не на том, что они когда-то сделали для нас. Это уважение предписано законами, Торы: прежде всего родители дали нам жизнь. В Первой Скрижали записаны законы отношений между людьми и Бгом; во Второй Скрижали – действующие между людьми. Таким образом, по Алохе родители выступают в роли неких партнеров Б-га: ведь они дали жизнь своим детям. И потому уважительное отношение к родителям сродни почитанию ими Б-га, своего Создателя.

Напоследок – поучительная история. Постаревший отец жил с сыном дома, но старик явно сдавал, и с ним было все труднее. Наступила зима, и сын решил: больше не сможет жить под одной крышей с отцом и стал выпроваживать того на улицу, всучив теплое одеяло, «чтобы не замерз». Отец взмолился:

– Сынок, последняя просьба: дай ножницы!

Принес сын ножницы, и, взяв их, отец разрезал одеяло пополам, сказав:

– Когда тебя в старости погонит на улицу твой сын, ты возьмешь с собой эту половину одеяла, «чтобы не замерз»...

В Торе не растолковано, почему положено уважать родителей. Но может быть, придет время и наши дети станут относиться к нам так же, как мы к нашим родителям. Стоит подумать о том времени, когда мы будем нуждаться в помощи детей. И от них воздастся нам ровно столько, сколько воздавали мы родителям своим.

Áèàáí úé òàààèí Dîññè Áàðè Èàçàð

*«çàèðíòíé éíéñé». Èèøü äíéæé è òððáíúé íðíòáññ èçó:áíéý è òíééíááíéý
íðéáíáèò è òíí á ÷òí íññáìáðùáý æéçíüí ááðíñòü Ñíðú ñòáí íáèòññ ýáéáí í íé.*

*Á-áí íááú - ñòíé æáéæéíñòüð, ñéáéíé Íí ñòáíðèé íáííéíáí íúé ñáòíí
í èð, - ñáéáòü òáé, ÷òíáú èç óððíáú í áòáðé í ú ðíæááééññ çðáéüí è éðáññ è,
íáéáááðùèí è çíáíéáí èñòéíú, Íí í íáááòüíáí Ñíðú, á éíòíðíé áññ «íðííèñáí í». Í í
Íí ííæáéáé ñçááòüí èð, á éíòíðíí «ñíáðáá ýáééáññ òññ á, á ííòíí - ñáò», - í èð, á
éíòíðíí ááðí ííéé è ñòðíð íðááòáñòáñò ðáíñ, çíáí èð - íááæáíòáí, á áéáæáíñòáò
- òððáú è ñòðáááíéý.*

Ááí ü

Когда Б-г творил время, Он впрял закон, утверждающий «первичность тьмы», в структуру дня – основного компонента, образующего время.

«Шесть дней творил Б-г небо и землю, море и все, что в них, и почил в день седьмой», – написано в Торе (Шмойс, 20:11). Хасидизм отмечает, что в Торе не сказано: «за шесть дней» сотворил Б-г мир, но сказано: «шесть дней творил Б-г», ибо тем как бы пояснено, что вся сотворенная реальность состоит из этих шести дней.

Надо учесть, что согласно Кабале все творение образовано шестью главными духовными элементами – хесед, гвура, тиферес, нецах, ход и йесод (в приближенном переводе: любовь, строгость, красота, стремление, смирение и связь), – производными шести Б-жественных атрибутов (сфиройс). И именно они нашли свое воплощение в шести днях творения. Седьмой элемент, малхус (царственность) воплощен в Субботе и завершает семидневный цикл движения и покоя, творения и удаления от него – цикла, в результате которого мир получил бытие и продолжает существовать.

День – нечто большее, чем просто мера времени. Он – компонент времени, образованный семью основными первоначалами, лежащими в основании всего творения. Тем самым вся полнота времени образована всего лишь семью днями; каждая неделя – лишь повторение (хотя – повторение на следующем уровне) изначального семидневного цикла творения. Потому-то на святом языке воскресенье называется «йом ришон» – «первый день», понедельник – «йом шейни» – второй день и т. д. Поэтому любое воскресенье воистину – «первый день», хотя с изначального «первого дня» прошли миллионы дней.

Каждый день состоит из «вечера» и «утра», из одетой тьмой ночи и следующего за ней светлого дня. В еврейском календаре день начинается с наступлением сумерек и наступлением сумерек кончается, повторяя в себе модель, заданную изначальными днями творения: «И был вечер, и было утро – день один... И был вечер, и было утро: день второй» и т. д. (Брейшис, 1:5, 8, 13, 19, 23 и 31). Дело в том, что каждое из семи качеств времени берет начало в утробе тьмы, хаоса и борьбы, прежде чем явиться на свет дня.

Í í:ü íòáðíñéáòáý òüí ó

Тем самым вечер и утро задают рамки «одного дня» – цельной и обособленной единицы времени.

Очевидно, что дневные часы какого-то определенного дня внешне имеют гораздо больше общего со светлым временем любого другого дня, чем с предшествовавшей им ночью. Взгляда из окна достаточно, чтобы определить, день ли

сейчас или ночь, но вы не определите, воскресенье это или понедельник. По сути же, ночь и день, принадлежащие одним суткам, обладают некоторыми особыми качествами, выделяющими их на фоне других шести дней творения.

Так, в «Грядущем мире» – будущем мире, который есть высшее состояние творения, – «ночь будет светла, как день» (Теилим, 139:12). Но и тогда семь дней недели пребудут особыми компонентами Б-жьего творения, каждое из которых открывает особый аспект Б-жественной реальности.

Иными словами, различия между семью днями творения присущи им изначально – и вечны, тогда как различие между днем и ночью – внешнее и преходящее. Ибо ночь – всего лишь эмбрион дня, она – лишь средство, ведущее к цели, процесс, в результате которого является нечто иное. И покуда этот процесс не обрел завершения, ночь и день кажутся различными: ночь погружена во тьму, тогда как день полон света; ночь – непроглядна, а день – светозарен. Но когда процесс достигнет завершения, ночь отбросит тьму, став неотъемлемой частью дневной гармонии, озаренной светом.

Покуда процесс не закончен, ночь для нас связана с противостоянием тьме, с усилием, с прохождением через мрак и опасность. Но когда мы дойдем до цели нашего странствия, само это путешествие обретет иное значение: окажется, что то был путь к свету дня. Ночь же, со всеми ее ловушками и горестями, служит лишь тому, чтобы для нас ярче предстал следующий за ней день и чтобы мы глубже постигли то спокойствие и ясность, которые он несет нам.

Ī īāō

ЭПОХА РАДУГИ

È ñeàçæ Āīāñēūū ūé Ī īāō è ñīīīāyī āā ñ īēī òàé: «...Āīō çīāé ñīçā èīōīōūé B īīēāñīp īāeāō Ī īīp è īāeāō āāī è, è īāeāō èāeāūī æēāīī ñūāāñōāīī, ÷ōī ñ āāī è, - īā āā-īūā īīēīēāīēy. Ðāāōō Ī īp īīī āūāp B ā īāeāéā.. È āūāñō, èīāā īāāāō īāeāēī īā çāī ēp è īīyāeōñy ðāāōāā ā īāeāéā è āūīīī īp B ñīç Ī īé... È āīāā īā ñāeāāñōñy āīēāā īīōīēīī, ÷ōīāū āāeōū āyēōp īēīōū».

Āðāéçēñ 9:8-15

Конечно же, радуга – естественное явление. Солнечные лучи проходят через мельчайшие капельки влаги, висящие в воздухе; прозрачные, подобные кристаллам капельки воды отражают свет, разлагая его на цвета спектра, в нем содержащиеся, – так в небе появляется радуга.

Однако до потопа это естественное явление не проявлялось. Каким-то образом в эпоху до потопа взаимодействие атмосферной влаги и солнечного света не давало эффекта радуги. И только после потопа «механизм» этого взаимодействия был «запущен» Создателем, а радуга стала знамением Его нового завета с творением.

Духовное и физическое – две стороны единой реальности. И упомянутое нами изменение характера взаимодействия между атмосферной влагой и солнечным светом выражает более сущностное духовное различие между миром до и миром после потопа, а также изменение отношения Б-га к павшему миру.

Bōēī āīōāēāī ī ūā ī ōīōēāī ī tēīāēī ī nōē

Уже рассказ Торы о первых двадцати поколениях, населявших землю, дает представление о двух главных отличиях допотопного мира от эры после потопа.

Допотопные поколения имели куда бо́льшую продолжительность жизни: мы читаем о том, что допотопные патриархи жили по 800, 900, 1000 лет. Так, дед Ноаха, Метушelah, прожил 969 лет; отец, Лемех – 777 лет, а сам Ноах – 950 (Брейшис, 5:27; 5:31; 9:29). Зогар объясняет столь долгую продолжительность жизни первых поколений тем, что допотопная эпоха – время Б-жьего благоволения, когда жизнь, здоровье и богатство свободно и беспрепятственно изливались Свыше.

После потопа наблюдается последовательное сокращение продолжительности жизни: сын Ноаха, Шем, жил 600 лет; сын Шема, Арпашхад – 438; Терах, отец Авраама, принадлежавший к девятому поколению потомков Ноаха, жил 205 лет, сам Авраам – 175; правнук Авраама, Леви – 137, а правнук Леви, Моше – 120 лет (Брейшис, 11:10-13, 32; 25:7; Шмойс, 6:15; Дворим, 34:7). Проходит лишь три поколения после потопа, а Авраам уже считается старцем в 100 лет (Брейшис, 18:11).

Второе отличие может показаться никак не связанным с первым – более того, ему противоречащим: после потопа мир обрел стабильность и устойчивость, которыми до потопа он не обладал. До потопа существование мира ставилось в зависимость от состояния в нем морали, и когда человечество впало в порок и погрязло в насилии, Б-г сказал Ноаху:

«Конец всякой плоти настал предо Мною, ибо вся земля наполнилась насилием от них, и вот Я истреблю их с землею» (Брейшис, 6:13).

После же потопа Б-г воскликнул: «Не буду более проклинать землю за человека... Впредь, во все дни земли сеяние и жатва, холод и тепло, лето и зима, день и ночь не прекратятся» (Брейшис, 8:21, 22).

Более цикл жизни и природы никогда уже не будет под угрозой уничтожения как бы человек не удалялся от Б-га. Мир после потопа – это мир, существование которого гарантировано, мир, желанный Создателю, независимо от того, следует ли он Его воле или нет.

Радуга же выступает гарантией этой новой стабильности, ее символом.

Ī ēd, ī āī ōī ēōāī ū ē āēy īāōā

До потопа роль человека в творении сводилась, прежде всего, к тому, чтобы откликаться на Б-жье присутствие в мире. Поток Б-жественной жизненной силы изливался в мир свободно и мощно, благодаря чему люди могли достигать великих материальных и духовных результатов; однако эти достижения были всего лишь приятием того, что снисходило на людей Свыше, а не результатом их собственной инициативы.

Мир до потопа можно уподобить иному отличнику в школе, который разом «схватывает» самые сложные объяснения учителя, но не способен породить ни единой собственной мысли. И удалившись от наставника, порвав с ним всякую связь, этот ученик потерял опору для существования. Допотопные люди предпочли забыть Б-га – что же было Ему делать с этим миром?

После потопа Б-г дал миру новые силы – силы творить. Он даровал существу способность развивать полученное Свыше, продлевать и распространять то, что ниспослано от Б-га. Такой мир можно сравнить с учеником, которого наставник научил мыслить самостоятельно, применяя усвоенные в ходе обучения идеи и знания к новым областям. Отныне человек был способен не только впитывать то, что посылается ему от Б-га, но и прилагать ниспосланное к жизни совершенно новым, порой неожиданным образом.

Этот мир во многом «слабее» того мира, что всецело зависел от Б-жественной милости. Но такой мир и менее зависим от Всевышнего, и в этом мире куда больше зависит от людской морали и ограничений, наложенных на себя людьми. Отсюда – сокращение продолжительности жизни людей, явившихся на свет после потопа. Однако задумавшись, мы поймем, что такой мир более устойчив: даже утратив истинное понимание того, зачем они пришли в этот мир и каково их истинное призвание, люди сохраняют возможность преодолеть это состояние и восстановить связь с Творцом. Такой мир обладает собственным потенциалом для обновления, причем этот потенциал всегда можно реализовать, пусть даже он не был востребован на протяжении многих поколений.

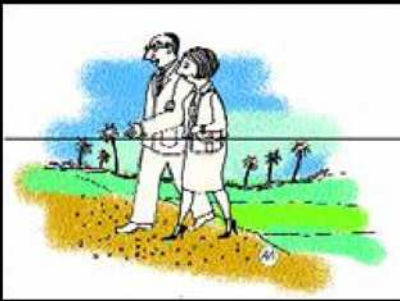
Òwí àí, àtíńí àyùèé ìò cǎì èè é í ááó

Радуга – естественный феномен, в котором проявляются эти новые качества, свойственные миру после потопа. Влага испаряется с земли, образуя облака и дождевые капли, которые улавливают солнечный свет. Субстанция более грубая просто поглощала бы свет, но благодаря чистоте и прозрачности мельчайших капель воды те фокусируют и преломляют свет таким образом, что проявляется все многообразие цветов спектра, заключенное в солнечных лучах.

Мир до потопа не знал радуги: прежний мир был лишен той сущности, которая могла бы восходить к Высшему, чтобы взаимодействовать с тем, что с Небес ниспосылается миру, развивая это и взаимодействуя с ним. Такова была духовная природа этого мира, и, соответственно, в нем не было условий для появления физической радуги – водяная взвесь в воздухе могла лишь поглощать, но не могла отражать солнечный свет.

Лишенный творческого потенциала, мир до потопа лишился и основы своего существования, когда отвернулся от Б-жественного влияния, исходящего Свыше. Затем случился потоп. Дожди потопа не только положили конец тому миру, погрязшему в порче, – они омыли и очистили его, так что схлынувшие воды потопа оставили после себя новый мир, обладающий новой природой: мир, где открыта возможность к восхождению во имя встречи с Высшим, так же, как возможность к трансформации полученного Свыше; этот новый мир «прозрачен» и чист настолько, что полученное как дар свыше в нем можно преобразить в нечто новое, исполненное многоцветья и света.

И даже если этот мир утрачивает правый путь и впадает в заблуждение, Б-г видит радугу, и это зрелище удерживает Его от желания разрушить мир: радуга свидетельствует о новой зрелости мира – его способности подняться над ошибками и заблуждениями настоящего и заново установить связь с Творцом.

Ēaō Ēaōī

ОДЕЯНИЯ

Í ðàááí úá ñò ðáí ÿòñŷ ñéááí áàò ù ðáí ðóá

Áðáéσèñ ðááà, 67:8

Áñéè òí: áóù óçí àòù, éàé ááñðé ñáŷ á òíé èèè éííé ñéò ááòéè, ááòí áéñŷ, ÷òí ñáéàé áú Á-á

Óí ðááéŷŷ í èðí, Á-á í ðááíí: èò ááò, ÷òí áú í ðñéññáŷŷ úáí á íáí ðáçáà ðó ááéñŷ á ñáéáñé è ñ ðŷáí ðáç é í ááññá ááí úó (á òáí ñáí úí - í ðááñéáçŷí úó) áéá ðéò í íá í ú í áçí áááí èò «çáéííáí è í ðéðí áú». Ñí éçí ñéáò ù í áí í ó ñ í ááá Á-á ñò í éú áéá «í ðñí òí», éàé í ðñéçááñðéò ù çáðíí, - ÷òí áú í ðóí éç í óéè è áí áú á í á: è áú í áéáéñŷ ðéáá. Í áí áéí çá è ñééç: áí éáí ò áó ññ ðéá éáò, éí ááá Í í í èò áé áá ðááá áéóé ááá èò á í óñò úí á í áí í é, Á-á í ðááíí: èò áé áááò ù í áí í ðéðí áí úé ðéáá, áú ðáí áí í úé í áí è í á çáí éá, á í á: ÷ááñ ŷé ðéáá, óí ááò éè ñ í ááá

ðáé áéá è í ú ñò ðñéí í áóó áéçíú ññ í ááðáçŷŷí ñ çáéííáí è í ðéðí áú è í í á: éíŷŷí èí. È í í éóáá í ú ððáíéí ááçí ááñ ðñ: í óç ááò á òí, ÷òí Á-á - ááéí ñò ááí úé í í ááò áéú áéçíé è í ðñí èò áí éŷ, í ú í ðééáááí áñééŷ, ÷òí áú í ðááééúñ í í ðááí éçí ááò ù áñò áñò ááí úá ññ ááñò áá, éí òí ðúá ñò áí óò éáí áéíí áéŷ Áá áñéè è áéáá ááòé. Í ú çí ááí, ÷òí óò í ééò ù ñáí é áéí á ðéááí, áú ðáí áí í úí è áú í á: áí úí éç áú è, - í á í áí úó áá «: ááí», ÷áí áéó ááò ù ðéáá, óí ááò éè ñ í áááñ Í ðé ÿò í í ú í á ñéáéí, ñéí áéá ðééè è í áééáŷ, éí ááá í á í áñ óí áááò í áí í á í áááñ áŷ. Í áò, - áááí ŷ, áñééŷ è ò áéáí ò ù, éí òí ðúá í í áéíí áú í í ñŷŷ ðéò ù «ñáŷò ù í», áóñí áí úí çáí ŷò éŷí, í ú ððáò èí í á òí, ÷òí áú í áááò ù è çáñ áááò ù çáí éç, çáí áééááò ù ò áñò í, áú í áéáò ù ðéáá, èèè í á òí, ÷òí áú çáðááí ò áò ù ááí úñé, éí òí ðúí è çáí éáò èí áðááí éç áŷí, áú í áéáç ðñéí áéŷ í áñ ðéáá

Á 12-é áéááí éí éé Áðáéσèñ í áí ááí á í ááéú í í áí áí í á í á í ò í í ó áí éŷ é áéçíé, ŷáéáí í áŷ á í í áááí èè í áðáí áá ááŷ, Ááðááí á Á-á ááéè ò Ááðááí ó í í ñáéèò ùñŷ á Ñáŷò í é çáí éá; í í, éí ááá áñéí ðá í ñéá ŷò í á ñò ðáí ó í ðááéááò áéí á, Ááðááí í ò í ðááéŷáò ñŷ á Ááéí áò, ááá áñò ù í ðñí èò áí éá Í ðéáéé áéŷŷí è Ááéí óá ñéáŷŷ úáí óñŷ ñáí áé ðáçáðá ù áí í ñò ùç, Ááðááí ññ çí ááò, ÷òí áí ó ááñ áéááò ñ ááò áéúñ áŷ í í áññ í ñò ù, éáí áéáí á áá, Ñáðá, - í ðáéðáñ á, è í í í ðñéò áá í áúŷáéò ù, áóáò í í á - áá ñáñò ðá, éí á: á ááéí òŷ í á í ðñí òí ááç ðò áá, í í çáðé áéèñ í á áá éðáñ ò á

Áí éí á á Ñáŷò í é çáí éá è í óò áéáñò áéá Ááðááí á á Ááéí áò ðáññ áò ðé ááç ðñŷ éàé ÷áñò ù «Ááŷŷò è Èñ ú ó áí éé», í è ññéáí úó í ò Á-á, ÷òí áú óáññò í ááðéò ù áéóáéí ó è ááçŷí éáí í ñò ù ááñú Ááðááí á (Í éðéáé Í áñéñ 5:4). Í á í áðáí é áçáŷá í í áéáò í í éáçáò ùñŷ, ÷òí Ááðááí «í á áú ááðéáé» ŷò èò èñ ú ó áí éé: í í í á í ñò áéñŷ á Ñáŷò í é çáí éá í ááŷŷí, ÷òí Á-á í èññí óéáò áí ó áñ í áí áóí áéí í á í ðñí èò áí éá è áñ áðáí ŷ áéí áá, á, í éáçááò éññ á Ááéí óá í á ñò áé óí í ááò ù í á òí, ÷òí Á-á í áŷŷáò áéúñ í ñò ðáí èò áí ó áéçíú, á ñéáñ ðñéáé áí á áéí òŷ í á í á ò ðñí óò áá áéáí á

Í á ñáí í í áéá ááéá í ðáí ááðéáéá áñò áñò ááí úí è í óòŷí é, í ðááí ñò ááéŷáí úí è áéçíúç, í ò í áú í á í áéááò áéúñ ðááò í áéóáí éé ááá á Á-á. Í í ñò è, í ðáí ááðááò ù ðááéúñ í ñò ùç - çí á: èò éáò è í ðñí èá áñéè Áñááí ó í áá, éáí á í ðéðí áí í í í éðá í ú áú í í éíŷáí ðñéú «ññ ááí ò í éé í á Á-á» í í ò áñ ðáí éç (Óááíñ, 10a;

119a). Ènòéííñòù ááñú íðíááðýáòñý íá òíí, èàé èì áííí ÷áéíáé ðáñíðýáááòñý ááííúì àì ó íò íðéðíáí, èóáá íí íáíðááéýáò ññé ùñééý. Ñ:èòááò èè íí òíéúéí «áñòáñòááííúé ííðýáíé ááíáé» íðé:éííé ññéò áíñòèáéáíéé? Èèè ññéááò, ÷òí áñí íðíéñíáýúáá - èèòú ííéðíáí, èíòíðúíè Á-áñ óñáíí áúéí íáéá:ú ññáðúáíñòáñòááííóð ííáááðáéó íáóáé áéçíé, èññíáýúòð Ñáíóá?

Ááðá Ááðááí à íá áúéá ííí áóíé, èíááá íí íáíðááééñý á Ááéíáò, òáé èáé á ñééò áñòáñòááííúéò íðé:éí á Ñáýòíé çáí éá ðáçðáçééñý áéíá è ááðá íá ííí áóáéá àì ó íðéááá òòúé íðéòáíðñòáí, èíááá áíçíéééá óáñíçá ááá áéçíé. Á ñòúííñòé, íáñòíýúéí ííáòááðáéááí éáí ááá ááñú á Á-áñ áúéí òí, ÷òí íí áñí áéá íðááíðéíýé ýòé óááé è ííé ííðáááéé ñáý, ñ áðáí áíáí íðéíáñý àì ó í áòáðéáéúí úá áéááá. Íðé ýòíí íí íñçíáé, ÷òí èì áííí ññýçí ñ Á-áí - ááéíñòááííúé èñòí:íéé, ááðáíòéððúéé ááá çáçííáñ íñòúé íðíóááòáí éá

Éíñó

Однако в некоторых случаях Б-г все же совершает «чудеса», когда с происходящего сорвано одеяние предсказуемости и «обычности» и вмешательство Всевышнего в нашу жизнь происходит таким образом, что рутинный ход природных вещей отступает в сторону. Но и в этих случаях нам предписано «следовать нашему Творцу»: «чудесное» вмешательство происходит тогда, когда обстоятельства требуют «чудесного» ответа, поведения, пренебрегающего диктатом природы и условностей.

Но это – исключение, а не правило, и проявляется оно либо в исключительных обстоятельствах, порой возникающих в нашей жизни, или – с исключительными людьми, чья внутренняя жизнь развертывается в соответствии с теми чудесными измерениями, в которых и явлена связь Б-га с нашей реальностью.

Таким исключительным человеком был правнук Авраама, Йосеф. Будучи брошен в Египте в тюрьму и предсказывая томящемуся вместе с ним в узилище начальнику виночерпиев благоприятный поворот судьбы, Йосеф воспользовался этим и попросил:

«Через три дня Фараон вознесет тебя и возвратит тебя на начальную должность твою... И если будешь помнить обо мне, когда станет тебе хорошо, то сделаешь мне милость и напомнишь обо мне Фараону, и выведешь меня из этого дома» (Брейшис, 40:13,14).

Но такое поведение Йосефа оказалось неверным; он был наказан за то, что в данном случае возложил свои упования на человека вместо того, чтобы доверять одному Бгу. «И не вспомнил начальник виночерпиев об Йосефе, и забыл его» (там же, 40:23), и Йосефу пришлось еще два года провести в фараоновой темнице.

То, что было подобающим поведением и демонстрацией веры в Б-га для Авраама, стало для Йосефа отступлением от веры. Ибо Йосеф принадлежал к избранной группе праведников, чья миссия в жизни – следовать Б-гу на чудесном, а не на реальном плане бытия.

Ī īīāāē āāēīēōū

Эти два пути в жизни персонифицированы в двух великих талмудических мудрецах: рабби Ишмаэле и рабби Симоне бар Йохе. Как изречено в Талмуде (Шабос, 35б):

«Написано “И соберешь зерно свое” (Дворим, 11:14). Чему призваны научить нас эти слова? Ведь сказано: “Да не отходит книга Торы от уст твоих [изучай ее днем и ночью]” (Иешуа, 1:8). Я пришел к тому, что должно понимать слова эти буквально; стих этот учит нас: “соберешь зерно свое” – то есть тому, что следует нам принимать участие в путях мира сего. Таковы слова рабби Ишмаэла.

Рабби Шимон бар Йохай сказал: если человек пашет, когда время пахать, сеет, когда время сеять, жнет – когда пришло время жать, обмолачивает зерно, когда время – молотить, и веет, когда ветер, что же станет с Торой? Но если

исполняет Израиль волю Всевышнего, то работа его будет выполнена другими, как то написано: “И придут иноземцы и будут пасти стада ваши...” (Ишаяу, 61:5)»

Талмуд заключает: «Многие поступали как рабби Исмаэль, и преуспели; как рабби Шимон, и не преуспели».

В каждом поколении есть избранные «Йосефы», возвысившиеся до состояния полного отчуждения от путей мира сего и его забот, – они являют собой истинность того, что «нет другого, кроме Него» (Дворим, 4:35). Однако для подавляющего большинства из нас путь намечен Авраамом: путь, на котором Б-г одевает Свое участие в нашей жизни одеждами естественных причин и следствий, когда ресурсы и нормы нашего физического существования служат Ему орудием, коим Он направляет нас.

Ваейро

ЕВРЕЙ ОТ ПРИРОДЫ

È îòéôüēñŷ āi ó [Āāāāi ó]

Ā-āā Yēīīāē-Ī āi ôŷ, ā īī ñēāāē ó āāāē oāòōā,

ēīāāā çī īāī āūē āāī ū

Āāāē oēñ 18:1

Ōāē òōāòéé āāī ū īīñēā īāōāçāī ēŷ Āāāāi ā,

ē Ā-āŷāēēñŷ āi ó āī ēñīīēī āī ēā ī eōāī ī òīī,

÷ òī ñēāāōāò īāāāūāò ū āī ēŷ ū ēā

Īāōē ī ā yò îò ñòēō; Ōāēī oā, Āāāā Ī āōēā, 8çā

В 1798 году основатель движения Хабад рабби Шнеур-Залман из Ляд был арестован по обвинению в заговоре, умышляющем на жизнь царя, и заключен в Петропавловскую крепость, воздвигнутую на острове посреди Невы. Ребе провел в крепости 53 дня, и при этом его часто возили на лодке через реку на допросы в здание тайного совета в центре Петербурга.

Īāīāæāū, ēīāā ēīāēā n̄ Dāāā āūēā īīn̄āāēīā dāēē, īāāī īā īāīāāīēā dāū-ēn̄ōēēīn̄ī, ē ā īd̄īn̄āōā ī āēāō ōō: çān̄yēā ī īēīāāy ēōīā Āāēāy ēm̄īēīēōū ī ēōāō ēēāōō ēāāīā («īn̄yūāīēā ī īēīāīē ēōīū » - yōō ī ēōāō āīēāīī ēm̄īēīēōū ā ēp̄āōp īī-ū ēīāā ēōīā yūī āēāīā, ā ōā-āīēā īāāīē īīēīāēīū āāāēīēīā ī āyōā, īā īīçāīāā, ÷āī ēōīā āīn̄ōēāāō āōīd̄īē ÷āōāāōē - īīēīēōīēy), dāāāē Ōīāōō-çāēī āī īīīd̄īn̄ē ēīāīēd̄īā īn̄ōāīāēōū īā īāīēīēūēī ī ēīōō ēīāēō, ÷ōīāū īī īīā āīçīān̄ōē īāīāōīāēī ūā ī īēēōāū. Ōā īōēāçāēēn̄ī

Ē ōōō ēīāēā īn̄ōāīāēēān̄ī n̄āī ā, ē īān̄ īōd̄y īā ān̄ā ōn̄ēēy āāāāō īā īīā n̄āēīōōū āā n̄ī ān̄ōā. Dāāāē Ōīāōō-çāēī āī ān̄ōāē ā ēīāēā ē īd̄ī-āē īāāīā n̄ōēōē 148 ā Ī n̄āēī ā, ī dāāāāōy p̄ūēā āēāāīēīāāī ēā ēōīū.

Īāīāēī Dāāā īā n̄ōāē īd̄īāīēāōōū ī īēēōāō ē īīōn̄ōēē n̄āī ī āēāāīēīāāī ēā Āāāā īī çāī īēē, ēīāēā āīçīāīāēēā āāēāīēā ē āāāān̄ Dāāāē Ōīāōō-çāēī āī āīāū īāāōēēīy ē ēīāīēd̄āī n̄īd̄īn̄āīē īn̄ōāīāēōū ēīāēō ē āāōūāī ōīd̄ī-ān̄ōū ī īēēōāū.

«Āīēē ōū āāōū ī īā āēāāīēīāāī ēā īd̄ē-āī īēn̄ī āīīā - n̄ēāçāē āēāāī ūē, - y īd̄ēāāēō īn̄ōāīāēōū ēīāēō».

Dāāā īīīāāūāē ēm̄īēīēōū āā īd̄īn̄āō. Āūē īōāāī īd̄ēēāç, āāāāō n̄ēīāēē āān̄ā, ē Dāāā ēm̄īēīēē ī ēōāō ēēāōō ēāāīā āī ēīīōā (Ēēēōōāē āēāōd̄ēī, ō. IV, n̄ 1504). Ī ēn̄ī āīīā āēāāīēīāāī ēā Dāāā n̄ōd̄āī ēēīn̄ī ā n̄āī ūā n̄īd̄īāīēāāāōāāī āāī īōēōāā. Ā 1869 āāō īāēī ēp̄āāāē-īēēē ōān̄ēā (dāāāē Āīā-çāāā ēç ēd̄āī āī-ōā, ō-āīēē dāāāē Ōī ōyēā ēç ēp̄āāāē-āē, ēīōīd̄īē īd̄ēōīāēēīy dāāāē Ōīāōō-çāēī āī ō īdāāīōēīī) āēāāē yōīō āīēōī āīō, āēīyūēē ā dāī ēā ā āīī ā n̄īīā ōīā īōēōāā, āīāōīā īīī āūēēā ēç Nōāōīāūā.

Ōn̄ōāīāēāīēy

Эта история показывает, что мицвойс (Б-жественные заповеди) Торы даны нам для исполнения в этой реальности, а не когда она отступает перед «чудом». Как сказано в Мидраше, когда Б-г сотворил мир, Он установил: «Небо – Г-споду, а землю Он дал сынам человеческим» (Теилим, 115:16). Но когда Он возжелал дать Тору Израилю, Он отменил Свое первое установление и было Им сказано: «Низшее может восходить к высшему, и высшее может нисходить к низшему» (Мидраш Танхума, Ваейро, 15).

Б-г – бесконечен, Он превосходит любые категории и определения; физическая реальность конечна и может быть соотнесена лишь с сущностями, поддающимися определению и категоризации. Так что непреодолимая пропасть между земным и небесным предопределена самой природой творения. Человек может достичь небес, однако сама ограниченность его физического состояния неизбежно низвергнет достигшего на землю. Б-г может проявиться в земном мире, «раздвинув» его рамки, связанные с материей и плотью, но Б-гоявление подразумевает, что «земные» условия низшего мира преодолены высшей силой. В такие мгновения происходит не установление связи между низшим и высшим, а, по сути, само низшее уже имеет отличную природу, перестав быть низшим.

Таково было состояние дел в целом перед тем, как Б-г даровал нам Свою Тору на горе Синай. Человек был способен совершать великие, даже «святые» деяния; однако все человеческие достижения при этом принадлежали либо «низшей», либо «высшей» сферам бытия – либо физической, либо сверхъестественной реальностям. Человек мог добиваться физического самосовершенствования или улучшать условия своего физического бытия в мире; он даже мог оказывать достаточно серьезное влияние на сверхприродные миры и связь Б-га с Творением; но он не мог соединить эти две крайности, которые разделяла пропасть. Он был не способен освятить физическое, чтобы Б-г стал постоянно присутствующей и физически ощутимой реальностью в жизни людей. Земное и Б-жественное оставалось двумя жестко очерченными, самодостаточными мирами.

Это «установление» было отменено, когда произошло Откровение на Синае. На Синае Б-г велел нам соблюдать мицвойс; Он определил шестьсот тринадцать человеческих деяний, затрагивающих каждую область жизни, исполнение которых есть исполнение Его воли. После Синая всякий раз, когда человек из плоти и крови получает монету из металла, заработанную его физическими трудами (все это связано исключительно с физическим миром), и отдает ее на благотворительность; или когда вырезает кусок кожи особых размеров и формы, внутрь его кладет пергаментный свиток, на котором написаны определенные слова, и обвязывает этой кожей голову так, что получаютс я тфилин; или же когда готовится специальный хлеб – мацу – только из муки и воды и ест этот хлеб в первую ночь Пейсаха – он исполняет какую-либо мицву. Конечно, физическое действие становится реализацией Б-жественной воли.

Посредством мицвойс принадлежащее сфере низшего восходит к сфере высшего, не теряя при этом своей изначальной принадлежности к миру дольному. Более того, те самые характерные черты, определяющие принадлежащее земному миру как низшее (физический план существования, ограниченность этого существования в пространстве и времени, чувственное восприятие), – все эти черты как раз служат средством для соединения, контакта с Б-гом.

И в этом – причина, по которой рабби Шнеур-Залман отверг саму возможность воспользоваться какой-либо сверхъестественной поддержкой для исполнения мицвы. В противном случае его действия противоречили бы основной функции мицвы. Особенность мицвы, выделяющая ее среди других средств «прикоснуться» к Б-гу, заключается в том, что, даже возвышая человеческие деяния так, что они становятся исполнением воли Б-га, мицва остается деянием сферы природного мира, физической реальности человеческого существования.

וְאֵלֶּיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

Этот принцип «естественной мицвы» проливает свет и на один из эпизодов жизни первого еврея, Авраама.

В заключительном стихе главы Лех Леха книги Брейшис, которой посвящена данная беседа, сказано, что по слову Б-га Авраам и все домашние его совершили обрезание. Следующая же глава начинается с рассказа о Б-жественном посещении Авраама, поправляющегося после совершения обрезания: «И открылся ему [Аврааму] Б-г в Элоней-Мамрэ, а он сидел у двери шатра, когда зноен был день».

Мудрецы поясняют, что Б-г пришел отдать Аврааму «визит к болящему» – и впрямь это посещение Б-гом Авраама приводится как источник мицвы бикур хойлим –

«посещение больных». «Шел третий день после обрезания, и Б-г явился [Аврааму] справиться о его здоровье» (Бава Мециа 86; Сота, 14а).

Но почему Б-г ждал три дня, прежде чем посетил Авраама? Эта отсрочка кажется еще более загадочной, если учесть, что недомогание, связанное с обрезанием, полностью именно через три дня проходит естественным путем (см. Талмуд и комментарии, Шабос, 134б).

Но тогда Б-г отложил посещение Авраама до той поры, когда одна из главных функций бикур хойлим уже не имела смысла!

Ī eōāi Āāāi ā

Авраам жил за несколько столетий до откровения на Синае; в эпоху Авраама «установление», отделяющее земное от сверхприродного, еще было в силе. Потому, хотя Авраам достиг величайших вершин как в земном, так и в сверхприродном мире, – подобного до него не удавалось никому, – его деяния не могли перекинуть «мост» между двумя мирами.

Однако Авраам был патриархом всего еврейского народа, его жизнь вместила в себя всю историю его потомков, и вехи его жизни предвосхищают все вехи последующей истории евреев. «Все, случившееся с патриархами, – знамение, в котором дано будущее их потомков. Вот почему Тора столь подробно останавливается на их странствиях, исчисляет колодцы, выкопанные ими в пустыне, и повествует об иных событиях в их жизни. Все это – наставления будущим поколениям: из случившегося с одним из трех патриархов можно понять, что назначено испытать их потомкам», комментировал Рамбан (Брейшис, 12:6; ср. Мидраш Танхума, Лех Леха, 9; Сота, 34а; Брейшис Раба, 40:8).

И дарование Торы на горе Синай имеет в жизни первого еврея, Авраама, соответствующий прототип.

Синай Авраама – это дарование ему Бгом мицвы мила (мицвы об обрезании). То была лишь одна из 613 мицвоис Торы, данная Аврааму; лишь совершая обрезание, он мог освятить физическое, преодолевая разрыв между материальным и Б-жественным.

Здесь кроется объяснение, почему Авраам, желая, чтобы слуга его Элиэзер дал клятву, велит тому: «Положи руку твою под бедро мое» (Брейшис, 24:2), и то же самое велит Яков Йосефу (Брейшис, 47:29). Клятва дается на каком-либо священном предмете: на свитке Торы или на тфилин; Авраам же велит Элиэзеру поклясться на том, что освящено мицвой об обрезании.

Мудрецы говорят, что «Авраам соблюдал Тору», хотя та еще не была «официально» дана евреям на горе Синай (Йома, 28б). Так, Авраам изучал Тору, повязывал голову тфилин, над входом в его шатер была прикреплена мезуза – казалось бы, тогда у него не было недостатка в священных объектах. Почему же он велит Элиэзеру: «положи руку твою под бедро мое», пренебрегая элементарной скромностью и стыдливостью? Однако исполнение Авраамом остальных мицвоис до Синая оставалось в рамках чисто духовного мира. Б-г не велел ему блюсти эти мицвоис, а потому они были подвластны все тому же закону, разделяющему духовный и физический миры непреодолимой пропастью. Остальные мицвоис могли серьезно повлиять на душу Авраама и его потомства, на духовную суть мира, но они не имели никакого воздействия на материальную субстанцию мироздания. Единственным исключением была мицва об

обрезании, данная Б-гом Аврааму и имевшая силу освящать физическое, – чем Авраам и пользуется, прося своего слугу дать клятву.

И именно выполнение Авраамом мицвы об обрезании открыло нам путь к Синаю, а уже на Синае мы получили все остальные мицвоис, что позволяло соединить сферы дольного и горнего.

Являясь архетипической мицвой, обрезание Авраама «по определению» было деянием, подчиняющимся природному порядку вещей: мицва должна была быть исполнена в обычных условиях материального мира – тем достигалось соединение земного и небесного. Не только само исполнение мицвы, но и приготовление к ней и определенные действия после ее совершения должны были строго соответствовать условиям бытия в материальном мире. Явись Аврааму Б-г ранее третьего дня, боль, естественная после совершения обрезания, отступила бы, но тем самым присутствовало бы вмешательство сверхприродного начала. А это ставило бы под вопрос «естественность» самого акта обрезания и ослабило бы ту связь, что образовалась в результате между исполнившим мицву и Тем, кто повелел эту мицву исполнять.

На первый взгляд может показаться, будто восстановление сил Авраама после обрезания произошло не без сверхъестественного вмешательства. В Талмуде сказано, что «три человека», явившиеся Аврааму, были тремя ангелами, принявшими соответствующие облики: один из них явился предсказать рождение Ицхака, второй – разрушить впавший в грех Содом, а третий – Рафаил, ангел исцеления, явился утешать Авраама (Бава Мециа, 86б; Раши на Брейшис, 18:2).

Но если Рафаил пришел исцелить Авраама, тогда почему это произошло лишь на третий день? И какова была нужда в ангеле-исцелителе, если Сам Б-г явился Аврааму? Ведь прежде трех ангелов Аврааму явился Сам Всесильный.

Мудрецы говорят: «Нет на земле ни одной травинки, о которой не пекся бы какой-либо ангел на небесах: он сажает ее и он говорит ей: “Расти!”» (Брейшис Раба, 10:6; Зогар, ч. I, 251а). Иными словами, все природные силы, по сути своей, – ангелы, то есть «вестники» Б-га, через которых печется Он о творении. И только потому, что мы принадлежим «внешнему» слою реальности, мы воспринимаем эти силы лишь в их физическом воплощении. Так, Рамбам в его «Наставлении на толкование сложных мест» (ч. II, гл. 10) говорит о природных силах как об «ангелах».

В сущности же, единственная сила, действующая в нашем мире, – Сам Б-г. А тем самым в конечном итоге нет существенной разницы между «чудом» и «природным феноменом»: и то, и другое – результат воздействия Б-га на творение. Различие заключается лишь в том, что «чудо» осознается как деяние Б-га, тогда как «естественное» событие – действие Б-га, прошедшее через серию «фильтров», в результате чего мы не воспринимаем таковое, как Б-жественное вмешательство в порядок вещей. Наиболее близкие к Б-гу «фильтры» – ангелы, наиболее внешние по отношению к Б-гу – «законы» физики или физические силы. Обычный человек различает лишь этот «внешний» лик природного мира; однако более искушенное восприятие цадика (праведного или святого человека) различает духовные силы, что таятся под покровом физических проявлений. Но и высшие из ангелов есть часть «природы» – фильтр и маска (хотя и более прозрачная), скрывающая Источник всякого бытия.

Исцеление Авраама, как и всякое исцеление, осуществлено Самим Б-гом. Но если бы Авраам испытал это исцеление как результат посещения Всесильного, то было бы

был Авраам.

явление, выходящее за рамки природы. Тогда как факт, что его силы восстановлены после посещения ангела Рафаила – духовного «источника» исцелений – позволяет отнести это исцеление к естественным событиям. Хотя – отнести к естественным событиям духовного рода, что, впрочем, вполне подобает цадику, каковым

Однако ангел Рафаил является только на третий день – когда слабость и дискомфорт, вызванные обрезанием, уже прошли естественным путем. То есть единственное различие между исцелением обычного человека и исцелением Авраама состоит в том, что Аврааму был явлен покров, принадлежащий высшей природе, которым облечен Б-жественный акт исцеления.

Ī īēdīāī Āēēīē

Как показывает пример с обрезанием Авраама, мицва далеко выходит за пределы одномоментного исполнения Б-жественной воли. Исполнение мицвы как бы простирается назад и вперед во времени, захватывая все, что ей предшествовало и сделало ее возможной, а также все, что получило бытие в результате ее исполнения. Все это становится частью отношений с Б-гом, которые устанавливаются при исполнении мицвы.

Поэтому то, чем приобретается исполнение мицвы, – идет ли речь о деньгах, времени или усилиях, или даже о страданиях и боли, – не следует считать «жертвой» или «ценой», которых требует от нас возможность служить Б-жественной воле. Скорее, это – способ, позволяющий включить целые фрагменты нашего бытия в мицву, тем возвысив их. Так как мицва – акт, в котором человеческие достижения обретают свою верхнюю точку, ибо мицва устанавливает глубокую связь между нами и Б-гом.

Ōāēāē Nīōī

ĀŌĪ ĐĀB Ī ĪĒĪ ĀĒĪ Ā

Āēēīē ÷ āēīāē ōīō ēīēūī cīēīōīā ā īīēōāēēy āāīī ē āāā ādāīēāō ā īā ōēē

āē

āāīī ā āāīyōūcīēīōū.

Ādāēōēñ 24:22

«Īīēōāēēy» - āēēpēy īā īdēīīōāīēā ēīōīōīā āīēāī āūē īīāēāōāīāōū īāōīā Ēpāēēy: «īīēīāēīā ōāēāy, īāyūāīīā ōāēāy, īīēō:āīīūā ī ēāēāīā» (Ōī īēñ 38:26).

Đāōē īā Ādāēōēñ 24:22

Īādāīē ādāē, ī ēīōīōīī ÷ ēōāāī īū ā Ōīōā, - ādāē Āāāī ā ē Āāī. Yōī ēīīā:īī āāādāē, ōāēēēīī cāēēp:āīīūē īā īāāāō: Ā-āNāī mōāīōēē īāāāō, īāāē āā āēāāōōāīīīē ē ōēdāīēē āā, ē īādāīāē āā āāīēōō (Ādāēōēñ 2:21,22; Ādāēōēñ Đāāā, 18:2). Īōē yōīī īāō mīīāīēē, ÷ōī Āāāī īā īdēīēī āē īēēāēīā ō:āīōēy ā āūāīōā īāāīōū.

Ái adaiá Orda danneaqitaaò enoiðeþ adaeá, aia aiáið íaainòú çaeie ío ÷aeíaeé è iíòðaiíaeé íò íaá íaeéò úeéé, éíaiá da-ú çaiíaeò í aeíeòúia Eöóaé (Áðaeoeñ 24). Çaiíú áaòaeíúí íieíaií, eae máaðoaòíñ íðaeéíúúé oeáóó (çiaeíi nóai), neaçaií í íaòá (íeóaa Áaðai á Yéeyçad), aaiá eíoiðí aöey í íai úa aqi íaeíie íaainòú: «È neaçae Áaðai íai ó daaó.. “Óú íá aqúú aeú íúíó í íai ó aeíú eç ai÷adaé Eíaaíá.. íí á í íþ nóðaió è íá í íþ ðíaeíó ííeáaóú è aqúú aeú aeíó íúíó í íai á..”» (Áðaeoeñ 24, 2-4).

«È Yéeyçad neaçae [Deáeá] “xüý òú ai÷ú?”... È neaçaeá ai á “B ai÷ú Áaòóyý, íúíá Í eéúeé, eíoiðíai ííá ðíaeéá Íaóíðó”» (òai aeá 23,24). Í íaainòúaióíñ è í ai óaðaeóada: «È neaçae: “...Áíò ý nóíþ ó enoi÷ieéa aia, è ai÷ade eþaaé aóíaa aióíayò ÷aiíòú aiá; íóíòú aeá áaeóá, eíoiðay, aiee neaaó ae: íaeéíie eóaeí óaie, è ý íaiúþíí neaaó: íae, è ý áaðaeþaiá óaieó íaiíþ, á-óí è ííðaaééé Óú aeý daaa Óaiáa, Eöóaé..”» (òai aeá 12-14). Áíaiðeóíñ è í ai íðeaiíí «È aqye daa aiíyòú áaðaeþaiá eç áaðaeþaiá aímíaeía íaiáí, è ííoeé, è aqyeíai aiaða aímíaeía íaiáí ñ íaiíþ aqye; è aíòae, è ííoeé á Áðai íaadeí, aóíá Íaóíðá» (òai aeá 10). «È aaióe daa aaié ííðaaóyíúá è çieíòúá, è íaaeáú, è aae Deáeá, è ííaaðeé aae íí adaoó aa è í aòade aa» (òai aeá 53). Neaçaií è í íaðaeé aíòda:á íaainòú è aeíeóá: «È aíòaeá Deáeá è íeóaeíeé ai, è íeé íá áaðaeþaiá, è ííoeé ç ÷aeíaeéí... È aúoeé Eöóaé íðe íaíðoiéaié è aa÷ada ííííeòúíñ á ííeá è, aqeyíóa, óaeáe - aíò, eáóó áaðaeþaiá. È Deáeá aqeyíoeá è óaeáaeá Eöóaé, è ííóíeéaiíí ñ áaðaeþaa. È neaçaeá daa: “eóí yóíò ÷aeíaeé, eáóúeé íí ííeþ íai íaainòda:ó?” È neaçae daa: “Yóí aímíaeí í íe”; è aqyeá ííá ííeðúíaeéí, è çaeðúeaií» (òai aeá 61-65) è ò. á

Á Orda ÷aióí aiíú á íeíaeíúá çaeííú aaiú eéou íaíei íeíaií eéé aaça áoeaie, á çaiíú eae í eíei ói 67 nóeóíá íííyúaiú enoiðeé adaeá Eöóaé è Deáeé. Í ííeá áaòaeé óííyíóóú íðe yóíí áaaeáú - máaða íðe íaúai eçeíaeaiéé máúoeé, á ííoií á da÷e Yéeyçada íaðai ðíaeóaeýí è Deáeé. Íðe÷eía óíí ó - çaiíú aai íðoiðeéí, eíoiðúí í ú aieaeíú ðeíaiíaióaiíòúíñ, aíòoiáy á adae, íðe÷ai adae eí aó çaiíú aá íí úíeá: yóí è ííþç áaó eþaaé, è éíí è÷aíeé adae í aeáó Á-ai è ÷aeíaeéí (íí. Yðaeéí, 54; Íð á Orda, Áðaeoeñ 25a).

Í íeíaeíá íò áaiíòaðe

Среди иных деталей, встречающихся в рассказе Торы о женитьбе Ицхака, упоминается и золотое «кольцо в полшекеля весом», которое Элиэзер преподнес Ривке при встрече у колодца в ее родном городе, Арамнаариме.

Мудрецы поясняют, что здесь мы встречаемся с аллюзией на приношение в полшекеля, которое каждый из евреев отдал на строительство Скинии, и полшекеля в рассказе о браке Ицхака предвосхищают сбор на строительство. В 30-й главе книги Шмойс Б-г велит Моше:

«Каждый проходящий подсчет от двадцати лет и старше принесет приношение Б-гу: богатый не больше и бедный не меньше половины шекеля должен дать как приношение Б-гу – для искупления душ ваших...» (14-15).

Почему приношение установлено в размере половины шекеля? Мы же знаем, что есть правило: «Все, что посвящается Б-гу, должно быть лучшим и прекраснейшим. Если кто-то строит дом молитвы, он должен быть лучше, чем собственное жилище строящего. Если человек взялся накормить голодного, он должен предложить ему самое лучшее и самое вкусное со стола... Все, что предназначается человеком на святыи цели,

должно быть лучшим из его состояния, ибо сказано: “Лучшее – Бгу”» (Ваикро, 3:16; Рамбам, Законы, касающиеся того, что запрещено возлагать на алтарь, 7:11).

Так же во многих случаях законы Торы требуют, чтобы объекты мицвы были тамим – «целыми»: животное с изъяном не может быть принесено в жертву Б-гу так же, как эсрог с изъяном не может быть включен в «Заповедь четырех плодов» во время праздника Суккос. И даже если это не является абсолютно обязательным требованием, законы настаивают на том, что везде, где возможно, при исполнении мицвы лучше использовать целый объект. Так, например, лучше произносить благословение над целым плодом и над целой буханкой хлеба, чем над кусочками плода и кусками хлеба (отсюда традиционная пара хлебов на столе во время Субботы и праздничных трапез – см. Брохойс, 39б).

Почему же тогда Тора требует от каждого еврея в стане пожертвовать на строительство «обители Б-га» половину шекеля? (Шмойс, 25:8; Мидраш Танхума, Носой, 16).

Повторяющееся в Торе упоминание об этом пожертвовании в «полшекеля» выглядит еще более странным, если учесть, что в тех же стихах в Торе пояснено: шекель состоит из 20 гера. Иными словами, сумма, жертвуемая «для искупления душ», составляет десять гера. «Десять» – число, ассоциируемое с совершенством и законченностью: вся Тора заключена в Десяти Заповедях; мир был сотворен десятью речениями Б-га (Пиркей Овойс, 5:1); Б-г связан с творением через десять сфиройс (Б-жественных атрибутов), а душа человека, сотворенного по образу Бжию, наделена десятью «силами» (Сефер Йецира; Тания, гл. 3 и далее). Однако вместо того, чтобы повелеть пожертвовать десять гера, Тора говорит о половине шекеля, состоящего из двадцати гера, избегая упоминания цифры десять и делая акцент на «половине» элемента, связанного с нашим вкладом в строительство «обители Б-га» на земле.

Daääáí úá í dè ðæääí èè

Такова сама сущность брака. Если каждый из партнеров, вступая в брак, полагает, что он или она обладают самодостаточной полнотой, то в лучшем случае их отношения будут строиться как «взаимодействие» двух совершенно несходных существ. Однако брак – нечто гораздо большее. Кабалисты поясняют, что муж и жена – мужской и женский аспекты единой души, рожденной в двух различных телах; многие годы они жили отдельно, часто – вдали друг от друга, даже не подозревая о существовании второй половины. Но Б-жественное провидение свело их вместе под свадебным балдахином и соответственно дало им возможность соединиться вновь: стать одним на всех уровнях: в их мыслях, чувствованиях и в физической жизни (Зогар, ч. I, 91б; ч. III, 76, 109б и 296а; Ликутей Тора Ари, Брейшис, 15а).

Тем самым брак – больше, чем простое соединение двух индивидуальностей. Это – воссоединение разделенной души, слияние двух жизней, которые изначально и по сути своей были единством.

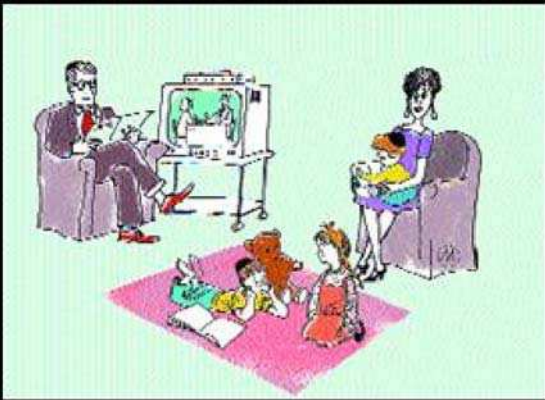
Чтобы такое воссоединение действительно произошло, мужчина и женщина, вступая в брак, должны помнить, что они – не «десять», а – «половина». Так, полшекеля состоят из десяти гера – каждый отдает браку свое «все», все ресурсы и потенциал, которые даны ему Свыше, однако при этом он или она видят в себе не целостное существо, а часть целостности, в которой соучаствуют оба.

נְשִׁיטָה

Полшекеля, данные Ривке при ее выходе замуж за Ицхака, были предвестием пожертвования в полшекеля, внесенного каждым евреем на строительство Скинии, «брачного чертога», в котором совершается брак между Б-гом и человеком.

Душа человеческая – «часть от Б-га свыше» (Иов, 32:2; Тания, гл. 2) – часть, что снисходит в мир, где погруженность в земное и материальное все дальше и дальше уводит душу от ее небесного истока. Потому даже душа, что во всей полноте сохранила свои десять сил, – всего лишь часть. И даже когда Б-г во всей полноте являет нам все десять атрибутов, что свидетельствуют о Его присутствии в Творении, Он лишь частично явлен нам в этом мире. И только когда две части воссоединяются в браке, восстанавливается их изначальная полнота и цельность.

Поэтому, чтобы выстроить Б-гу обитель на земле, мы должны пожертвовать полшекеля, который состоит из 20 гера. Мы должны всецело посвятить себя Б-гу, отдав всю полноту наших «десяти сил» браку с Создателем. Но, даже достигнув предельной полноты самореализации в нашей связи с Б-гом, мы не должны утрачивать понимания, что мы – лишь «половинная суть», – мы, как и Он, неполны друг без друга.

ÈÁÒÀÈÌ Í ÎÁÁÐÙ 2002 ÈÈÑÈÁÁ 5763 - 11(127)

«НЕХОРОШО ЧЕЛОВЕКУ БЫТЬ ОДНОМУ...»

ÁîÁ Ááð Õàñèáááè:

Одной из «семи Ноевых заповедей» – заповедей, данных Создателем всему человечеству еще до дарования Торы Сынам Израилевым, – является запрещение прелюбодеяния, разврата. Талмуд, который занимается выведением и точным формулированием законов Торы, выводит эту заповедь из библейского рассказа о сотворении человека, сотворении мужчины и женщины.

Вот сокращенный текст этого рассказа.

«И сказал Б-г Всемогущий: “Нехорошо человеку быть одному. Сотворю ему подмогу под стать ему...” И навел Б-г Всесильный глубокий сон на человека и, когда тот уснул, взял Он одно из его ребер (или по другому переводу – “одну из его сторон”) и сомкнул плоть под ним. И перестроил Б-г Всемогущий сторону, которую отнял от человека, в женщину, и привел ее к человеку. И сказал человек: “...Кость из костей моих, и плоть от плоти моей; эта пусть называется ИША (жена), ибо от мужа (ИШ) взята она”».

«Посему, – добавляет дальше Писание, – пусть оставит мужчина отца своего и мать свою, и соединится с женою своею, и да будут они единою плотью».

В Талмуде, в трактате Сангедрин, этот последний стих истолковывается как источник целой системы запрещений, налагаемых Торой на человека. «Посему пусть оставит мужчина отца своего и мать свою, и соединится с женою своею...» «Оставить отца и мать» подразумевает запрет кровосмешения, запрет вступать в брак или в половую связь с близкими родственниками. «Оставить отца» – это запрещение браков с ближайшими родственниками отца, а «оставить мать» – это запрещение вступать в интимную близость с матерью и ее ближайшими родственницами. Человек должен «оставить» близость его родных, и соединиться с женою своею. «С женою... – говорят законоучители Талмуда, – а не с мужчиной». Отсюда следует запрещение гомосексуализма. «С женою своею», – а не с чужой женою. Отсюда запрещение адюльтера, супружеской измены. «...И да будут они единою плотью» – отсюда некоторые законоучители извлекают запрещение скотоложства, запрещение человеку вступать в половую связь с животными. «Единая плоть» – это организм ребенка, который образуется из семени отца и семени матери и является чудесным соединением плоти их обоих, их брачных уз. Однако с животными человек не образует единой плоти, и поэтому под «единою плотью» здесь подразумевается запрещение таких крайних половых извращений, как содомия, скотоложство и гомосексуализм.

Следует отметить, что запрещение блуда, прелюбодеяния представляет собой одну заповедь в системе «Семи Ноевых заповедей». Однако в 18-й главе книги Левит, где изложены законы о прелюбодеянии для евреев, перечислен целый ряд отдельных заповедей, запрещающих различные противостественные и ненормальные – с точки зрения Торы – половые сношения. Так, например, Маймонид насчитывает десять заповедей из общего числа 613 предписаний для евреев, которые могут вытекать непосредственно из одной заповеди сынов Ноевых. На евреев Тора также налагает гораздо больше запретов, чем на неевреев, и соблюдение их гораздо строже для евреев.

Подводя итог дискуссии законоучителей Галмуда о запрещениях, касающихся прелюбодеяния у сынов Ноевых, Маймонид пишет:

«Шесть разновидностей запретных половых связей предписываются сынам Ноевым: запрещение сожителства со своей матерью, с женой отца, с сестрой... с чужой женой, с мужчиной, с животными...»

Можно спросить: Почему в Торе запрещение прелюбодеяния и запретных половых связей для неевреев излагается в такой «неконкретной» форме, что каждое запрещение приходится выводить из положительного предписания? Например, из того, что сказано: «...и соединяется с женою своей», следует запрещение супружеской измены. Не проще ли было в Торе при изложении этого закона написать конкретно: «Не должно делать того-то, а за такое-то преступление положена такая-то кара», как это имеет место в запрещениях убийства в главе 9-й книги Бытия?

Ответ на этот вопрос станет очевидным, если мы обратим внимание на то, что эта заповедь была дана человеку в самом начале его сотворения, еще до грехопадения. Человек был создан духовно и психически совершенно чистым. Все его желания и были направлены только на высокое, духовное. Физические влечения тела полностью гармонировали с душой и с ее устремлениями настолько, что голое тело не было предметом стыда: «... и были они оба наги, человек и жена его, и не стыдились». Человеку достаточно было лишь абстрактное знание того, как он должен поступать: что – правильно, а что – не хорошо.

«... Нехорошо человеку быть одному», – говорит Создатель. С первого взгляда может показаться, что Всевышний просто констатирует факт: человеку нехорошо быть одному. Это не так, ибо факты, порядок вещей установлен Создателем. После каждого акта творения говорится: «И узрел Всесильный, что [это] благо» (в православном переводе Библии: «И увидел Б-г, что это хорошо»). Смысл этого заключения, как отмечают комментаторы, в том, что Создатель, сотворив в природе определенный порядок, как бы утверждает его в качестве нерушимого закона природы. Человек, в отличие от остального животного мира, был создан один. Смысл такого сотворения, как указывает Мишна, в том, чтобы каждый человек в отдельности мог сказать себе: «Ради меня одного была создана Вселенная». Это осознание личной ответственности, которую каждый человек обязан нести перед своим Творцом.

Однако в план Творения не входило, чтобы человек оставался обособленным созданием. «Нехорошо человеку быть одному» – это еще один акт Творения. Человек – в отличие от животного – создан как существо общественное, цивилизованное. А раз так, то на него распространяются законы, которые не предписаны для животного мира. Для животного семья не обязательна. Для человека семья является основой общественной организации. Родители несут ответственность за материальное обеспечение и нравственное воспитание своих потомков. Это воспитание должно быть сосредоточено на вере в Б-га, на том, что достойно человека, созданного в Образе Б-жественном, а что – недостойно. Родители должны служить живым примером благородного поведения для своих детей, а дети должны уважать родителей. Отсюда также скромное, благородное поведение в семье и запрещение разврата и половых извращений.

Мы переживаем трудный исторический период так называемой «сексуальной революции» и разрушения брачных уз. Общество несет на себе бремя взращения тысяч, а то и миллионов детей, не знающих своих отцов. Мы являемся свидетелями постоянного роста преступности среди несовершеннолетних. Распад семьи ведет к неизбежной гибели

общества, на каких бы основах оно ни строилось. Здоровая семья – это «молекула» здорового общества. Здоровое общество строят не те, кто сражается на баррикадах – эти скорее пытаются что-то разрушить, прежде чем строить, – а те, кто строит здоровую семью.

«Нехорошо человеку быть одному». Каждый должен спросить себя: «Что я сделал и что я могу сделать для усовершенствования самого себя и общества, в котором я живу». Ответом на этот вопрос должно быть принятие на себя бескомпромиссного выполнения «Семи заповедей Ноевых» как основ цивилизации и активное распространение их.

Н О Я Б Р Ъ С К И Е Н О В О С Т И Ф Е О Р

Āāç ĩŃŃŃ: āñŃŃŃ ėāāēāīāī ÷ Ńāī āīŃŃŃāēāāī ēŃŃŃ ī āāīŃŃŃ īāēīī

В Московском еврейском общинном центре члены попечительского совета Федерации еврейских общин России отпраздновали Рош а-Шона.

Главный раввин России Берл Лазар начал с трубления в шофар, а затем в приветственном слове сказал:

– Когда я приехал в Россию 15 лет назад, все говорили, что будущего для евреев здесь нет. Теперь все изменилось. Сегодня нет лучшего места для евреев, чем Россия! Некоторые полагают, это – наивный оптимизм. Но за последний год я побывал в Европе не раз. К сожалению, нас там не любят. Здесь, в России, другое отношение, и во многом это заслуга людей, сидящих в этом зале. Перед нами огромные перспективы. То, что мы сделали в прошлом году, хорошо для вчерашнего дня, а завтра нам надо сделать намного больше. Чудо возрождения невозможно без участия каждого.

Праздничное послание российским евреям президента Владимира Путина огласил первый заместитель начальника Главного управления внутренней политики его администрации Геннадий Карий:

– Сегодня в России укрепляются и развиваются институты гражданского общества, – отметил президент. – Деятельность еврейских организаций в этом необратимом процессе всегда была и остается значимой и конструктивной. Государство и впредь будет всемерно противодействовать любым проявлениям экстремизма и антисемитизма. Убежден: только опираясь на демократические принципы и веротерпимость, мы сможем обеспечить России достойное будущее... Желая российским евреям здоровья, мира и благополучия.

Огласили и поздравление мэра Москвы Юрия Лужкова:

– Разносторонняя деятельность московской еврейской общины будет и впредь содействовать утверждению идеалов высокой духовности, формированию

нравственных ориентиров в жизни общества, упрочению гражданского согласия, межнационального и межконфессионального мира.

Затем прозвучало приветствие премьер-министра Израиля Ариэля Шарона:

– Я уверен: в новом 5763 году ваша несокрушимая солидарность позволит нам преодолеть все преграды на нашем пути... Я молюсь, чтобы наступающий год принес мир и безопасность. Я уверен: объединившись, мы сможем претворить в жизнь все наши надежды и мечты.

В поздравительном послании президента Израиля Моше Кацава речь шла о тревожной обстановке из-за непрекращающихся жестоких и безжалостных терактов по всей стране:

– Наш народ не стремится к войне и мести. Мы хотим жить в мире и безопасности. Наш дух укрепляют акции солидарности с Израилем, которые по всему миру проводят еврейские общины.

В своем слове посол США в РФ Александр Вершбоу подчеркнул:

– В России с государственным антисемитизмом покончено, слава Б-гу! Евреи имеют такие же законные права и возможности, как и все остальные российские граждане... Путин и другие высокопоставленные государственные деятели решительно продемонстрировали свою оппозицию антисемитизму... Почти во всех уголках огромной страны открываются еврейские школы, ешивы, синагоги, еврейские общественные центры – во многом благодаря лидерам вашего движения. Как посол США и американский еврей я и впредь намерен поддерживать российскую еврейскую общину... В России сильная еврейская община, которая стала процветать в последнее десятилетие, она преодолеет все трудности. Да будет благоденствовать еврейская община во всем своем богатстве и многообразии в будущем году! Шана Това!

На праздничном вечере также выступили исполнительный вице-президент ФЕОР Александр Борода, народный артист России Михаил Глуз, писатель Аркадий Вайнер.

***

В молельном зале Московского еврейского общинного центра состоялся праздничный вечер с участием хасидской капеллы под руководством Александра Цалюка. Впервые вместе с артистами пел хор мальчиков МЕОЦа, возглавляемый Максимом Кулишом. Членов еврейской общины Москвы, собравшихся на праздник Рош а-Шона, приветствовал главный раввин России Берл Лазар. После торжественного праздничного молебна евреи отведали традиционное новогоднее угощение – яблоки с медом.

***

Ассоциация еврейских студенческих центров «Аревим» провела праздник, собравший более трехсот молодых людей. После торжественного открытия вечера руководитель программ ассоциации Юрий Ваганов рассказал о деятельности «Аревим». Молодежь познакомили с сотрудниками этой студенческой организации и участниками программы «Таглит».

Возглавляющий ассоциацию Меер Ньюман напомнил о традициях Рош а-Шона и протрубил в шофар. В праздничной программе принял участие главный раввин России Берл Лазар. После молитвы состоялось традиционное праздничное застолье.

Di o à-Oi í à 5763

Í îâÿ ñòóíáí ü í à íòè àîçðíæääí èÿ

Празднование Рош а-Шона в прошлом году произошло буквально через неделю после ужасающих событий в США – террористических актов, унесших тысячи жизней, в том числе еврейских. Трагедия эта оказала огромное влияние на геополитическую ситуацию, а по мнению некоторых аналитиков, даже изменила миропорядок на планете.

С сожалением приходится констатировать: за минувший год жизнь не стала спокойней. Если уж, как сказал на одном из новогодних мероприятий главный раввин России Берл Лазар, наша страна сегодня – самое спокойное место на земле, значит, в мире и впрямь произошли разительные перемены.

В значительной степени они коснулись и российской еврейской общины, которая серьезно укрепила свои позиции. И правда: у нас открываются новые синагоги, еврейские школы и детские сады, культурные центры, выходят журналы и газеты, пожилые и малоимущие получают гуманитарную помощь. В отличие от многих стран так называемого цивилизованного мира евреи России обрели уверенность в будущем. Новый 5763 год несомненно станет следующей ступенью на пути нашего возрождения. И праздник Рош а-Шона явился не только хорошим поводом оценить наши достижения, но и наметить близкие и дальние перспективы.

Рош а-Шона в еврейской общине Петербурга начался с веселых праздников в школах № 224 и «Бейт Сефер Менахем», а также в детских садах «Ган Хая-Мушка» и «Ган Менахем». Школу «Бейт Сефер Менахем» посетил главный раввин Петербурга

Менахем Мендел Певзнер. Он протрубил в шофар и пожелал всем детям, родителям, учителям и гостям сладкого и хорошего года, здоровья и успехов.

В преддверии праздника новый сезон открыл молодежный клуб, организованный по инициативе «Бейт Хабад» и возглавляемый раввином Цви Пински. С особым оживлением члены клуба встретили выступление гостей – писателя-сатирика Константина Мелихана и магистра игры «Что? Где? Когда?» Александра Друзя.

В Петербургской синагоге в дни Рош а-Шона, как всегда, было многолюдно. Торжественную ноту придало празднику выступление прославленного кантора Боруха Финкельштейна.

Еврейская община пригласила на торжественный банкет своих друзей, которые много делали и делают для блага синагоги, школ, детских садов, благотворительных столовых, участвуют в других проектах. Специальными памятными знаками были отмечены заслуги Г.З. Щербаковского, В.И. Когана, А.Н. Сливняка, З.Д. Смущкина и семьи Плиштиевых. Вел вечер председатель общины М.Д. Грубарг.

По сложившейся традиции губернатор Петербурга В.А. Яковлев в дни Рош а-Шона посетил Большую Хоральную синагогу и тепло поздравил всех петербургских евреев с новым 5763 годом. Еврейскую общину поздравили вице-консул США в Петербурге М. Клечески, первый секретарь посольства Израиля Ш. Полищук, директор этнографического музея В. Грусман, художественный руководитель театра им. В.Ф. Комиссаржевской В. Новиков, вице-губернаторы Петербурга и Ленинградской области, бизнесмены, деятели культуры, руководители предприятий города.

На праздничный вечер еврейской общины Архангельска в кафе «Дружба» собрались 170 человек. Вечер открыл председатель общины Владимир Бовыкин. Он огласил поздравления российским евреям от президента Израиля Моше Кацава, премьер-министра Израиля Ариэля Шарона, главного раввина России Берла Лазара. А затем состоялся праздничный концерт с участием любительских коллективов города и профессиональных исполнителей. На следующий день в офисе общины организовали новогодний праздник для ветеранов. В адрес общины пришло множество поздравлений, и среди них – от мэра Архангельска Олега Нилова.

Еврейская община Петрозаводска отпраздновала Рош а-Шона в зале филармонии, где собрались более 200 человек. Здесь состоялось вручение специальных дипломов благотворителям – тем, кто постоянно выполняет заповедь о цдоке. С новогодними приветствиями к собравшимся обратились председатель общества еврейской культуры «Шалом» Александр Модылевский, директор фонда «Хесед Агамим» Михаил Бравый и председатель религиозной общины Дмитрий Цвибель.

В первый праздничный день на трапезу в еврейской общине Брянска собрались ветераны. Активное участие в торжествах принял студент Любавичской ешивы из США Менахем Таубер: согласно древней традиции он протрубил в шофар.

А на следующий день прошел праздник для детей и их родителей. Музыкальный руководитель воскресной школы Тамара Колесникова, актеры Наталья Корнева и Олег Самойлов вместе с детьми подготовили театрализованное представление. А потом был сладкий стол с традиционными новогодними лакомствами.

Три тысячи брянских пенсионеров получили сладкие подарки к Новому году от общинного благотворительного центра «Хесед Тиква». Сотрудники и волонтеры центра побывали у одиноких и больных пожилых людей, помогли по хозяйству, раздали продуктовые подарки.

За несколько дней до праздника Рош а-Шона раввин брянской иудейской общины Ицхак Ройтман провел региональный семинар для председателей общин городов Брянщины и соседних областей. Это способствовало тому, что евреи региона

отметили праздник с соблюдением национальных традиций, утраченных во времена советского режима.

– Накануне Рош а-Шона, – рассказывает глава городской еврейской общины Новозыбкова Владимир Резников, – активисты привели в порядок еврейское кладбище. Оно – одно из старейших в России: ему более ста лет. Наша община бережно охраняет его – не было ни одного случая вандализма. Евреи собрались за праздничным столом в молитвенном доме. А к вечеру пришли молодежь и учащиеся воскресной еврейской школы. Благодаря помощи «Хеседа» и молодежной организации «Гилель» из Брянска вечер получился незабываемым: театрализованное представление, песни и конкурсы, сладкий стол.

В праздничных вечерах еврейской общины города Клинцы приняли участие 184 человека. Среди них было много молодежи и учащихся воскресной еврейской школы.

На концерте в честь праздника звучали песни на русском языке и иврите, а также песня о родных Клинцах на стихи председателя еврейской общины Макса Пинского.

Около 70 членов еврейской общины Суража собрались, чтобы вместе отметить Рош а-Шона.

– Наш праздник, – сказал председатель общины Михаил Гусаков, – вылился в вечер дружбы. Русские гости, присутствовавшие на вечере, благодарили за приглашение и за возможность узнать, что такое еврейский Новый год.

Впервые Рош а-Шона отметила самая молодая на Брянщине еврейская община города Унеча, зарегистрированная лишь в мае этого года. Председателем избрали Владимира Болотина. Он – человек в городе известный, в прошлом – главный инженер крупного завода «Тембр».

– Община у нас пока невелика, – говорит председатель, – не больше 35 человек, и почти все пришли отметить праздник. Были гости из Литвы и Израиля, в прошлом – унечцы, приехавшие навестить родные края.

А в Орле в кафе государственного коммерческого института, украшенном эмблемой и флагами Федерации еврейских общин России и государства Израиль, на десятое в истории возрожденной общины юбилейное празднование Рош а-Шона собрались евреи – члены религиозной организации «Центр Шалом». Пришло их около двухсот, и среди них – дети, молодежь, люди средних лет, ветераны. Клейзмерский ансамбль орловской еврейской общины «Шалом» исполнил песни на идише, иврите и русском. Праздник завершился исполнением еврейских песен всеми собравшимися.

Был переполнен актовый зал одной из школ Белгорода, арендованный для празднования Рош а-Шона еврейской общиной города. Здесь прозвучали приветствия видных людей города, были поздравления, песни и добрые пожелания счастливого и сладкого Нового года.

Более 170 евреев-курян отметили Новогодний праздник в актовом зале фармакологического училища Курска. Ученики воскресной еврейской школы

подготовили инсценировку, посвященную истории этого древнего праздника. Старейшина общины Меир Райзберг протрубил в шофар.

Новогодние праздники в еврейской общине Таганрога начались в уютном, недавно открытом после ремонта помещении «Еврейского дома». А на «главное» празднество во Дворце культуры пришли около 200 человек. Собравшихся приветствовали руководители еврейских организаций города – Таганрогской еврейской общины, Хеседы, местного отделения Еврейского агентства в России. Перед заходом солнца евреи со словами молитвы совершили религиозный обряд у воды – «Ташлих» на берегу Азовского моря.

В преддверии праздника евреев Иванова ожидала радостная весть: мэр Александр Грошев подписал постановление о передаче еврейской общине здания площадью 331 квадратный метр в центре города. В праздничном поздравлении, направленном еврейской общине областной администрацией, говорится:

«Вклад еврейских общин нашего края в развитие Ивановской области будет возрастать во имя нашего общего процветания, во имя укрепления гражданского согласия, социальной стабильности, дружбы и сотрудничества представителей всех народов и религий, проживающих в нашей области».

На празднование Рош а-Шона в еврейской общине собрались более 400 человек. Прошли конкурсы на лучшее приготовление фаршированной рыбы, на лучшее знание традиций. С большим успехом выступили ансамбли «Фрейлахс» и «Дети XXI века» из Нижнего Новгорода. Репортажи о празднике показали две студии местного телевидения, областная «Ивановская газета» посвятила этому событию специальный материал.

Вечер, посвященный Рош а-Шона, в еврейской религиозной общине Нижнего Новгорода начался выступлением ансамбля «Лехаим». После приветственного слова председателя ЕРО Нижегородской области Э.М. Чапрака собравшимся была представлена инсценировка библейских сюжетов с участием артистов нижегородских театров. Евреев поздравил главный раввин Нижегородской области Шимон Бергман. Праздничную программу продолжили конкурсы и викторины. В дни праздника в популярном нижегородском клубе «Наутилус» прошла дискотека, организованная молодежным клубом «Хаим», молодежными отделами общества еврейской культуры «Цви Гирш» и ЕАР.

Раввин Нисон Руппо вместе с учащимися нижегородской ешивы руководил праздничным молебном в синагоге Костромы. «В дни Рош а-Шона, – пишет наш

корреспондент, – город отмечал 850-ю годовщину своего основания. В центре было много народа. Мы пошли на Волгу совершать обряд “Ташлих”, и надо было видеть удивленные лица костромичей, которые, наверное, впервые в жизни видели столько евреев, идущих вместе на реку во главе с раввином в лапсердаке и черной шляпе...».

В зале кукольного театра города Волжский собрались 170 членов еврейской общины, а также гости – представители городской администрации и религиозных конфессий. В праздничном концерте принял участие ансамбль «Руах» – дипломант Всероссийского конкурса еврейской музыки в Казани.

На торжественный вечер в честь праздника Рош а-Шона во Дворце молодежи Екатеринбурга собрались свыше 2500 человек. Ведущий программы заслуженный артист России А. Бродский зачитал собравшимся поздравления полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе П.М. Латышева и главы Екатеринбурга А.М. Чернецкого. Затем выступил заместитель председателя правительства Свердловской области С.И. Спектор, передавший членам еврейской общины поздравления губернатора Э.Э. Росселя и председателя правительства области А.П. Воробьева. С.И. Спектор в частности сказал:

– С радостью желаю всем евреям вкусить в эти дни яблоки с медом. Хочу пожелать, чтобы наступающий год был успешным и благополучным, чтобы в каждом доме нашли место «а грейсе глик ун гезунд» – большое счастье и здоровье.

Затем ведущий предоставил слово первому заместителю председателя правительства Свердловской области, министру по управлению госимуществом области В.М. Голубицкому. Он выразил пожелание, чтобы начавшееся строительство еврейского общинного центра – синагоги завершилось успешно и как можно быстрее. Далее с приветствиями к собравшимся обратились председатель Екатеринбургской городской думы Я.П. Силин и ее депутат – директор кардиологического центра Я.Л. Габинский.

После торжественной части началась праздничная концертная программа с участием московского шоу-театра «Тум-балалайка», а также инструментального квинтета Свердловского государственного академического театра оперы и балета под руководством В. Полторака. Восторг зрителей вызвало выступление хора мальчиков «Пирхей Русия» екатеринбургской еврейской общеобразовательной гимназии «Ор Авнер».

Стоя слушал зрительный зал, как главный раввин Екатеринбурга и Свердловской области Зелиг Ашкенази протрубил в шофар, знаменуя наступление нового 5763 года.

Репортаж о праздновании Рош а-Шона был многократно показан по всем каналам местного телевидения, информация о нем опубликована в областных и городских газетах.

Весело отметили еврейский Новый год общины многих городов Свердловской области.

Так, в частности, было отпраздновано новогодье евреями небольших городов – Полевского и Верхней Пышмы.

А в более крупном городе – Нижнем Тагиле на Рош а-Шона собрались около 300 евреев.

Более 50 евреев пришли на новогодний праздник в Новоуральске.

Около 80 евреев города Ревда собрались в кафе «Весна» на праздничный вечер, который вели екатеринбургские студенты Миша Герштейн и Инна Любинина.

А в Каменск-Уральском состоялась выставка цветов, посвященная празднику Рош а-Шона. Свое искусство продемонстрировали садоводы – члены местной еврейской общины.

Более 50 человек стали участниками новогоднего праздника в кафе «Театральное» города Серова. Зал был украшен рисунками и поделками учеников воскресной еврейской школы под руководством Насти Казак. А молодежь устроила мини-спектакль «Еврейские шутки».

Красноярские евреи серьезно подготовились к празднику наступления Нового года. В преддверии Рош а-Шона на одной из центральных улиц Красноярска горожане могли увидеть гигантский плакат с новогодним поздравлением и пожеланием сладкого года землякам. Накануне все местные телекомпании передали сюжеты о празднике, телекомпания ТВК показала интервью с раввином Биньямин Вагнером и председателем еврейской общины Юрий Лившицем. Праздничный вечер прошел в кафе, где собралось 180 человек. Среди гостей были вице-губернатор края В.В. Медведев, начальник отдела по связям с религиозными объединениями краевой администрации М.Г. Денисов, известный предприниматель и депутат Законодательного собрания края А.П. Быков, генеральный директор авиакомпании «Красэйр» Б.М. Абрамович, супруга мэра города с дочерью. Общине был вручен приветственный адрес и. о. губернатора края Н.И. Ашлапова и приветствие от спикера Законодательного собрания А.В. Усса.

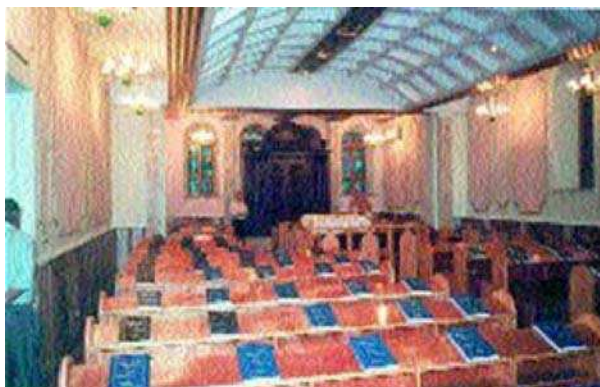
Еврейская община «Фрейд» Биробиджана приглашала всех жителей города отметить праздничный день в областную филармонию. Концертный зал, вмещающий 700 человек, был переполнен. В праздничном концерте приняли участие детский вокальный ансамбль «Иланот», танцевальный коллектив «Сюрприз», вокальный ансамбль «Нежность» и другие. Евреев и жителей города всех национальностей поздравил с праздником заместитель губернатора Еврейской автономной области Валерий Гуревич.

С очень важных событий начался во Владивостоке новый 5763 еврейский год. В преддверии Рош а-Шона в Приморье приступил к работе раввин Менахем Раскин. А еврейская община города обрела свиток Торы.

К сожалению, мы не смогли рассказать о праздничных новогодних днях во всех общинах России и других стран СНГ и Балтии. Для этого не хватило бы никакой журнальной площади. Но зато мы поговорим о самых важных и интересных событиях, сопутствующих осенним праздникам этого года.

יָא יְוֹזֵה אֵילָא אַבְרָם וְעֵי...

Фаршированная рыба (пусть будем мы головой, а не хвостом!), испеченные круглые халы (символ короны, напоминающей о царстве Всевышнего на земле), яблоки, мед... Белая скатерть хрустит крахмалом, подсвечник слепит глаза своим праздничным блеском. Все заняты приготовлениями... Но в предыдущие дни мы успели вспомнить об уходящем годе, о жизни – подготовить душу к приближающемуся празднику. В первый день Нового года мы оставляем всю домашнюю работу и идем в синагогу.

Сколько красивых и нарядных людей пришли отпраздновать Рош а-Шона! Взрослые и дети, молодежь и старики. В молитвенном зале нет свободного места. Здесь – руководители предприятий, предприниматели, служащие и рабочие – евреи Донецка. Женщины зажигают свечи, говорят благословения. Десятки свечей освещают нам путь в грядущий год. Начинается молитва. Прекрасный голос хазана будит душу, на глаза наворачиваются слезы. Я вижу мальчиков из ешивы «Ктана» и юношей из ешивы «Гдола», ребят из школы «Ор-Менахем» и малышей из еврейского детского сада «Ласточка». Пусть их жизнь будет такой же сладкой, как яблоки с медом после молитвы!

Утренняя молитва. К чтению Торы вызывают уважаемых людей. Обращение к Б-гу: «Запиши нас в Книгу Жизни...» По молитвенному залу плывут свитки Торы. Евреи прикасаются к ним, чтобы получить от Всевышнего силы для дальнейшей жизни. Сотни людей славят Б-га и просят хорошего нового года. И вот наступил долгожданный момент. В праздничный зал врывается торжественный голос шофара. Он доходит до самого сердца, пробуждая раскаяние. Мы знаем: в Рош а-Шона Всевышний открывает Книгу Жизни и творит правосудие. Мы знаем: тех, кто обращается к Нему, когда звучит шофар, Он оправдывает и выносит хорошее решение на весь год.

Еврейский общинный центр и детский клуб «Цивос Гашем» заранее собрали детей и познакомили с праздничными обычаями. В конкурсе, посвященном празднику, принимали участие все, независимо от возраста. Проигравших не было – приз получил каждый.

После дневной молитвы во второй день Рош а-Шона мы освобождались от бремени грехов, совершая обряд ташлик на берегу пруда в парке имени Щербакова. «Дай Б-г, чтобы вы были записаны на счастливый год в Книгу Жизни, пусть вам окончательно будет утвержден добрый приговор! Счастливого и сладкого Нового года!» – желали мы друг другу.

Ñ. Ààéíòðàéí

БЕСЦЕННЫЙ ДАР

В преддверии праздника Рош а-Шона около 500 человек прошли процессией по центру Вильнюса – там, где некогда располагался еврейский квартал. Впереди шествовал оркестр. В процессии участвовал вице-мэр столицы Литвы, члены парламента этой страны и послы иностранных государств.

В чем же причина таких громких торжеств? Школе «Бейс Менахем» был подарен Свиток Торы. Это сделала г-жа Лили Сафра – глава благотворительного фонда Эдмунда Дж. Сафры. Сейфер-Тору несли, как и положено по традиции, под хупой по старым улицам литовской столицы, где до второй мировой войны находилась Большая синагога. Молодые люди несли горящие факелы. Евреи воспринимали это шествие как символ возрождения еврейской жизни в городе. Знаменательно, что это событие совпало с днями рождения двух великих раввинов – основателя хасидизма Баал-Шем-Това и Шнеура-Залмана из Ляд.

Празднество продолжалось в школе. К собравшимся обратился с приветствием бывший член парламента Литвы г-н Эммануил Зингерис. А раввин Шолом-Бер Крынский сказал:

– Вильнюс всегда был значительным центром изучения Торы, и поэтому сегодня важно возродить здесь полноценную еврейскую жизнь как можно скорее.

Действительно, в Литве можно свободно купить кошерную пищу. 150 детей учатся в школе «Бейс Менахем», значительное количество студентов участвует в еженедельных уроках Торы, около 350 человек посещают образовательную программу «Вечерняя ешива» республики. Еврейские традиции Вильнюса, называемого в прошлом «Литовским Иерусалимом», ныне на пути возрождения.

Â. Âârî

«ТОВАРИЩЕСТВО ХАСИДСКИХ ЖЕНЩИН»

Это уже стало доброй традицией: каждый год 6 тишрея сотни еврейских женщин нашего города приходят в хоральную синагогу «Золотая Роза» на первое в новом году заседание женского клуба Днепропетровской еврейской общины. В этот день мы отмечаем йорцайт (годовщину смерти) ребецн Ханы Шнеерсон – матери седьмого Любавичского Ребе. Жизнь этой великой еврейской женщины была целиком посвящена выполнению главной задачи каждой еврейки – распространению святости, объединению и поддержке семьи.

Все, что связано с Главой нашего поколения Ребе Менахемом-Мендлом Шнеерсоном, обладает для нас особенной святостью. Каждая из тех, кто пришел в тот день в синагогу, знает замечательные слова Ребе:

«Хасидские жены и дочери должны стоять в первом ряду во всех действиях по укреплению соблюдения еврейского Закона и иудаизма в целом и, в частности, в области чистоты семейной жизни. Они должны создавать товарищества хасидских женщин для того, чтобы укреплять хасидизм в области наставления и воспитания, как это было издавна заведено в хасидских домах».

Но как нам, выросшим при коммунистическом режиме, когда почти никто не соблюдал еврейских традиций, знать, что такое хасидский дом, каковы законы еврейской семейной жизни? И здесь на помощь нам пришли две замечательные женщины – ребецн Хана Каминецкая и ребецн Лиля Лепкивкер. Именно их усилиями появился у нас в общине женский клуб, и именно они являются для нас примером настоящих еврейских женщин. Вот и в этот раз Хана и Лиля вместе с активистками женского клуба подготовили необычное заседание. В ходе его не только звучали традиционные рассказы, беседы, песни и показывали видеофильмы о семье Ханы Шнеерсон. Но была и практическая часть: все присутствующие учились делать свечи и халы. Многие первый раз в жизни сделали своими руками свечи, которые будут зажжены в ближайший Шабос. Ну, а от желающих под руководством опытных еврейских хозяек приготовить настоящие халы

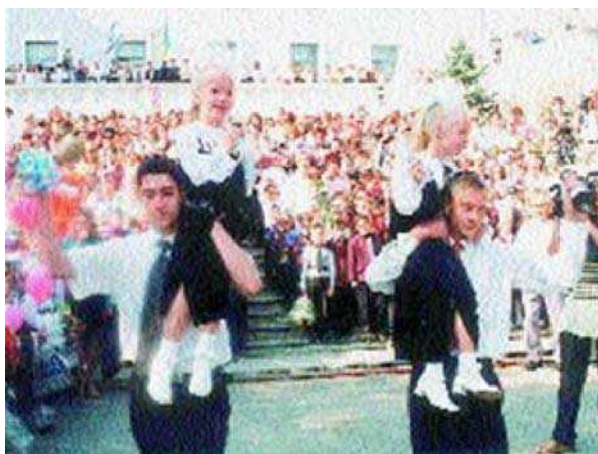
просто не было отбоя. Все унесли домой тесто для халы, чтобы порадовать своих домашних. А главное – все получили такой заряд энергии еврейской жизни, благодаря которому мы и ощущаем себя дочерями Израиля.

P. Nadea

Í ÈÒÛ, ÑÂÛÓŔ ÛÂÛ Í ÎÊÎËÁÍ ÈÛ

В сентябре прозвенел первый звонок в новом учебном году для более чем семисот учащихся днепропетровской еврейской школы «Ор Авнер – Хабад-Любавич» имени рабби Леви-Ицхока Шнеерсона. На праздник собрались не только учащиеся школы и их родители, но и представители всех еврейских организаций города, многочисленные гости. Словом, все те, для кого еврейская школа – неотъемлемая и наиважнейшая часть общины, ибо без еврейского образования нет будущего у нашего народа. И во многом именно благодаря тому, что вот уже двенадцатый год еврейские дети Днепропетровска начинают учебный год в родной школе, мы наблюдаем чудо возрождения общинной жизни в нашем городе...

Конечно же, основное внимание во время первого звонка – самым маленьким школьникам – первоклассникам. Ведь именно этим мальчикам и девочкам предстоит определять будущее нашей общины через десятки лет.

Обо всем этом говорили во время торжественной церемонии главный раввин Днепропетровска Шмуэл Каминецкий, директор школы «Ор Авнер» Георгий Скороход, почетные гости. Выступающие отмечали, что еврейская школа – это главная нить, связующая поколения: родители сегодняшних школьников, чьи школьные годы пришлись на чудовищные времена коммунистического режима, теперь вместе со своими детьми постигают еврейскую культуру и погружаются в чарующий мир идишкайт. Школа «Ор Авнер» становится еще одним центром общины, где гостеприимно открыты двери для всех, кто хочет почувствовать вкус настоящей еврейской жизни.

Хочется отметить значительную роль, которую будут играть в создании подлинно еврейской атмосферы в первых классах маленькие выпускники еврейских детских садов «Илана» и «Хедер». Они не понаслышке знакомы с еврейской жизнью и теперь станут для своих одноклассников примером для подражания, естественно способствуя созданию в школьном коллективе подлинно еврейской атмосферы. А какое сильное впечатление произвели на первоклассников торжественные звуки шофара, раздавшиеся в полной тишине посреди школьного двора, заполненного тысячами людей!

В такие минуты, которые, безусловно, запомнятся детям на всю жизнь, формируется прекрасное чувство единства, чувство общины.

А старшеклассники рассказывали младшим о том, как интересно учиться в нашей еврейской школе, как много их ждет откровений и открытий. Рассказывали и о том, что они познакомятся не только с еврейской традицией, но и с новейшими компьютерными технологиями, получают прекрасное образование по всем школьным предметам. А главное – они смогут в полной мере реализовать все свои способности и мечты.

А. Айдаи

ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ

Еврейская школа открылась в Перми, Уютом своим, красотой поражая, Нам здесь хорошо и учиться легко, Сара и Кэрен традиции нам изучать помогают ...

Эти строки написала Маша Ушакова, ученица 8 класса новой еврейской школы – еще одной школы в сети «Ор Авнер – Хабад» в странах СНГ, открытой в Перми в сентябре нынешнего года. Организатором школы стал раввин Залман Дайч и его жена ребецн Сара.

В торжественной праздничной обстановке прозвенел в нашей школе первый звонок... Сегодня у нас 25 учеников, учащихся 5-8 классов. Педагогический коллектив школы – высококвалифицированные учителя, преподаватели и аспиранты кафедр Пермского государственного педагогического университета. На базе его лабораторий идут занятия по физике и химии в 7 – 8 классах.

В нашей школе, как и в других учебных заведениях сети школ «Ор Авнер», главный ориентир – развитие, раскрытие духовного, интеллектуального и физического потенциалов учеников на основе богатого наследия еврейской истории и культуры.

Еврейская школа в Перми делает лишь первые шаги. Но у нас уже формируются свои традиции: ежемесячные индивидуальные консультации педагогов школы для родителей, участие в мероприятиях еврейского общинного центра и другие. И это только начало. Не зря ведь говорят: «дорогу осилит идущий».

À. Ýëóè

Ó ØÊÏËÛÍ ÎÃÎ Ï Î ÐÏÃÃ

Сентябрь – начало нового учебного года, и для нас он начался торжественным школьным праздником. Высокие стеклянные двери парадного входа привели нас в прекрасно отремонтированный и пахнущий свежей краской вестибюль.

Мы поднялись в актовый зал, и здесь нас приветствовал директор школы.

Затем по традиции торжество продолжилось у Мемориала сожженной фашистами Рижской синагоги. Здесь отметили память погибших от рук нацистов ученики школы им. Дубнова, родители, гости.

Раввин Мордехай Глазман поздравил всех с началом учебного года и, конечно, с новым 5763 еврейским годом.

Перед собравшимися выступили также посол государства Израиль в странах Балтии Авраам Бенъямин, главный раввин Риги и Латвии Натан Баркан, председатель еврейской общины Аркадий Сухаренко, директор еврейской школы им. Дубнова Марк Бирк. Они пожелали нам здоровья, успехов, хороших знаний, терпения, выдержки. И выразили надежду, что мы станем достойной сменой.

Потом были еврейские песни в исполнении вокальной группы школы «Хабад-Любавич», ребята читали стихи Торы.

Прозвучали государственные гимны Израиля и Латвии. И раздался залиvistый школьный звонок.

В заключение выступила директор школы «Хабад-Любавич» Эдит Блох. Она пожелала нам терпения и мужества на нелегкой дороге к знаниям и пригласила всех в нашу школу посидеть вместе за праздничным столом.

י. אהרן אהרן

יְדֹאָאָאִי עֵעֵעֵ

Сколько бы лет ни прошло после самой страшной войны человечества, мы всегда будем помнить о ней. Будем помнить ужас Холокоста, никогда не простим тех, кто участвовал в этом величайшем злодеянии. Навсегда в наших сердцах сохранится память о жертвах Катастрофы, о безвинных мучениках, которые были уничтожены, об общинах, исчезнувших с лица земли...

Но не забывая об этом, мы всегда будем помнить и о тех, кто спасал евреев от рук нацистских палачей, рискуя своей жизнью. Прятали евреев в подвалах и на чердаках, им доставали фальшивые документы, делились последним куском хлеба, подвергая себя смертельному риску, – ведь гитлеровцы за оказание помощи евреям расстреливали не только смельчака-спасителя, но и его семью. И сегодня мы называем тех, кто спасал, укрывал, защищал, Праведниками Народов Мира. Они совершили подвиг, доказав, что в любой ситуации можно оставаться человеком, а злу может оказать активное сопротивление не только группа или организация, но и один, отдельный, человек.

С 1953 года таким людям Иерусалимский институт «Яд ва-Шем» вручает медали. Сегодня более 19 тысяч этих благородных и мужественных людей из разных стран удостоены звания «Праведник Народов Мира».

До недавнего времени в Украине 1 755 человек были признаны Праведниками. А недавно – 27 августа этого года в Днепропетровской хоральной синагоге «Золотая Роза» состоялась торжественная церемония в честь еще 19 человек, которым официально присвоено это звание.

Перед гостями выступил главный раввин Днепропетровска Шмуэл Каминецкий. Медали Праведникам Мира вручала посол Государства Израиль в Украине г-жа Анна Азари. Участие в церемонии приняли также генеральный директор Еврейского

агентства г-н Гиора Ромм, генеральный директор отдела СНГ и Восточной Европы Еврейского агентства г-н Амос Лахат, директор общественных программ «Джойнта» в Днепропетровском регионе г-н Менахем Лепкивер, атташе посольства Государства Израиль в Украине г-н Ариэль Датель.

В этот день медали Праведников Народов Мира получили Яков Кудинов, Лидия Малолетко, Елена Бессмертная-Глива, Мария Глива, Мария Полевая-Сильченко, Зинаида Сливко, Мария Кочерга и ее дочь Елена Перебейнос, Ганна Шеремета, Наталия Петрова, Петр и Мария Петровы, Вера Земцева и ее дочь Алла, Семен Ельников и его сестра Елизавета, Галина Мунтян-Осадчая, Ксения Скосарь и ее дочь Елена.

Их имена занесены на стену почета в Саду Праведников на территории музея «Яд ва-Шем» в Иерусалиме и на стене Праведников в музее истории еврейских общин Украины в Днепропетровске. Кроме медалей и дипломов института «Яд ва-Шем» каждому Праведнику вручен диплом Национального института изучения Холокоста «Ткума». С этого дня они стали почетными членами благотворительных организаций «Хесед» и будут получать гуманитарную и социальную помощь наравне с членами еврейских общин.

После торжественной церемонии посол Израиля в Украине Анна Азари, советник посольства Алик Надан и директор Израильского культурного центра Днепропетровска Ариэль Датель провели пресс-конференцию для региональных и городских средств массовой информации.

А.О.

ЕВРЕЙСКАЯ ЗВЕЗДОЧКА НА КАРТЕ РОССИИ

В сентябре в жизни евреев Рыбинска произошло знаменательное событие: в городе начал работу еврейский благотворительно-культурный центр «Хесед Ахим». В его составе пять структурных подразделений: местный филиал Еврейского агентства в России, женский клуб «Кешер», воскресная еврейская школа, еврейская религиозная община и благотворительный центр.

Рыбинск – второй по численности населения город Ярославской области: в нем проживает около 230 тысяч человек, из них около 1000 – евреи. На учете в общине состоит 234 человека. До революции в этом поволжском купеческом городе была очень сильная, экономически развитая община. После первой мировой войны в город хлынул поток еврейских беженцев. Известно, что основатели Голливуда были выходцами из Рыбинска, в городе жила семья Аркадия Райкина. В этом небольшом городе богатые евреи построили прекрасное двухэтажное здание синагоги из красного кирпича, очень просторное и светлое. Оно сохранилось до сегодняшнего дня. Старожилы помнят оконные витражи в виде могоновидов, помнят, как их родители приходили в синагогу на молитву, да и вообще вспоминают полноценную еврейскую жизнь в городе...

Община начала возрождаться в 1994 году. С тех пор работа по совершенствованию всех форм национальной жизни сосредоточена в трехкомнатной квартире на улице Лизы Чайкиной. Это помещение мало приспособлено для нормальной общинной деятельности. Причем община вынуждена выплачивать очень большую сумму за аренду, в то время как сохранившееся здание синагоги, построенное на средства еврейской общины Рыбинска и прежде являвшееся ее собственностью,

национализировано. В нем сегодня размещены две детско-юношеских спортивных школы.

Руководство общины неоднократно обращалось к местным властям с просьбой о предоставлении достойного помещения для нормальной работы, но долго не находило понимания. Наконец, в августе комитет по управлению имуществом Рыбинского муниципального округа выделил помещение из тринадцати комнат площадью 260 квадратных метров. Бесспорно, оно могло бы полностью удовлетворить все потребности еврейской общины. Однако для того, чтобы привести его в надлежащее техническое состояние, требуется дорогостоящий ремонт. Ситуация осложняется тем, что эта площадь передана ЕБКЦ «Хесед Ахим» во временное пользование сроком на пятнадцать лет, и это ставит под сомнение эффективность вложения средств. Не лучше ли было просто передать в собственность общине национализированное в прошлом здание синагоги!

Но не тут-то было: местные власти просят доказать, что современная еврейская община является законной правопреемницей еврейской общины прошлого века. Иными словами, предлагают решить этот вопрос не иначе как через суд. А пока, как говорится, суд да дело...

На открытии еврейского благотворительно-культурного центра «Хесед Ахим» присутствовали директор нижегородского филиала благотворительного фонда «Джойнт» Илья Пестриков и начальник социальных программ «Джойнта» Юлия Горнушенкова. Костромскую еврейскую общину представляли главный раввин Костромы и Костромской области Нисон Руппо, директор благотворительного центра «Хасдей Цион» Галина Скаржинская и автор этих строк.

Торжественное собрание открылось в малом зале Дворца культуры. Выступили руководители еврейских организаций города, представители «Джойнта» и р. Нисон Руппо. Община получила в подарок ксерокс от «Джойнта», а от еврейской общины Костромы – красивую большую мезузу.

С теплыми словами в адрес новоиспеченной организации обратились директор Ярославского центра еврейской культуры «Це Ульмад» Надежда Носова и директор еврейского благотворительного центра «Хесед Рахель» Ярославля Галина Карпман. Настоящим подарком стало выступление художественного коллектива ярославского Хеседа с программой «Еврейское местечко». Зал подпевал всем известные слова из песен «Ойфн припечек», «А идише мамэ» и других. Во второй части концерта была композиция по мотивам рассказа Шолома-Алейхема, никого не оставившая равнодушным. Затем выступали артисты и танцевальный коллектив молодежного клуба рыбинской общины. Концерт продолжался около трех часов, и люди не хотели расходиться...

Так родилась новая еврейская организация, и на карте нашего региона появилась очередная шестиконечная звездочка. Впереди очень много работы, но вместе, сообща, мы с нею обязательно справимся. Мы ведь – одна большая семья и, как в каждой семье, ответственны друг за друга.

А.І.

КОНФЕРЕНЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИСТОРИИ ХОЛОКОСТА

В Днепропетровске состоялась Международная конференция для учителей украинских школ по вопросам преподавания истории Холокоста. Организовали конференцию дирекция программ Американского еврейского объединенного распределительного комитета «Джойнт» в Восточной Украине, Лондонский еврейский культурный центр, Научно-просветительский центр «Ткума», Днепропетровский областной институт повышения квалификации учителей. Заседания на конференции проходили под эгидой Международного фонда «Таск Форс».

Следует отметить, что в нашем городе конференция подобного уровня состоялась впервые. В ней приняли участие 130 учителей истории из различных регионов Украины: Киевской, Харьковской, Хмельницкой, Донецкой, Запорожской, Днепропетровской областей и Крыма. Были среди них и те, кто уже имеет опыт преподавания истории Холокоста, и те, кто только собираются начать это важное и нужное дело. А проводили занятия ведущие ученые-историки из Великобритании, Голландии, Израиля, Литвы, России, Беларуси и Украины.

Трудно переоценить значение такого общения для повышения уровня преподавания истории в средних школах нашего государства. К тому же тематика лекций и семинаров – «Новый взгляд на Холокост», «История украинско-еврейских отношений», «Пресса оккупационного периода», «Геноцид, коллаборационизм и сопротивление», «История сионизма», занятия, посвященные истории Холокоста в Крыму, Беларуси и Литве, – далеко выходила за рамки традиционных курсов истории. А ведь от того, какими знаниями обладают учителя истории, зависит будущее независимой Украины, будущее наших детей.

Об этом говорили в своих выступлениях на открытии конференции главный раввин Днепропетровска Шмуэл Каминецкий, директор программ «Джойнта» в Днепропетровском регионе Менахем Лепкивер, глава Лондонского еврейского культурного центра Джерольд Готал, представитель «Центра Анны Франк» Ян Кребс, другие гости и участники форума.

Три дня работы конференции были насыщены не только содержательными лекциями, но и оживленными дискуссиями, педагогическими тренингами, практическими занятиями, знакомством с историческими документами и просмотром видеофильмов об истории нацизма, о жизни еврейских местечек до второй мировой войны, о еврейской общине Львова. Каждый из преподавателей получил методические материалы, которые помогут им в дальнейшей работе в школах.

А. О.

Γὸ ἐνὸι ἐὰ ἀϊθίᾶ ἰάᾶἔἔςεᾶβ

Председатель костромской еврейской религиозной общины Андрей Ошеров – уроженец Костромы. Окончил медицинский институт в Ярославле по специальности фармацевта и снова вернулся в родной город, где проработал десять лет в аптечной системе. Конечно, читал книжки об Израиле, которые к началу перестройки активно ходили по рукам, по ночам слушал в студенческой общаге запрещенную «Коль Исраэль», накрывшись одеялом с головой... В начале 90-х Андрей всерьез задумался об иудаизме и вскоре оказался на одном из занятий, которое проводили в городе заезжие московские лекторы.

– В то время я считал, что евреев в Костроме практически нет, – рассказывает Андрей. – Представляете, каково было мое удивление, когда я увидел на первой же лекции 25 человек – сразу несколько еврейских семей нашего города. При этом, как оказалось, они думали так же, как и я: мол, нет больше евреев в городе. Мы стали встречаться все чаще и, наконец, пришли к мысли о создании в Костроме религиозной общины и еврейского культурного центра.

– Стало быть, Андрей, именно вы стояли у истоков возрождения еврейской жизни в Костроме. Расскажите, пожалуйста, как это начиналось, кто был рядом с вами...

– В начале 1994 года в Костроме начал работу филиал Еврейского агентства в России. Координаторы «Сохнута» Иосиф Дашевский и Михаил Шихель проводили встречи с евреями нашего города в офисе, который находился в центре на улице Советской, около кинотеатра «Дружба». Вскоре и я встретился с ними, мы беседовали более двух часов. В то время я уже был немного знаком с еврейскими проблемами, меня тянуло в офис агентства, влекло к новым встречам, и я приходил туда каждый раз, когда мне представлялась такая возможность. Все больше людей узнавали, что в Костроме появилось место, где собираются местные евреи, многие приходили и включались в зарождающуюся общинную жизнь.

Никогда не забуду Пейсах 1994 года в Сосновом бору. Сегодня – это место наших семейных лагерей, а тогда люди, ничего не зная о пасхальном сейдере, просто собрались, чтобы совместно, в первый раз за многие десятилетия, отметить этот день. А в Швуэс, спустя пятьдесят дней, решение о создании еврейской общины города созрело окончательно. В кафе «У Натали» собрались сорок евреев, и религиозная община была возрождена единогласно. Еврейский культурный центр возглавил Александр Гуральник. В совет общины вошли люди, которые и сегодня являются ее активными членами: директор благотворительного центра «Хасдей Цион» Галина Скаржинская, Майя Борисовна Крейдман, Григорий Красильщик. Через некоторое время после возрождения нашей общины я познакомился с Ицхаком Авербухом, в то время возглавлявшим региональное отделение «Джойнта», который оказал нашей общине неоценимую поддержку и помощь. Благодаря Ицхаку я попал в Омск на семинар, тема которого была для нас очень актуальной: «Реституция еврейской собственности, национализированной в годы советской власти». Знания, полученные на том семинаре, пригодились в дальнейшем. Особенно в 1998 году, когда наша община получила некогда принадлежавшее ей здание в полную собственность.

– Возрожденной общине Костромы скоро десять лет. Как за эти годы в городе изменилась еврейская жизнь? Что нового появилось в последнее время? И что у вас намечено в ближайших планах?

– За эти годы практически на пустом месте выросла сильная, дееспособная еврейская община. С первых дней мы стали думать о возрождении традиционного образования. И нам также хотелось приобщить людей к миньяну, который без преувеличения является сердцем любой еврейской общины. В 1996 году был организован еврейский благотворительный центр «Хасдей Цион». В структуре ЕРО начинает действовать общинный центр, давший толчок развитию культурных программ. Большую помощь оказал нам раввин Мойше Тамарин, который на протяжении нескольких лет проводил у нас Шабос. Серьезное воздействие на нашу работу всегда оказывал попечительский совет, состоящий из уважаемых в городе людей: все они, члены совета, на протяжении всей нашей недолгой истории помогают общине решать многие насущные вопросы. В 1999 году наша община выступила одним из учредителей Федерации еврейских общин России, которая в свою очередь играла и играет огромную роль в нашем возрождении. Значительную поддержку оказывает нам «Джойнт». Благодаря этому в 2000 году при поддержке местных спонсоров, «Джойнта» и ФЕОР мы приступили к работам и всего-то через год полностью завершили восстановление здания нашей синагоги, которое сегодня превратилось в настоящий дворец. В общине осуществляются около восьмидесяти программ в области религии, культуры, образования и благотворительности. Уровень нашей деятельности позволил общине де-факто стать региональным еврейским центром на Верхней Волге.

Приезд в город раввина в значительной мере стимулировал нашу деятельность: в июне открылся детский сад. Идет также работа и по лицензированию учебно-воспитательного комплекса, включающего в себя кроме детского сада еще и среднюю общеобразовательную школу. Ищем теперь для комплекса подходящее помещение. Начал уже действовать информационно-культурный центр общины, призванный координировать программы в области еврейского образования и культуры.

– Многие публикации в нашей еврейской прессе свидетельствуют о неблагоприятной ситуации в связи с проявлениями антисемитизма в Костроме и Костромской области. Что сделано общиной и властями в этом направлении? В чем вы усматриваете выход из создавшегося положения?

– Кострома всегда слыла патриархальным, очень спокойным городом, где никогда не было еврейских погромов, хотя евреи проживают в городе более трехсот лет. К сожалению, как и во многих других местах, в последние полтора года ситуация изменилась. За это время отмечено несколько попыток нападения на здание синагоги, в том числе попытка поджога 9 ава 5761 года. На стене пристройки до сих пор видны оскорбительные надписи, подобного рода «художества» периодически появляются в различных районах нашего города. Мы неоднократно обращались в правоохранительные органы, ФСБ и органы местной власти, где нашли безусловное понимание. Мы очень благодарны общине-побратиму из Мэриленда (США) и ОКЗЕ за поддержку в тяжелое для нас время, за грант, выделенный нам на проведение охранных мероприятий. В результате нам удалось установить охранно-пожарную сигнализацию, обработать стены нашей деревянной синагоги невоспламеняющимися составами, смонтировать систему видеонаблюдения за периметром здания. Возведена ограда, заменены входные двери. Здание охраняет милиция. Весной были отмечены очередные попытки проникновения во двор синагоги, и отраднo, что они были мгновенно пресечены. Все эти меры, несомненно, действенны, однако даже и они не станут панацеей. Поэтому главный акцент нашей работы – на открытость, на просвещение, на сотрудничество с другими традиционными конфессиями, национальными объединениями и общественными организациями нашего города. И в этом направлении сделано немало.

– Как складываются отношения руководства общины с администрациями города и области? Всегда ли находите взаимопонимание? Какой помощи вы ждете от них?

– С самого начала нашей работы община ощущает понимание и поддержку со стороны местных властей. Наш город – один из немногих в России, где община получила в собственность здание синагоги. Председатель и раввин участвуют в работе Общественных советов при губернаторе и главе самоуправления города. Нам оказывается помощь в проведении таких крупных мероприятий, как общинный фестиваль еврейской книги, который в последние годы практически превращается в дни еврейской культуры в Костроме. В этом году значительное содействие в борьбе с антисемитскими выходками оказала общине областная администрация, подключив к расследованию происшествий ФСБ. В результате всего этого сегодня мы чувствуем себя намного спокойней.

Вместе с тем до сих пор не решен вопрос о возврате общине бывшего дома раввина. Нет у нас пока и достойного помещения для работы детского сада и средней общеобразовательной школы. Думаю, что время все расставит по своим местам, и эти насущные вопросы будут достойно решены.

Я также хочу отметить, что наша община в свою очередь оказывает существенную гуманитарную помощь нуждающимся жителям Костромы вне зависимости от их национальности. Благодаря тесному многолетнему сотрудничеству с ОМКПО ХАМА и Всемирной организацией помощи и утешения мы привезли в город и распределили среди нуждающихся наших сограждан десятки тонн продовольствия.

– Расскажите, как развивается взаимодействие костромской общины с еврейскими общинами Верхневолжского региона?

– Два с половиной года назад наша община стала помогать еврейской общине города Кинешмы, и с тех пор наши связи значительно упрочились. Постепенно в орбиту нашей деятельности попали Иваново и Рыбинск. Для работы в регионе мы используем все доступные ресурсы, но особенно большое значение имело появление программы «Хесед на колесах». Сегодня мы оказываем помощь в общинном строительстве, а также в решении правовых вопросов евреям Кирова, Ярославля, Рыбинска, Кинешмы, Иванова. Не забыты и евреи, проживающие в «малых» городах нашего региона: Буре, Галиче, Нерехте, Волгореченске, Шарье, Шуе, Фурманове, Ростове Великом, Удомле. Мы хотим прийти к каждому еврею, где бы он ни проживал. Наша община сегодня становится сильным региональным раввинским центром Верхнего Поволжья, способным помочь в решении любых проблем в области религии, образования, культуры, правозащитной и благотворительной деятельности.

– Полгода назад к работе в костромской общине на постоянной основе приступил раввин Нисон Руппо. Какие изменения произошли в связи с его приездом? Что нового он привнес в общину?

– Раввин Нисон приехал в наш город в марте этого года. Уже в июне начал свою работу детский сад «Ор Менахем», в августе с большим успехом прошел летний семейный лагерь, в котором отдыхали и обучались еврейские семьи Костромы и Кинешмы. В течение 12 дней лагерной смены с семьями проводили занятия как сам раввин Нисон, так и его коллега из Москвы раввин Довид Карпов. Неопенима работа нашего раввина в становлении религиозной жизни, в деятельности миньяна. Доброй традицией стала встреча новомесячья, речь идет о ежедневном миньяне. Мы думаем сегодня о начале работы средней общеобразовательной еврейской школы-интерната для детей региона Верхней Волги, и здесь роль раввина Нисона является определяющей.

Хочется особо сказать о занятиях с мужской и женской группами по еврейской традиции и, конечно, с молодежью общины, – раввин Нисон доступно и увлекательно раскрывает сложнейшие проблемы. На новый уровень выходит и наша работа в регионе: раввин Нисон выезжает в города, встречается с местными евреями, проводит занятия, помогает решать многочисленные проблемы этих общин. В прошедший Суккос раввин Нисон сделал «передвижную Сукку» и объехал весь наш регион, чтобы помочь евреям «на месте» ближе познакомиться с традициями этого праздника.

– Ну а как складываются отношения Костромской общины с Федерацией еврейских общин России? Какую помощь оказывает ФЕОР общине и лично вам?

– Наша община, как я уже сказал, стояла у истоков образования ФЕОР. И с первых же дней работы Федерации мы получали всестороннюю поддержку, наши отношения и сегодня дружественны и конструктивны. Благодаря помощи ФЕОР мы решили вопросы об оплате содержания здания синагоги и страхования имущества, о регулярном праздновании Шабоса, об организации работы нашего молодежного клуба и

А НАМ, ЕВРЕЯМ, ПОВЕЗЛО...

Ááí ááèèò Ñàðí îâ

Только что я прочел (в 12-м номере «Дружбы народов» за 2000 год) статью недавно умершего моего коллеги и почти сверстника Юрия Буртина. Это даже не статья. Скорее – исповедь. Он так и назвал ее: «Исповедь шестидесятника».

В этой своей исповеди Юра откровенно признается, что в свои студенческие годы был сталинистом.

«Что касается собственно отношения к Сталину, – пишет он, – то ни у меня, ни у подавляющего большинства окружающих, насколько я себе представляю, оно не носило характер какого-то экстатического поклонения, но признавалось само собой разумеющимся, что вождь всегда и во всем прав, мудр и что от него может исходить только хорошее...»

Читая это, я снова – уже в который раз – вспомнил замечательные строчки Бориса Слуцкого:

À í àì, ááðáÿì, ì î ááçèí.

Í á ì ðÿ: àñí ì îâ ó àèüø è áí ì

ó è ááñ ì,

Í à í àñ ááç ì àñèè è áçèí çèí.

Í ì í á ì ðèò àñ ðÿèíñí á è ááñ ì.

К Сталину я в разные времена относился по-разному. Но в конце 52-го и начале 53-го, в отличие от моего сверстника Юры Буртина, уже твердо знал, что от Сталина – прежде всего именно от него – исходит все самое темное и страшное в нашей жизни.

– Статью Бубеннова в сегодняшней «Правде» читал? – помню, спросил меня мой друг Гриша Бакланов.

Ī ēōāēē Áóááí í ĩá

*Áā :áđí ĩġōáí íōp, í ĩāđí ĩōp ñō àòŭp ĩ đíí áíá Áāñēēēŷ Áđíġġ áíá «Çà ĩ đāááá
āāēĭ»*

ĭāĭáđēē ē đāġġ ĩđŷāēēġŷ ĩá: àò àò ŭá «Ī đāááá» ġāí Ñò áēēĭ.

Это было в феврале 53-го. Могу даже сказать более точно: статья Михаила Бубеннова о романе Гроссмана «За правое дело» появилась в «Правде» 13 февраля 1953 года, за три недели до смерти вождя.

Статья была разбойничья, доносительская, откровенно черносотенная. Но к этому мы тогда уже привыкли. А тут звучала какая-то новая нота. От всех предыдущих статей того же рода, которых к тому времени появилось уже немало, она отличалась какой-то особой зоологической злобой и ненавистью. Этой повышенной злобностью она была пронизана вся, от первой своей строки до последней точки.

Но дело было не только в этом.

Каждому прочитавшему ее сразу становилось ясно, что этой статьей власть сделала еще один, новый, следующий шаг по тому пути, о котором было объявлено 13 января сообщением о врачах-убийцах. Казалось бы, куда уж дальше! Но статья Бубеннова словно двинула стрелку барометра еще на одно какое-то деление.

В ответ на Гришин вопрос я молча кивнул. Да, мол, конечно, читал.

– Ну? Что скажешь?

Я ответил одним словом:

– Жуть.

– Говорят, сам Хозяин приказал печатать, – сказал Гриша.

Больше мы не произнесли ни слова. Да и не нужны тут были никакие слова, и без слов все было ясно. Не знаю, от кого Гриша слышал, что статья Бубеннова была опубликована по указанию самого Сталина. Может быть, был накануне в «Правде», и кто-то из сотрудников намекнул ему на это. Как бы то ни было, слух этот был верен: позже он полностью подтвердился.

Àðëãðé Áàéëííá

*Òàéèì íí àíé (òíéíéí áεá ááç ííáí), éíáá à ù ñíéì ó:éééñí á Èéò áðáò óðí íí
éí ñòéò óðá*

Но самое интересное тут было то, что, услышав, по чьему указанию была напечатана эта ужаснувшая меня статья, я ничуть не удивился. В сущности, Гриша не сообщил мне ничего нового.

Я и без того знал (чувствовал): все, что происходит, делается по ЕГО приказам. Не только по его воле, а вот именно – по его личным указаниям. Вернее, так: я знал (чувствовал), что осуществляется вполне определенный, уже давно написанный сценарий. Было совершенно очевидно, что события развиваются (нагнетаются) по заранее составленному плану. Чтобы увидеть это, не надо было обладать какой-то особой проницательностью.

Вот лишь некоторые факты, выстроенные в хронологической последовательности. (Сейчас, выстраивая их, я опираюсь на документы, некоторые из которых были опубликованы в более поздние времена. Но что-то – и даже не что-то, а главное – все эти события уже и тогда ни для кого не были тайной.)

13 марта 1952 года было принято секретное постановление начать следствие в отношении всех лиц еврейского происхождения, чьи имена назывались на допросах по делу Еврейского антифашистского комитета.

8 мая началось закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР по делу Еврейского антифашистского комитета. Среди обвиняемых: еврейские писатели Перец Маркиш, Лев Квитко, Давид Бергельсон, актер Вениамин Зускин, академик Лина Штерн.

18 июля всем подсудимым по делу Еврейского антифашистского комитета (кроме биолога Л.С. Штерн, о которой говорили, что Сталин сохранил ей жизнь, думая, что она владеет секретом долголетия) вынесен смертный приговор.

12 августа 1952 года приговор приведен в исполнение.

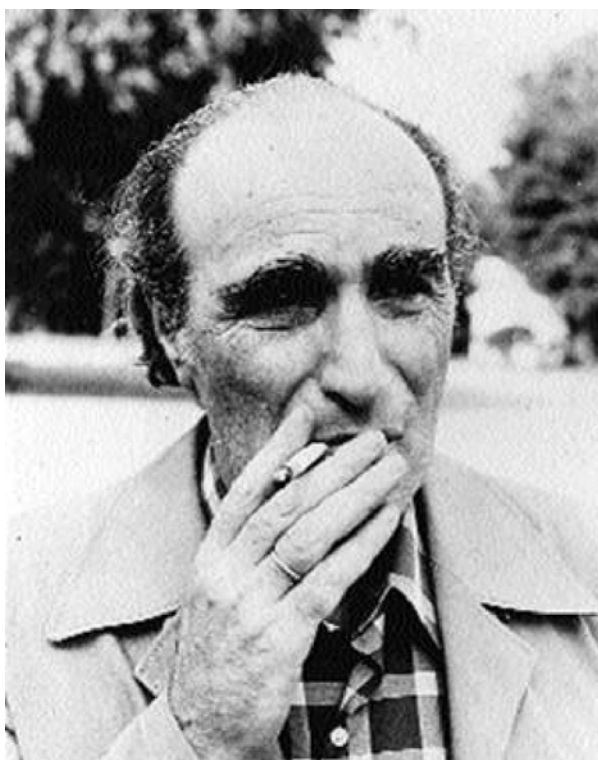
13 января 1953 года объявлено об аресте врачей-убийц.

21 января, в день смерти Ленина, под ленинским портретом опубликован указ о награждении орденом Ленина врача Лидии Тимашук «за помощь, оказанную правительству в деле разоблачения врачей-убийц».

27 января в белом парадном зале Кремля состоялась торжественная церемония вручения сталинской премии «За укрепление мира между народами» Илье Эренбургу.

13 февраля того же года – в день появления в «Правде» статьи Бубеннова – СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем. Поводом для этого стал взрыв бомбы во дворе советского посольства в Тель-Авиве, три человека были ранены. Это случилось 9го февраля.

Дальше – по слухам – события должны были развиваться так.

Αἰὰὐτῆεε Αἰῶνῆεε: – Αἰὸῖ ὀαεῖε Ἰ εὐῖεῖ?

В ходе процесса над «убийцами в белых халатах» выяснится, что они действовали не только по заданию иностранных разведок. Что за их спиной стояли враги, пробравшиеся к высшему руководству страны, – Молотов, Каганович, Берия. (Так же, как за спиной убийц Менжинского, Куйбышева и Горького стояли Каменев, Зиновьев, Бухарин, Рыков, Ягода.) Все это позволило бы Сталину устроить новую грандиозную чистку в высших эшелонах власти.

Но – не только. Во всех сталинских планах всегда просматривалось решение сразу нескольких задач. Так и тут. Осужденных врачей повесят на Красной площади, после чего по доведенной до истерии стране прокатится волна еврейских погромов. И тогда, спасая уцелевших евреев от справедливого гнева народного, их сошлют в места отдаленные, где уже загодя выстроены для них бараки. И даже точно просчитан процент тех, кто доедет до этих бараков, а кому суждено будет погибнуть в пути. Ну а потом – откат. В дело вмешивается Вождь. И начинается волна новых посадок – теперь уже сажают погромщиков: ведь в гигантскую печь ГУЛАГа надо постоянно подбрасывать все новые и новые дрова.

Все это, конечно, было уже из области слухов. И, по правде говоря, я даже не могу сейчас точно сказать, какие из этих слухов доходили до меня уже тогда, а какие относятся к иным, более поздним временам. Но ясная схема продуманного сценарного плана отчетливо просматривалась – даже если отвлечься от всех этих слухов – в выстроенной в одну линию цепочке всем нам известных фактов. В этой цепи отдельных событий и фактов теперь уже хорошо была видна динамика – развитие, движение давно спланированного сюжета. Каждому, кто видел, куда все движется, – а только слепой мог этого не увидеть! – было ясно: и кампания по борьбе с космополитами 49-го года, и процесс Сланского 51-го, освещавшийся в наших газетах в откровенно антисемитском духе (о Сланском и его подельниках писали, будто они «мечтали превратить Чехословакию в космополитическую вотчину Уолл-стрита, где властвовали бы американские монополии, буржуазные националисты, сионисты»), были первыми звеньями этого далеко идущего плана. Прологом и завязкой этого давно написанного сценария.

Нет, первым звеном – теперь уже не могло быть сомнений – было убийство Михоэлса. Что-то темное и страшное было уже в самых первых слухах о его гибели. Потом стало известно, что делом этим поручено заниматься следователю по особо важным делам Льву Шейнину – тому самому, детективными рассказами которого зачитывалась вся Москва. Потом прошел слух, что Шейнин арестован. Почему? За что? Кто говорил – за то, что, будучи евреем, был слишком пристрастен и «копал» не там, где надо. А некоторые шептались, что, «копая», наткнулся на что-то такое, чего знать ему не полагалось. Так или иначе, похоронен Михоэлс был со всеми подобающими ему почестями. Но вскоре возглавляемый им театр был закрыт. А потом стало известно, что арестован один из лучших актеров этого театра, ближайший друг Михоэлса – Вениамин Зускин. И вот – последняя точка: фраза в сообщении о врачах-убийцах про «известного еврейского буржуазного националиста Михоэлса», через которого таинственный «Джойнт» передавал убийцам свои злодейские приказы.

Несколько лет спустя, летом 60-го, я жил в Малеевке. То был, кажется, первый мой приезд в этот знаменитый подмосковный Дом творчества, потом на многие годы ставший для меня чуть ли не вторым моим домом. (Мы шутили, что приезжаем туда, как в свое имение.) В то лето сразу сбилась у нас дружная компания. Душой

компании был Толя Аграновский: красавец, остроумец, весельчак. Вместе с женой Галей, которая была ему под стать, он дивно пел на сочиненные им мелодии любимые наши стихи: Пастернака, Цветаевой, Слуцкого, Самойлова, Тарковского, Кедрина... Слушать его было – наслаждение. Познакомились мы с Толей раньше, но подружились именно в то лето.

Когда-нибудь я, может быть, расскажу о нем подробнее. Во всяком случае, он еще не раз – по разным поводам – будет появляться на страницах моих воспоминаний. Но сейчас поводом для этой – очередной моей – «верояции в сторону» стал Михоэлс. В один из тех летних дней 60-го года вышел я из главного малеевского корпуса и остановился, щурясь от бьющего в глаза яркого июльского солнца. На бетонной террасе, по-барски раскинувшись в соломенных креслах-качалках, сидели два известных московских стукача. И один из них ленивым барским голосом – под стать его позе – сказал:

– Вот Бен нам сейчас скажет... Скажи, Бен! Как ты думаешь: кто убил Михоэлса?

Придуриваться мне не хотелось. Но и раскрываться перед этими голубчиками тоже было боязно: со смерти Сталина прошло уже семь лет, но я еще не настолько «оттаял» от лютой сталинской зимы, чтобы вот так, впрямую, известным стукачам говорить все, что знаю и думаю. Медленно, осторожно, взвешивая каждое слово, я ответил:

– Скорее всего его убили сотрудники бывшего Министерства государственной безопасности.

Рождая и одновременно произнося этот свой ответ, я сделал особый упор на слово «бывшего» и – чуть слабее, но тоже все-таки выделил слово «Министерство». Тем самым я как бы давал понять, что нынешняя наша гэбуха (это давно уже было не Министерство, а Комитет) никакой ответственности за преступления того, разоблаченного и разогнанного ведомства не несет.

Очень довольный этим своим ответом (и дураком не показался, и мудрую осторожность проявил) я двинулся дальше по аллейке, идущей от главного корпуса к пруду, и шагов двести спустя наткнулся на Толю. Остановившись с ним на минутку, я – в упоении от своего лихого ответа – рассказал ему, каким молодцом только что себя проявил.

– Ну и дурак! – сказал Толя, выслушав мой самодовольный рассказ.

– А как, по-твоему, надо было ответить? – обиженно спросил я.

– А вот спроси меня... Спроси, спроси!

Сделав вид, что предыдущего разговора как бы не было, словно мы вот только что столкнулись на этой аллейке, я сказал:

– Толя! Давно хотел у тебя спросить. Как ты думаешь: кто убил Михоэлса?

– Михоэлса? – Толя с изумлением воззрился на меня. – А кто это – Михоэлс?

И тут же сбросив маску простодушного изумления, похлопал меня по плечу:

– Вот как надо отвечать на такие вопросы!

Весной 53-го я, конечно, ни с кем на эту тему разговаривать бы не стал, и уж тем более ни с кем не стал бы делиться никакими своими предположениями. Но наедине с собой уже и тогда точно знал, ни на секунду не сомневался, что Михоэлса убили «наши». И то ли поэтому, то ли потому, что уже прозрачно ясен был тогда для меня весь сценарий, не сомневался, что и бомбу во дворе советского посольства в Тель-Авиве тоже, конечно, взорвали «наши». Ясно понимал, что это – новый виток, новое – быть может, самое важное – звено все того же сталинского плана.

Èdèí à Yòáí áóðã äî÷Èëüè Áðè ã ðííæ÷à

Ì ù äðæèèè ñíæ äî ìîëäí äî äí ãíæèèè.

Но ярче всего выразилось то, что все это не просто естественное развитие событий, продиктованное самим, так сказать, ходом вещей, что реализуется именно некий хорошо придуманный и продуманный сценарий, – в присуждении сталинской премии мира Эренбургу. Премия эта до Эренбурга присуждалась только иностранцам, и то, что первым советским «борцом за мир», отмеченным этой высокой наградой, был не Фадеев, не Тихонов, а именно Эренбург, яснее ясного говорило о замысле автора сценария. Ну а

уж насчет того, кто был этим автором, и вовсе не могло быть ни малейших сомнений. Вручение этой премии было обставлено с необычной даже для тех времен, как мне тогда показалось, искусственно подчеркиваемой помпезностью.

Впрочем, написав эти слова («как мне тогда показалось») я, наверно, соврал. Во всяком случае, не могу с уверенностью сказать, что это мне показалось именно тогда. Скорее всего, на мои воспоминания о 53 годе тут наложились другие мои впечатления, относящиеся к временам более поздним.

Это было в тот же день – 27 января. Но год был другой: 1971-й.

Называю именно эту дату, потому что назначенный на тот день вечер памяти Эренбурга в Центральном доме литераторов проходил с такой торжественностью, с какой тогда могла отмечаться только круглая дата. А в 1971-м Илье Григорьевичу, если бы он дожил до этого дня, стукнуло бы 80. (Только сейчас я сообразил, что и днем вручения премии в 53 году тоже, значит, был назначен день его рождения. Не проявились ли и тут некие тайные – далеко идущие – замыслы «сценариста»? Получается, что это был как бы личный ему от НЕГО именной подарок. А что скрывалось за такими подарками, мы теперь уже хорошо знаем: вот так же и Кирову незадолго до убийства он подарил какую-то свою книгу с надписью – «Моему любимому другу и брату».)

Итак, в Центральном доме литераторов торжественно отмечался вечер памяти Эренбурга. Какая-то круглая дата. Мы с женой немного опоздали и вошли в зал, когда вечер уже начался. Нас было трое: с нами была Ирина, дочь Ильи Григорьевича, с которой мы были тогда (как, впрочем, и потом, до самого конца ее жизни) очень дружны. Ей-то уж во всяком случае не полагалось опаздывать на этот вечер, но – не помню почему – вышло так, что мы опоздали. И войдя в зал, увидели киноэкран, на котором – крупным планом – Илья Григорьевич, стоя на той самой трибуне в Свердловском зале Большого кремлевского дворца, в этот вот самый день 27 января, но не 71-го, а 53 года, произносил такие слова:

– Каково бы ни было национальное происхождение того или иного советского человека, он прежде всего патриот своей родины и он подлинный интернационалист, противник расовой или национальной дискриминации, ревнитель братства...

Зал был полон. К тому же было темно, и искать свои места нам было неудобно. Поэтому эту старую кинохронику мы, как вошли, так – до самого ее конца – смотрели стоя. О чем думала и что чувствовала Ирина, глядя на умершего и теперь вот воскресшего на экране отца, я не знаю. О чем думал и что чувствовал я, скажу чуть позднее. А жена моя, кинув на меня испепеляющий взгляд, довольно громко прошептала:

– Ну?! Теперь ты видишь?!

Это значило: «Теперь, я надеюсь, ты наконец-то увидел, какой негодяй этот твой Эренбург?!»

Сжав ее руку, я сказал:

– Молчи! Ты ничего не понимаешь!

Отчасти я это сказал из-за Ирины, боясь, как бы жена не продолжила тему и не высказала все, что она по этому поводу думает, так сказать, открытым текстом. А что она

об этом думала, я хорошо знал по давним, многолетним нашим спорам, нередко принимавшим даже форму скандалов. Впрочем, Ирина тоже знала, что отношение моей жены к ее отцу было, мягко говоря, неприязненным. При Ирине жена, конечно, все-таки старалась держаться в некоторых рамках. Но даже простое соблюдение приличий ей не всегда удавалось. Однажды – после одного из таких объяснений – Ирина сказала ей:

– Неужели вы не понимаете, что этими своими постоянными нападками на моего отца вы меня обижаете?

– Зато я не держу камня за пазухой! – гордо ответила моя прямодушная жена. На что Ирина очень недурно ей возразила:

– Уж лучше бы вы держали свои камни за пазухой, а не кидали их в меня и в моего отца.

Вот и сейчас, предвидя начинающуюся дискуссию о роли Эренбурга в общественной и политической жизни нашей страны и стараясь прекратить ее в самом зародыше, я прежде всего, естественно, думал о том, чтобы жена в очередной раз не обидела Ирину. Да еще сейчас, в такой день – и в такой момент! Поэтому я и сжал изо всей силы ее руку и прошептал: «Молчи!» Но не только поэтому добавил: «Ты ничего не понимаешь!» Я действительно считал, что она тут понимает не все. А многое так даже и вовсе не понимает. Вернее – понимает неправильно. В отличие от жены я очень хорошо помнил, о чем я думал тогда, в 1953 году, прочитав вот эти самые – только что услышанные нами – эренбурговские слова.

– Молодец Илья Григорьевич! – думал я, читая в «Правде», в той самой «Правде», со страниц которой ежедневно лился поток антисемитской брани, что «каково бы ни было национальное происхождение того или иного советского человека, он прежде всего подлинный интернационалист, противник расовой или национальной дискриминации...»

– Как важно, – думал я, – что именно сейчас он вот так, громко, на весь мир сказал это!

В отличие от жены я к тому же прекрасно понимал: произнося эти слова, так открыто идущие вразрез с тем, что ежедневно несло в мир с этих же самых страниц, Эренбург проявляет недюжинную, может быть даже отчаянную смелость.

Но ведь в этом-то как раз и состояла вся макиавеллиевская гениальность сталинского сценария.

В своих мемуарах («Люди, годы, жизнь»), писавшихся и публиковавшихся в 60-е, Эренбург рассказывает, что вел себя в той непростой для него ситуации не больно законопослушно. Даже строптиво:

«Григорьян пригласил меня к себе, заговорил о вручении премии: “Хорошо, если вы упомянете о врачах-преступниках...” Я вышел из себя, сказал, что не просил премии, готов хоть сейчас от нее отказаться, но о врачах говорить не буду. Мой собеседник начал меня успокаивать: “Это не директива, просто я хотел вам подсказать...”»

О своей речи на церемонии вручения Эренбург вспоминает так:

«Речь была короткой. Я сказал: “Каково бы ни было национальное происхождение того или иного советского человека, он прежде всего патриот своей родины и он подлинный интернационалист, противник расовой или национальной дискриминации, ревнитель братства...”»

Эти слова были продиктованы событиями, и я снова вернулся к тому, что меня мучило: “На этом торжестве в белом парадном зале Кремля я хочу вспомнить тех сторонников мира, которых преследуют, мучают, травят, я хочу сказать про ночь тюрем, про допросы, суды – про мужество многих и многих...” В Свердловском зале было тихо, очень тихо. Люба потом рассказала, что, когда я сказал о тюрьмах, сидевшие рядом с нею замерли. На следующее утро я увидел в газете мою речь выправленной – к словам о преследовании вставили “силы реакции”: боялись, что читатели могут правильно понять мои слова и отнести их к жертвам Берии...».

Так оно все и было. Он не лгал, говорил правду. Не всю, конечно, правду (всю тогда сказать он еще не мог: недаром же назвал арестованных врачей жертвами Берии, а не Сталина, хотя прекрасно знал, кто был главным сценаристом и режиссером этого жуткого спектакля), но – правду.

Сути дела это, однако, не меняло.

Хуже того! Чем свободнее, чем смелее, чем непокорнее вел он себя на той высокой трибуне, чем больше позволял себе отклонений от сценария (в определенных, конечно, пределах), тем лучше он выполнял назначенную ему роль ширмы.

«Куда влечет нас рок событий» я конечно знал. Само собой, я не знал этого с той мерой точности, с какой знаю сегодня. Но я чувствовал это кожей. И не только кожей, а – печенкой, селезенкой, спинным мозгом. И сейчас, когда я сравниваю это свое тогдашнее знание с сегодняшним, мне кажется, что за минувшие полвека я узнал не так уж много нового.

Оказалось, что моя печенка, селезенка, спинной мозг и прочие органы моего тела, не верившего в неумолимо приближающуюся трагическую развязку, уже тогда знали немногим меньше, чем это знает сегодня мой перегруженный информацией мозг. Я уж не говорю о мозгах историков и политологов, владеющих во много раз большим объемом информации, чем я, но – не живших в то время.

Это мое ощущение я не смогу выразить лучше, чем это сделал однажды в одной из своих литературно-критических статей Владислав Ходасевич:

«Недавно мне довелось быть на лекции о поэзии Иннокентия Анненского. В первой части доклада лектор дал краткий обзор русского символизма. Я испытал неожиданное чувство. Все, сказанное лектором, было исторически верно, вполне добросовестно в смысле изложения литературных фактов. Многое в символизме лектору удалось наблюдать правильно, даже зорко. Словом – лектору все мои похвалы.

Но, слушая, мне все чувствовалось: да, верно, правдиво, – но кроме того я знаю, что в действительности это происходило не так. Так, да не так.

Причина стала мне ясна сразу. Лектор знал символизм по книгам – я по воспоминаниям. Лектор изучил страну символизма, его пейзаж – я же успел еще вдохнуть его воздух, когда этот воздух еще не рассеялся и символизм еще не успел стать планетой

без атмосферы. И вот, оказывается, – в той атмосфере лучи преломлялись как-то особенно, по-своему – и предметы являлись в иных очертаниях».

Это чувство очень хорошо мне знакомо. Я не раз испытывал его, читая книги историков и политологов, исследующих последние годы жизни Сталина.

Вот, например, совсем недавно купил и прочел толстенный том – 800 страниц: «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм». На титуле гриф: «Российская академия наук. Институт российской истории». Автор, Геннадий Васильевич Костырченко – серьезный, видать, ученый. Тьму документов раскопал, в секретных архивах работал. И намерения у него самые благородные. В том смысле, что всей душой ориентирован он на то, чтобы добраться до истины, все тайное сделать явным.

В этих своих благородных устремлениях он достиг многого. Но вот парадокс! Стремление к предельной исторической щепетильности и документальной точности в ряде случаев приводит его как раз к обратному, противоположному результату. Не к выявлению истины, а, напротив, к сокрытию ее, к набрасыванию на эту самую истину нового покрывала тайны («Опять эта проклятая неизвестность!»).

Так, например, версию о готовящейся высылке советских евреев в места отдаленные он называет «депортационным мифом», сложившимся «под воздействием произведений в жанре эмоциональной исторической публицистики, которые в массовом порядке стали издаваться в канун падения советского коммунистического режима и первых лет после этого исторического события».

«С энтузиазмом вскрывая “язвы” проклятого прошлого, некоторые авторы принялись разоблачать тогда последнее преступление Сталина, известное как “дело кремлевских врачей”. В частности, они утверждали, что диктатор намеревался использовать его в качестве повода для осуществления уже в марте 1953 года крупномасштабной депортации советских евреев в Сибирь, устройства публичных казней наиболее выдающихся и авторитетных представителей этой национальности на Красной площади в Москве и тому подобных антисемитских зверств. При этом в погоне за исторической сенсацией и давая волю чувствам, никто из них, за редким исключением, не утруждал себя соблюдением научно-исторических методов исследования (если, конечно, они имели представление о таковых). И вот, опираясь на подобного рода откровения, не подтвержденные ни единым документально зафиксированным фактом, некоторые западные исследователи уже на “научной основе” стали доказывать, что в конце своей жизни Сталин намеревался пойти по проторенному ранее Гитлером пути “окончательного решения еврейского вопроса”»

(Г.В. Костырченко. «Тайная политика Сталина».)

На последних страницах своей книги автор вновь возвращается к этой теме, посвятив ей специальную главу, которая так прямо и называется: «Миф о депортации».

Там его версия обрастает новыми, по видимости еще более убедительными аргументами:

«Нельзя не учитывать и такой достаточно весомый антидепортационный аргумент, заключающийся в том, что, несмотря на тотальное предание гласности после августа 1991 года всех самых секретных политических архивных материалов сталинского режима, не было обнаружено не только официальной директивы, санкционирующей и

инициирующей депортацию, но даже какого-либо другого документа, где бы она упоминалась или хотя бы косвенно подтверждалась ее подготовка... Если бы нечто похожее существовало в действительности, то непременно бы обнаружилось, как это произошло со многими другими утаенными советским режимом секретами...»

Что до сих пор не нашлось документов, подтверждающих «депортационные» планы Сталина, я верю. Хотя может статься, такие документы еще и отыщутся. Секретные протоколы, прилагавшиеся к пакту Риббентропа-Молотова, тоже долго не находились.

Но допустим, что никакие секретные постановления с подписями Сталина (или Маленкова, или Суслова) так никогда и не выйдут из тьмы архивов на белый свет.

Кроме документов существуют ведь и свидетельства современников. И вот одно из них, мимо которого, как мне кажется, не должен пройти ни один серьезный историк:

«В 1970 году бывший член Политбюро ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР Николай Александрович Булганин рассказал мне, что за несколько дней до публикации сообщения ТАСС об «аресте группы врачей-вредителей» его текст обсуждало бюро Президиума ЦК КПСС (так назывался тогда высший партийный орган)... По словам Булганина, процесс над врагами намечался на середину марта 1953 года и должен был завершиться вынесением смертных приговоров. «Профессоров-убийц» предполагалось публично повесить на центральных площадях в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Сердловске, в других крупнейших городах страны.

Булганин рассказал мне и о намечавшейся после процесса над врачами массовой депортации евреев в Сибирь и на Дальний Восток. В феврале 1953 года Сталин приказал подогнать к Москве и нескольким другим крупнейшим городам несколько сот эшелонов для выселения евреев. В ходе этой акции планировалось организовать крушение составов и «стихийное» нападение на них «возмущенных масс», чтобы с частью депортируемых расправиться в пути. По словам Булганина, идейными вдохновителями и организаторами «Дела врачей», а также намечавшихся антиеврейских акций были Сталин, Маленков и Суслов.

Немало интересного о плане депортации евреев рассказал Николай Николаевич Поляков, бывший сотрудник аппарата ЦК ВКП(б), а до этого работник органов государственной безопасности. По его словам, для руководства операцией по выселению евреев была создана специальная комиссия, подчиняющаяся непосредственно Сталину. Председателем комиссии Сталин назначил секретаря ЦК КПСС Суслова, секретарем стал Поляков, для размещения депортированных в отдаленных районах страны спешно строились барачные комплексы наподобие концлагерей, а их территории попадали в ранг закрытых зон».

(Из книги доктора исторических наук Якова Этингера «Это невозможно забыть...»).

Автору книги «Тайная политика Сталина» эти свидетельства безусловно известны. Но он их игнорирует. Не то чтобы совсем игнорирует, но относится к ним – как к не заслуживающим внимания. Упоминает о них лишь однажды, вскользь, в короткой сноске петитом:

«Из приближенных Сталина только Н.А. Булганин, выйдя на пенсию, любил после изрядного возлияния поведать своим собеседникам, разумеется, “по большому секрету” о том, как Сталин поручал ему подготовку и осуществление депортации евреев».

(Г.В. Костырченко. «Тайная политика Сталина».)

Значение свидетельства Н.А. Булганина не только смазано упоминанием об «изрядных возлияниях» и всем ироническим тоном сообщения, но и сильно переврано: из рассказа Булганина Этингеру следует, что подготовку и осуществление депортации евреев Сталин поручал не ему, а совсем другим людям.

Но я опять сбиваюсь на полемику, забыв, что обещал не уклоняться далеко в сторону от рассказа о своей жизни.

Следуя этому своему обещанию, хочу обратиться к показаниям совсем других свидетелей.

В описываемое время моя жена работала на радио. Точнее – в КРВ, Комитете радиовещания. Этих комитетов у нас тогда было два: КРВ (Комитет радиовещания) и КРИ (Комитет радиоинформации). КРИ вещал на Советский Союз, а КРВ – на границу. Жена работала в КРВ, в Корейской редакции.

Корейская редакция, еще недавно бывшая одной из самых заштатных, в то время – нежданно-негаданно – вдруг вышла на передовую линию огня: в Корее началась война. Южную Корею поддерживали американцы, а на стороне Северной воевали так называемые китайские добровольцы. Мы в войну пока не втягивались, но от этой – очередной – сталинской авантюры не так уж далеко было до начала третьей мировой, в вечном страхе перед которой все мы тогда жили.

Итак, жена работала в корейской редакции. А заведовал редакцией человек по фамилии Сметанин.

Фамилия эта была хорошо мне знакома, и когда жена как-то обмолвилась, что непосредственного ее начальника зовут Николай Арсеньевич Сметанин, я удивленно переспросил:

– Сметанин? Неужели тот самый?

Обувщик Сметанин в 30-е годы был знаменит почти так же, как Стаханов или какой-нибудь там Кривонос. Это он кинул клич, поддержанный сперва массами трудящихся, а потом уже партией и правительством: «Ударники – в дипломатию!» – наподобие знаменитого горьковского лозунга: «Ударники – в литературу!»

Самого Сметанина в благодарность за почин сразу назначили послом – то ли в Японию, то ли еще куда. Но ничего хорошего из этого его почина, кажется, не вышло. Во всяком случае, в мемуарах Риббентропа об одном таком «сметанинце», отправленном послом в Германию, я прочел: «Этот новый русский посол очень талантливо притворяется идиотом. Но нас он не проведет».

Выяснить, был ли заведующий корейской редакции КРВ «тот самый Сметанин», мне не удалось. Но это в сущности было не так уж и важно. Даже если это был всего лишь однофамилец того Сметанина, ясно было, что он, как сказано в одном

рассказе Зошенко, «кавалер и у власти», а стало быть, знает то, чего нам, простым смертным, знать не полагается.

И вот этот самый Сметанин однажды, уходя из редакции перед отъездом то ли в отпуск, то ли в какую-то длительную командировку, буркнул моей жене (собственно, женой моей она тогда еще не была, мы только собирались пожениться):

– Проводите меня. Мне надо с вами поговорить.

Разговор у них был короткий. Это был даже не разговор, а одна единственная фраза. Но сказана она была в самом категорическом тоне и – с большим нажимом.

– Можете спать со своим Сарновым сколько вам угодно, – грубо сказал он. – Только не вздумайте выходить за него замуж.

Кажется, этой директивой он не ограничился, а еще и поручил своему заместителю под каким-то предлогом отобрать у нее паспорт и спрятать, чтобы, воспользовавшись его отсутствием, она не побежала со мною в загс. Будущая моя жена истолковала этот разговор в том смысле, что наш брак, если он состоится, грозит ей какими-то служебными неприятностями – не более того. В самом худшем случае – уволят. Но я почуял в этом предупреждении Сметанина нечто более серьезное, чем просто нежелание, чтобы его сотрудница испортила себе анкету. Как бы то ни было, предупреждение не помогло. Спрятанный паспорт она у сметанинского заместителя выманила, и в загс мы побежали. Единственная уступка, которую мы сделали обстоятельствам, состояла в том, что брак наш мы – до поры – решили держать в тайне (не от сотрудников жены по корейской редакции, а главным образом от моих родителей). Чтобы тайна эта раньше времени не выплыла на свет, регистрируясь, жена сохранила свою фамилию, хотя сотрудница загса предупреждала:

– Имейте в виду, с разными фамилиями у вас в жизни будет много неудобств. А если вы не возьмете фамилию мужа сейчас, потом это сделать будет гораздо труднее: вам придется тогда уже менять свою родовую фамилию, а это... вы даже представить себе не можете, какая это морока...

Но на все эти будущие трудности нам было наплевать, нам хватало и настоящих. (Жить не на что и, в сущности, негде. Как отнесутся к моей женитьбе родители – неизвестно, а ведь рано или поздно придется им признаться: не вечно же мы будем держать наш брак в тайне...)

При том, что я – как уже не раз было сказано – если и не понимал, то чувствовал, какое будущее готовит мне мое родное государство, реакция родителей на наш тайный брак (если тайна вдруг выйдет наружу) пугала меня гораздо больше. Этот мой страх разоблачения был так велик, что однажды, представив себе, как теща звонит родителям и радостно сообщает им, что «наши дети поженились», я, мало чего соображая, не нашел ничего лучшего, как перерезать телефонный провод в нашей коммунальной квартире.

Этот мой страх был куда сильнее, чем страх перед грозящей нам депортацией, о которой так много тогда говорили. В отличие от того страха этот был ужасающе конкретен. При мысли, что родители узнают, меня кидало в холодный пот. А слухи о каких-то там строящихся бараках и запланированных процентах смертности были для меня совершеннейшей абстракцией.

Ну а что касается жены, то она о таких

глупостях вообще не задумывалась. В голове у нее звенело, и суровое предупреждение Сметанина на нее и вовсе никакого впечатления не произвело. В продолжение всего этого их короткого разговора она думала только об одном: как бы выманить «у них» свой паспорт и, воспользовавшись отсутствием шефа, успеть до его возвращения из отпуска зарегистрировать наш брак. А там – будь что будет!

Это «будь что будет», как я уже сказал, менее всего имело в виду слухи о строящихся в Биробиджане бараках. Дальше мыслей об увольнении по сокращению штатов (что в конце концов и произошло) опасения ее не шли.

Но это был еще только 1951 год.

А год спустя обстановка там у них, в корейской редакции, была уже иная.

Уже несколько раз Зина, их редакционная секретарша, ни с того ни с сего вдруг подходила к ней и гладила ее вечно растрепанные волосы:

– Бедная вы наша. Нехитрая вы очень. Вам бы сейчас развестись! Ну были бы вы нехорошая... Замуж вас возьмут, не бойтесь!

– Зиночка, вы что? Почему это меня должны брать замуж при живом муже?

– Будто не понимаете? У нас в войну двух девушек выслали. А они только путались с немцами, не регистрировались даже!

– Бог с вами, Зина! При чем тут немцы? И при чем тут я?

– Не знаете что ли? Всех евреев выслали будут. И вас с вашим, конечно, тоже прихватят.

Вот эту Зину я и беру в свидетели. И ее свидетельство для меня гораздо весомее любых документов – как найденных, так и тех, которые, возможно, еще найдутся. (Или так никогда и не отыщутся.)

Вы спросите: почему? Почему какой-то глупой и невежественной Зине, не умеющей понять разницу между девушками, которые путались с немцами, и моей женой, я верю, а историку, прочитавшему тьму книг и изучившему тонны архивных документов, – не верю?

Один – главный – ответ вы уже знаете: потому что эта Зина была моей современницей. Она (как и я) жила в то время, дышала тем воздухом, кожей чувствовала, что происходит вокруг и куда все это движется.

ÈÁÒÀÈÌ Í ÎÁÁÐÛ 2002 ÈÈÑÈÁÁ 5763 - 11(127)

ХИМЕРЫ ТЕМНОГО ЦАРСТВА

«Nò óèà: àñò àñ» i îéóáèèîáé
ääáî îñòè

Знать, о чем говорят и что замышляют отдельные подданные, власти было интересно всегда и повсюду. Притом, во все времена и у всех народов нет дефицита в желающих удовлетворить любопытство государства. Другое дело, что разным бывает отношение к информационному потоку «снизу». В условиях гражданского общества, где бюрократия – под властью закона и под контролем населения, из доноительства научились извлекать пользу, отделяя правду от вздорных слухов, нелепых фантазий и заведомых фальсификаций.

Совершенно иная картина складывается в тоталитарном социуме. Там нет подобных информационных фильтров. В отсутствие демократических институтов, в том числе и свободы слова, бал правят всевластный диктатор и послушное ему чиновничество, манипулирующие бесправными подданными посредством той или иной идеологии. Отсюда неадекватность мировосприятия, причем не только у низов, но и у верхов. Те и другие почти перманентно пребывают в плену различных причудливых иллюзий и мифов, деформирующих массовое сознание и способствующих его универсальной деградации общества. В этом смысле сталинская система власти не составляла исключения из правила, о чем наглядно свидетельствуют представленные ниже архивные материалы.

Первый документ, или, точнее, донос вышел из-под пера журналиста А.С. Магида. Этот автор запомнился современникам отнюдь не по своим газетно-журнальным публикациям, отмеченным убогой казенщиной и полным отсутствием живой мысли, а тем, что начиная с 1930-х годов беспрестанно терроризировал окружавших его людей, особенно коллег, кляузничая в «инстанции». Полная абсурдность этих так называемых сигналов, а также личная нечистоплотность и эмоциональная неуравновешенность Магида были очевидны для властей предержащих – за «недобросовестное опорачивание» сослуживцев он был изгнан из редакции «Правды», после чего тщетно шантажировал цеховское руководство, что покончит с собой, если не будет восстановлен. Тем не менее, каждый новый его донос внимательно изучался на самом верху и по нему принимались «соответствующие меры».

Выяснить что-либо о другом добровольном информаторе аппаратных структур – Р.М. Кернер, чье эпистолярное творчество также представлено в нижеследующей документальной подборке, так и не удалось. Впрочем, подробности об этой личности, ничем особенным не выделявшейся из общей серой массы верноподданных «винтиков», имя которым легион, не так уж и интересны. «Железный» нарком Ежов еще в 1937 году предупреждал будущего кремлевского «врача-вредителя» В.Н. Виноградова: «Хороший

ты человек, Владимир Никитович, но болтаешь много. Имей в виду, что каждый третий является моим человеком и обо всем мне доносит. Советую тебе поменьше болтать».

Куда важнее само содержание публикуемых посланий, этих своеобразных и в чем-то даже замечательных памятников ушедшему времени. В них как в капле воды отразилась эпоха сталинизма с ее уродливой повседневностью, насыщенной почти анекдотическими (для нас сегодня) слухами, толками и пересудами. Но этот дошедший до нас отзвук обыденного сознания на политические события полувековой давности по-своему интересен и в чем-то занимателен. И было бы безнравственным отнестись к нему просто как к историческому курьезу. За строчками представленных документов незримо присутствует политика государственного антисемитизма, практиковавшаяся сталинским руководством. К тому же кануло в Лету далеко не все наследие сталинской эпохи – порожденные ею предрассудки и мифы продолжают до сих пор отравлять сознание живущих. Памятуя о том, что клин клином вышибают, хочется надеяться, что данная публикация в чем-то поможет обществу в избавлении от тяготеющего над ним негативного груза прошлого.

Документ № 1¹

Председателю Совета Министров Союза С.С.Р.

товарищу Сталину И.В.

Еще к вопросу о бдительности. Некоторые существенные замечания и предложения

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Вчера прочел в «Правде» статью о книге Р. Паркера «Заговор против мира» и обратил внимание на одно место в этой книге, где Паркер пишет о том как действуют в Москве в др. местах подлые англо-американские разведчики для выуживания оборонных сведений, и выдумывания антисоветских всяких басен и сплетен.

Р. Паркер пишет, что эти разведчики «проводят дни, рыская по колхозным рынкам, вокзалам, бродя вокруг заводов и аэродромов, заговаривая с русскими в парках и т.д.».

Какой же вывод нам следует из этого сделать? Прежде всего в том, к чему Вы нас всех дорогой товарищ Сталин всегда призываете, это бдительность, бдительность, и еще раз бдительность! Здесь нужна повседневная работа как по линии партийных, так и профсоюзных организаций. Но к сожалению здесь пока что дело ограничивается лишь в призыве против потери партбилетов и партдокументов.

По военным заводам

Как у нас там дело обстоит? От рабочих и служащих берется подписка о сохранении тайны и все! Достаточно ли это? Разумеется что нет, а нужно изо-дня в день вести массово-воспитательную и разъяснительную работу, как по линии партийных и профсоюзных организаций, включать доклады в планы их работ о бдительности, где на конкретных примерах показывать к чему приводит болтовня и слухи. Тоже самое следует делать всюду в учреждениях и на других предприятиях, в домоуправлениях и т.д.

Надо чаще созывать в домах домохозяек и их воспитывать в духе бдительности. А попробуйте проверить, ведь таких докладов ни одного не было, отсюда и использование разведчиками их слухов и болтовни на рынках. Эту же работу в духе бдительности надо проводить и в сельских организациях.

По аэродромам

Здесь надо тщательно подобрать весь аппарат, проверить его и пересмотреть начиная с начальника аэропорта до бортмеханика, до ремонтного рабочего. Что касается Москвы, то выделить один специальный аэродром, либо быв. центральный военный, либо Люберецкий, и никаких самолетов с пассажирами здесь не сажать. И крепко проверить и подобрать весь аппарат, но так чтобы друг за друга несли ответственность.

В парках

Усилить здесь работу органов безопасности плюс партийно-массовая работа и работа с населением, тогда матерым разведчикам станет трудно и здесь поживиться слухами и слушками.

О Центральном доме работников искусств, доме литераторов, доме кино, доме журналистов и т.д.

За последнее время установились «традиции» когда в Центральном доме работников искусств, доме литераторов, доме журналистов происходят «встречи» с Героями Советского Союза и Героями Социалистического Труда, Генералами, Офицерами, боев. командирами партизанских отрядов и т.д.

Делается это в целях «ознакомления» артистов, писателей и журналистов с жизнью.

Доступ сюда свободный, и поэтому нередко очевидно на такие «встречи» приходят и подлые иностранные разведчики. Это посещение считается «модным». Сюда приходят и жены министров и их замов. Затем после одной другой рюмки вина происходит болтовня. А не пора ли прекратить эти «встречи»? Не лучше ли будет, ежели артисты, журналисты, писатели и киноработники будут сами с собой встречаться? А если им нужно знакомиться с жизнью, пусть едут на заводы (кроме оборонных), колхозы, и там с ней знакомятся для своих пьес, книг, кинокартин, очерков и т.д.

Таким образом поменьше будет материала разведчикам, да и произведения писателей станут куда лучше!

О последних «бракосочетаниях» конструкторов

За последние 2-3 года вошло в «моду» когда некоторые конструктора бросают жен или не бросают (а так живут) с различными актрисами. Здесь тоже может быть лазейка для подлых разведчиков.

О тех кто получает так называемое наследство и посылки от американских дядюшек

Очень нужно обратить внимание на тех кто получает деньги, посылки или наследство от своих родственников из Америки, Англии и др. Здесь сам черт не разберет,

то ли действительно все это от родственников, или же от Федерального бюро (этой подлой американской разведки) за услуги по шпионажу!

МГБ должно на этот участок также обратить свое внимание, и притом пристальное.

О лекторах

Разумеется что большинство наших конструкторов, лекторов, также как и писатели, артисты, журналисты и киноработники – это проверенные и наши честные советские люди, но мне кажется, что сюда на этот участок надо обратить особое внимание. Ведь нередко иные лектора попадают в глухие углы, и там будучи предоставлены сами себе очевидно, да и притом нередко несут всякую околесицу и отсебятину основанную на слухах, которые потом и очевидно подхватывают англо-американские лазутчики и шпионы. Мне кажется что и здесь Общество по распространению знаний должно обратить сугубое внимание на подбор лекторов, и в особенности при их посылке на места, покрепче инструктировать, дабы избежать подобных случаев, и всяких иных казусов. От этого будет только для нас польза!

Попутно следует обратить внимание на бывших работников, а ныне лиц «свободных профессий» вроде фотокорреспондентов Гурария, Темина, и др. которые ранее бывали во многих местах и за границей а сейчас забываясь занимаются болтовней, забыв о том что болтовня и слухи могут принести вред.

До чего-ж доходит болтовня и ее последствия

Вот скажем идет отчетно-перевыборное собрание в Союзе Советских Писателей. В партком выставляют кандидатуру т. Б. Горбатова. Вдруг он Горбатов зачитывает заявление где пишет, чтобы его не выбирали, так как сегодня мол-де утром у него дома арестована жена артистка Окуневская.

Спрашивается зачем нужно было это зачитывать? А не проще было сказать, что мол-де уезжаю, занят и т.д.

В результате через час после собрания иные болтуны бывшие на этом собрании распространили об этом слухи по всей Москве, и тем самым либо сорвали, либо могли сорвать работу нашей советской разведки.

Подумаешь расстроился парень, что наши органы безопасности ликвидировали шпионку!

Бдительность должна быть всюду, в том числе и в особенности среди работников печати.

Когда в газетах появился материал об английском шпионе генерале который переоделся в полушубок и был схвачен при фотографировании военного объекта, быв. главный редактор т. Поспелов отдал приказ закрыть доступ без пропусков в редакцию. Как будто правильно было. Но ведь этого одного оказалось мало. Надо было проверить состав работников. А то ведь двери были взяты на замок, а в редакции «Правды» оказались:

1. Коссов – зам. зав. экономотделом – родственник матерой разведчицы А.Л.Стронг².

2. Польский – зам. нач. ОРСа «Правды» – представитель Еврейской общины. Это он выносил восторженно из синагоги на руках английскую шпионку Гольду Меерсон из Израиля³. Его же сын Польского работал зам. зав. иностранным отделом «Правды».

3.Изаков Б. – будучи в 1931 году в Лондоне корреспондентом влюбился в подосланную шпионку из «Интджиленс-сервис»⁴. За это его тогда отозвали и объявили строгий выговор. Пошло ли это ему впрок? Нет не пошло, потому что уже в 1945 году он одного рекомендовал на работу который оказался шпионом.

И наконец в «Правде» долгое время почти каждый вечер околачивался в кабинетах Гершберга – зав. экономотделом, Бронтмана – зав.отделом информации, Гольденберга – зам. зав. иностранным отделом, Рыклина, и Верховцева – некто Шемилиович – быв. главврач Боткинской больницы⁵. Его здесь начиная с 1942 года эти люди обо всем информировали, даже давали читать «белый ТАСС»⁶. На квартирах друг у друга встречались. В общем дружба была неразливанной как говорится в пословице. И что же как выяснилось Шемилиович оказался шпионом, а эти люди вольно или невольно его пособниками. Вот так разведчики пытались проникнуть в «Правду». Ведь лучшего места для информации им не найти. В результате Гершбергу и Бронтману объявлен выговор и больше они в «Правде» не работают. Не работает там и Изаков. Пока что еще там околачивается Верховцев и работает Гольденберг. Сухим вышел из воды Рыклин⁷.

Но уроки должны быть сделаны, а между тем тов. Поспелов за это не понес никакой ответственности⁸. По-моему надо в связи с этим вообще проверить аппарат работников печати, особенно в редакциях газет.

О мнимом так называемом «еврейском вопросе».

Как же некоторые газетчики и др. работники расценили вполне правильный вывод что указанные лица были уволены. Вот Вам яркий пример. В феврале меня встречает писатель Крейн и говорит:

– Знаешь из «Правды» всех евреев увольняют? Я ответил:

– Не евреев, а прохвостов! Или вот быв. инженер завода № 156 Уралов говорит:

– На евреев идет гонение.

А какие факты? Мол-де арестован Шемилиович, тот самый главврач из Боткинской больницы. Отвечаю:

– Не еврей, а шпион.

На этих фактах Вы можете видеть как иные за уши притягивают сюда так называемый «еврейский вопрос» забывая о том что тем самым играют на руки подлым англо-американским разведчикам и шпионам, раздувающих этот «вопрос» в своих гнусных целях.

Надо поддерживать, а не травить людей разоблачающих таких лиц

Должен Вам сказать дорогой товарищ Сталин что еще в 1945 году я начал разоблачать этих людей (правда по другому поводу), когда еще работал в «Правде». Но поддержал ли меня кто в этой борьбе? Нет, и больше того тов. Пospelов даже добился моего снятия за это из «Правды». Он на заседании КПК как раз бряцал письменным заявлением как раз этих лиц Гершберга, Бронтмана и Гольденберга что де мол-де Магид склочник и надо его убрать из «Правды» (это их заявление хранится в деле от 1 ноября 1945 года). И даже после этого т. Пospelов вместе с Сиволаповым, Гребневым, Креславским и другими травил меня на каждом шагу. Не хочу всего Вам перечислять и занимать этим Ваше время.

Ведь дело дошло до того, что меня даже не пустили на партсобрание, хотя я был прикреплен, чем нарушили Устав партии, а когда я пожаловался тогда взяли и совсем открепили. Те же Пospelов, Креславский и Гребнев перенесли свою месть (за мои сигналы в ЦК) и на моих детей, и нынче летом не взяли моей дочери в пионерлагерь. Те же Пospelов и Сиволапов посреди зимы выселили на улицу жену погибшего фронтовика и только лишь после вмешательства товарища Шверника Н.М.¹⁰ вселили ее обратно. Я же в результате всего сильно заболел.

Я не верю в то, что якобы товарищи Поскребышев¹¹ и Шкирятов¹² не хотят меня лечить, и желают моей смерти.

Итак 1-го ноября 1945 года как т. Пospelов и другие добились моего освобождения из «Правды». Нет уже в «Правде» т. Пospelова. Почти не осталось ни одного из тех кто меня травил (за исключением 2-3 лиц). Но мне от этого не легче, так как вот уже 7 месяцев тяжело болен, лежу, и даже из-за сильных головокружений и головных болей не выхожу на улицу.

А в это время т. Пospelов и другие добились в Лечсанупре Кремля¹³ (где меня всегда лечили) открепления.

Мучаются надо мною другие врачи, и ничего не могут сделать, так как профессеры и врачи в Центральной кремлевской поликлинике, больнице и «Барвихе»¹⁴ знают мою болезнь и скорее вылечат.

Сколько я не просил Лечсанупр Кремля лечить меня, они отказываются и прикрываются тем что комиссия против. Стало быть тт. Поскребышев и Шкирятов. Это ложь! Я не верю чтобы члены ЦК ВКП (б) тт. Поскребышев и Шкирятов которые знают меня с 1926 года обрекли меня на смерть.

В результате болезнь прогрессирует. Прошу Вашего личного вмешательства дорогой товарищ Сталин, и помочь мне в лечении. [...]

Дорогой мой отец и учитель, дорогой и родной наш Иосиф Виссарионович, прошу Вашего указания как Председателя Совета Министров СССР о немедленном моем лечении по линии Лечсанупра Кремля, и восстановить к 1 ноября (в этот день исполняется 4 года с тех пор как меня несправедливо уволили), в «Правде».

Вот увидите я еще принесу моей родной партии Ленина-Сталина большую пользу.

С приветом к Вам уважающий Вас

А. Магид

12.10. 1949 г.

Тел.Д.3-31-52

***

В Секретариат товарища Сталина И.В. Дорогие товарищи! Если А.Н. Поскребышев в отпуску, то просьба ему переслать, так как мне кажется что прилагаемый материал заслуживает его внимания, и притом срочного. С приветом к Вам А. Магид 12.10.49 г.

т. Маленкову. А.Н. Поскребышев

тт. Пономаренко П.К., Попову Г.М., Суслову М.А.15, Шкирятову М.Ф. На ознакомление вкруговую. Г. Маленков, 17 октября 1949 г.

РГАСПИ.Ф. 17. Оп. 132. Д. 116. Л. 91-102. Подлинник.

Àíèòí àí ò ' 2⁶

Â ÔÁÍ ÒÐÀÈÛÍ ÛÉ ÊÎÌ ÈÒÀÒ ÆÊÏ (a)

ÇÀÐÂËËÍ ÈÁ

Я, как Советская гр-нка, считаю своим священным долгом, довести до Вашего сведения о следующих правдивых фактах, о которых мне известно.

В Москве, на Петровке ул. Д. № 17, кв. 76, проживает гр-нка РУДЕНКО Мирра Григорьевна, а по паспорту Мириам Гиршевна, девичья фамилия АРОН, 33-х лет. Она моя близкая и хорошая приятельница, я часто у нее бываю в квартире, она обо всем делится со мной своими сокровенными мыслями и желаниями и во всем доверяет мне, но я не могу мириться со следующими вопиющими фактами и поступками, которые позволяет себе говорить и делать Руденко. Она проживает в такой изолированной от всех граждан квартире, что ей сходит все. Жильцов в этой квартире очень мало и они немые, как рыбы, да и к тому же, не хотят, очевидно, связываться с ней и стремятся иметь покой и тишину.

Руденко имеет, как она говорит, высшее образование, разговаривает легко на английском, французском, еврейском и др. языках. На протяжении 5-ти лет она нигде буквально не работала и только недавно устроилась работать в высотный дом на Смоленской площади в качестве коменданта одного из этажей этого большого дома. Раньше, т.е. 5 назад, она была замужем за неким Руденко, преподавателем МГУ, но затем он развелся с ней и ушел совершенно от нее по мотивам, что она является антисоветским человеком и ведет паразитический образ жизни. У нее имеется от него мальчик 6-ти лет Борис, за которого она получает алименты по 400 руб. в месяц и устроила его по благу в какой-то детский сад за Москвой около ст. Сходня, где он и находится вот уже на

протяжении 2-х лет. Сама же Руденко до недавнего времени имела домашнюю работницу, жила очень широко, расходуя на жизнь не менее трех тысяч в месяц и ни в чем себе буквально не отказывала.

У Руденко в Ленинграде имеется родная мать АРОН Сарра Александровна, 65-ти лет, получающая пенсию 110 руб. в м-ц. Она занимает квартиру из 30-ти метров и живет совершенно одна по ул. Восстания, д. № 2, кв. 22. Мать часто приезжает гостить в Москву и сама Руденко так же часто выезжала к матери в Ленинград и подолгу там гостила. В Малаховке под Москвой у Руденко имеется родная тетка, сестра матери Арон, тетя Соня, как она ее называет, которая живет в своей собственной даче и живет довольно безбедно. У этой тети Сони имеется сын, который находится в Палестине, теперь государстве Израиль и который занимает там какое-то видное положение. Руденко об этом факте тщательно скрывает, а другой сын тети Сони осужден и где-то отбывает наказание. Сама Руденко периодически бывает у тети Сони и тетя Соня так же бывает у Руденко и ночует у нее на квартире.

На квартире у Руденко бывают только большие работники, преимущественно еврейской национальности, а так же военнослужащие полковники и генералы и гражданские крупные специалисты. Руденко всячески хвалиться и бравитует тем, что у нее имеется близкий и хороший приятель, по фамилии ПТИЧКИН Николай Николаевич¹⁷, который якобы работает в аппарате ЦК ВКП (б), вместе со Сталиным и является правой рукой его. Она так же говорит о том, что этот Птичкин знает ее с давних пор и может для нее что угодно сделать. Одно время Руденко говорила, что она не могла устроиться на работе только потому, что она еврейка и что ее якобы никто не хотел брать на работу, несмотря на то, что она заполнила около 25-ти анкет. На самом же деле Руденко клеветала на русский народ и придумывала всякие небылицы, чтобы как-то мотивировать свое нежелание работать и вести подозрительный образ жизни.

Часто мне Руденко высказывала не только антисоветские, но и контрреволюционные мысли, говоря буквально следующее: «народ в России находится и живет в тисках политического кошмара и режима, где нельзя свободно не только жить, но и дышать», Она всегда восторженно отзывается о Палестине и говорит, что там евреи живут как в раю и все богаты, там в изобилии имеются продукты питания и предметы ширпотреба по дешевым ценам. Евреи там не дрожат за свою судьбу, пользуются подлинной, а не фальшивой свободой, как, якобы, у нас в России и не подвергаются никаким гонениям, как у нас.

Руденко говорит, что евреи самые умные люди и русские призваны во всем подчиняться им. Она приводила это на примере Америки и Англии, где всеми делами вершат самые богатые люди из евреев. У нас же теперь евреи стали второстепенными людьми и оттерты русскими в сторону. Она также говорит, что в Политбюро находится кучка бездарных лиц, которая довела колхозников до голода и что, якобы, колхозники влачат жалкое существование, не видят вдоволь не только белого хлеба, но и черного. По ее словам лишь один Каганович в Политбюро является самым умным и самым деловым человеком, без которого Сталин не может сделать ни одного шага, так как Каганович является тестем Сталину, будучи женат на дочери Кагановича.

Когда в СССР приезжала первый посол из Израиля, кажется женщина и по фамилии Шерман¹⁸, то Руденко восторгалась ею, ходила в Синагогу оказывать ей приветствие. Она после этого долго рассказывала как этого посла евреи на руках выносили из синагоги и несли ее с восторгом затем по прилегающей к синагоге улице, крича при этом: «наш посол, наш посол». Руденко потом с возмущением о русских

говорила, что они закрыли в Москве и других городах Еврейские театры, всего кажется 6 театров и тем самым лишили евреев приобщаться к культуре на еврейском языке. Она так же передавала версию о том, что посол Израиля Шерман, по разрешению Сталина, отобрала с собой в Палестину 12 лучших инженеров и хотела их вывести с собой в Израиль, для строительства промышленных предприятий там, но что тов. Сталин этих отобранных инженеров-евреев, якобы, отправил прямым ходом в ссылку в Печерский край.

Кроме того Руденко рассказывала и о том, что когда находился Палестинский посол-женщина у нас, то в Политехническом музее была устроена лекция-доклад по Палестинскому вопросу на который пришли евреи от мала до велика, старые и молодые и что не только весь зал не мог вместить желающих послушать доклад на тему о Палестинском вопросе, но что негде было поместиться и в самом фойе¹⁹. Тогда все московские евреи собрались было уезжать в Палестину, но что правительство СССР отказалось отпустить их туда, так как не хотело лишаться самых умных и самых людей у себя в Москве. Руденко говорила, что посол Шерман вовсе не была шпионкой и что правительство СССР напрасно выслало ее из пределов России.

Про собрание евреев на Бронной улице в еврейском театре Руденко рассказывала такие подробности, что, якобы, там был Эренбург, артист Михоэльс и все влиятельные евреи в г. Москве²⁰. Что затем Михоэльс был самими евреями-сионистами убит в г. Минске, чтобы он не выдал органам МГБ о всех проделках, связанных с сионистским движением, направленным в сторону государства Израиль и на свержение большевиков²¹. Она говорила о том, что, якобы, сама она была на этом собрании в еврейском театре и что оно протекало по строгой конспиративной системе и по каким-то отдельным пропускам, а на двери театра, при проходе в него, было вывешено специальное объявление о том, что билеты на этот день были все проданы. Если бы жив остался Михоэльс, то он раскрыл бы все детали, которые так и остались еще не раскрытыми до конца.

Руденко о многом говорила не только со мной, но и с другими своими приятельницами. Об этом я Вам сообщу после. Я не могу Вам раскрыть своего адреса, так как являюсь женой ответственного работника и пишу эти правдивые факты о Руденко, чтобы Вы знали, кто она есть. Я думаю Вы не ошибетесь, если прощупаете ее как следует быть, хотя она является очень хитрым человеком и часто симулирует свое неожиданное заболевание, ссылаясь на слабое сердце. Газет она никогда и никаких не читает, только недавно, кажется, выписала себе Литературную газету на квартиру. Вот и все на первый раз о чем я хотела поделиться с Вами о правдивых фактах, могущих Вам пролить свет на такую личность, какой является Руденко Мира Григорьевна.

Р.М. КЕРНЕР

Документ № 3²²

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП (б)

ЗАЯВЛЕНИЕ

В дополнение к ранее посланному Вам заявлению о гр-нке РУДЕНКО Миры Григорьевне, проживающей в г. Москве, по Петровке ул., д. № 17, кв. № 76, считаю своим долгом сообщить Вам следующие данные:

1. Руденко все время говорит, что очереди в магазине Мосторга являются позором для Советской власти. Люди изголодались, износились, а руководители партии увлекаются показной и парадной шумихой, строя гиганты дома²³ Она говорит, что большевики втирают очки иностранцам развернутым строительством, а народ в деревнях и провинции голодает. Ткани раньше были значительно доброкачественнее и их можно было носить по нескольку лет, а теперь только месяцами и они сразу расползаются. Стахановский метод работы приводит к показной шумихе, одному количеству, а не качеству.

2. Руденко говорит, что наше правительство всячески заискивает перед братскими демократическими республиками. В частности она говорит, что наше правительство напрасно подарило средства на возведение высотного дома, стоимостью в один миллион руб. Польше. Народ в Польше все равно относится к русским враждебно и никогда не будет его другом, как бы русские этого не хотели. Она говорит, что русские напрасно также подарили немцам 66 предприятий. Все равно братские демократические республики питают ненависть к русским. Она приводит факты с Латвией, Эстонией и Литвой, которые и по настоящее время держат камень за пазухой против России.

3. Снижение цен в СССР проводится также показным способом, поскольку нормы выработки рабочим в то же время повышаются. Она говорит, что от этого получается одна фикция. Кроме того, вычетов из зарплаты производится настолько много, что рабочие и служащие питают скрытую ненависть к руководителям партии и правительству. О займах она говорит, что это тоже сплошное надувательство, особенно по золотому займу. Выигрышей приходится на тысячу облигаций только не больше одной облигации. Народ относится с недоверием к правительству в отношении займов, т.к. его заставляют принудительно подписываться на сто и на двести процентов. Она говорит, что первые займы аннулировали, когда была денежная реформа и с этими займами так будет. Вобщем получается сплошное надувательство народа.

4. В Москве происходило экономическое совещание весной, на которое съехались большие тузы и капиталисты. Она говорит, что эти иностранцы были крайне удивлены промышленным голодом народа, который бьется в очередях в Мосторг за покупкой для себя одежды. Якобы они высказывались в таком разрезе, что русское правительство пускает дым в глаза своими гигантскими новостройками, а народ русский голодает. Якобы за границей получается совсем иначе. Там стремятся сначала создать материальное благополучие для народа, чтобы этот народ был сыт и одет, а затем уже во вторую очередь производится крупное строительство. Далее она говорила, что в числе гостей приезжали к нам старый русский купец Елисеев и Филиппов и что они заходили в свои магазины и ничего там хорошего не нашли.

5. Далее Руденко говорит, что в Америке имеются 213 капиталистов-миллионеров и миллиардистов, среди которых около 200 капиталистов принадлежат к еврейской нации и что все равно Америка пойдет войной на Россию, чтобы выручить страдальцев-евреев, попавших под иго большевиков. Она говорит, что английский министр Мориссон²⁴ является евреем и что он совершенно был прав говоря, что русский человек не может быть спокоен за свое благополучие и что он по ночам переживает и боится, что его может забрать и увести МГБ. Русский и еврей дрожат постоянно за свое «завтра». Мориссон говорил о молочнице, стучащей по утрам в квартиры английских, а в Москве этого нет и раздается стук органов МГБ, каждый гражданин в СССР дрожит за свое благополучие завтрашнего дня.

гг. ПОНОМАРЕНКО П.К., СУСЛОВУ М.А., ХРУЩЕВУ Н.С., ШКИРЯТОВУ М.Ф., ИГНАТЬЕВУ С.Д., БАРАНЕНКОВУ Ф.И.

25.УК.ВЗГ.

Р.М. Кернер

Поручить т. Суслову рассмотреть заявление
За Г. Маленков

И. М. Кернер

СД

651/13-гс
30.11 2

661 18 10.12 5 2

Заказчик Р.М. Кернер

Поручить т. Суслову рассмотреть заявление.

ОКОНЧАТЬ В

Секретариат ЦК ВКП (б)

Вот и все, о чем я хотела поделиться с Вами о правдивых фактах, что мне удалось слышать из уст самой Руденко и поделиться также о тех настроениях ее, которыми она пропитана в ненависти к Советск. власти.

Р.М. КЕРНЕР

На ознакомление вкруговую гг. Пономаренко П.К., Суслову М.А., Хрущеву Н.С., Шкирятову М.Ф., Игнатьеву С.Д.25, Бараненкову Ф.И.26

25. 08.1952 г.

Поручить т. Суслову рассмотреть заявление. За. Г. Маленков,

8 сентября 1952 г.

Решение Секретариата ЦК ВКП (б)

651/13-гс

10.09.52

Заявление Р.М. Кернер

Поручить т. Суслову рассмотреть заявление (сообщает об антисоветских настроениях и высказываниях гр. Руденко М.Г.)

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 1078. Л. 89-94.

İ ĭäëëĭ ĭ èèè.

İ öäëëĭ ĭ ää ä è ĭ öäëë ääöëÿ äĭ èöĭ äĭ ö ĭ ä Ä.Ä. Èĭ ñö üð-äĭ èĭ

1 Стилистика, орфография, пунктуация документа, а также подчеркивания в тексте оставлены без изменений.

2 Американская левая журналистка, высланная в начале 1949 г. из СССР.

3 Речь идет о массовой стихийной демонстрации, устроенной московскими евреями у хоральной синагоги в честь прибывшего туда первого посла Израйила в СССР Г. Меир (тогда – Г. Мейерсон), которую, кстати, никто не поднимал на руках, хотя, как вспоминала Г. Меир, были попытки сделать это.

4 Правильно: Интеллидженс сервис (разведка и контрразведка Великобритании).

5 Б.А. Шимелиович был арестован в 1949 г. и в 1952 г. расстрелян как еврейский националист и американский шпион.

6 Периодическая сводка новостей, составлявшаяся ТАСС по материалам иностранных средств массовой информации и рассылавшаяся строго по списку номенклатурному руководству в виде белой брошюры.

7 Г.Е. Рыклин до сентября 1948 г. был главным редактором журнала «Крокодил». Этой должности он лишился, будучи обвиненным в распространении абонементов на спектакли Государственного еврейского театра.

8 Постановлением политбюро ЦК ВКП (б) 30 июля 1949 г. П.Н. Пospelова за ошибки в работе сняли с поста главного редактора «Правды» и перевели на менее значимую должность директора Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП (б).

9 А.А. Крон (Крейн).

10 Н.М. Шверник – с 1944 г. председатель Президиума Верховного совета РСФСР и первый заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР. После смерти М.И. Калинина в июне 1946 г. сменил его на посту председателя Президиума Верховного совета СССР.

11 А.Н. Поскребышев – в 1934-1952 гг. заведующий особым сектором ЦК ВКП (б) (личной канцелярией И.В. Сталина).

12 М.Ф. Шкирятов – в 1939-1952 гг. заместитель председателя КПК (Комиссии партийного контроля) при ЦК ВКП (б).

13 Лечебно-санитарное управление Кремля.

14 Подмосковный санаторий Лечсанупра Кремля.

15 П.К. Пономаренко, Г.М. Попов, М.А. Суслов – секретари ЦК ВКП (б).

16 Сохранены орфография, пунктуация и стилистические особенности оригинала.

17 Н.Н. Птичкин – заведующий сектором отдела кадров дипломатических и внешнеторговых органов ЦК ВКП (б).

18 Имеется в виду Г. Меир.

19 Очевидно, речь идет о публичной лекции «Палестинская проблема», прочитанной ученым-ориенталистом В.М. Луцким 17 июля 1946 г. в Политехническом музее.

20 По-видимому, подразумевается состоявшийся в декабре 1947 г. вечер, посвященный 30-летней годовщине со дня смерти классика литературы на идише Менделе Мойхер-Сфорима (Ш.-Я. Абрамовича). Выступивший на этом вечере Михоэлс поддержал советский внешнеполитический курс на создание еврейского государства на Ближнем Востоке.

21 Подобные слухи тогда распускались отделом «ДН» (службой дезинформации) МГБ СССР в рамках так называемых активных мероприятий.

22 Сохранены орфография, пунктуация и стилистические особенности оригинала.

23 Имеются в виду семь высотных зданий, возводившихся в Москве в ознаменование ее 800-летия, праздновавшегося в 1947 г.

24 Г. Моррисон – с марта 1951 г. министр иностранных дел Великобритании.

25 С.Д. Игнатьев – министр государственной безопасности СССР.

26 Ф.И. Бараненков – заведующий отделом кадров дипломатических и внешнеторговых органов ЦК ВКП (б) (непосредственный начальник упомянутого в доносе Р.М. Кернер Н.Н. Птичкина).

Русская стенгазета

Ī ēōāēē Ņēī āēūū ēēīā

Ėōī jōī ēāōyō, ēāē īāēāēā

ē ēāē āēōāē –

ē āēōāyōīyī īāīēī ?

Ėōāyā 60:8

В нижнем темновато-подвальном буфете ЦДЛ я сидел за столиком одиноко. Вдруг на соседний стул плюхнулся развязный завсегдатай заведения, поэт Егор Самченко, назвавший себя «контрразведчиком неба».

– Ну, что ты такой понурый? – упрекнул меня Егор. – Я бы на твоём месте гордо встал и сказал бы всем: «Этой стране я дал Библию!».

Я ответил:

– Половину Библии! Могу принять на себя ответственность за пол-Библии!

Ясно, что я подразумевал двойственность своего происхождения.

Самченко я знал давно и всегда испытывал какое-то мучительное неудобство в его присутствии. От поэта шло высоковольтное напряжение, то и дело било током искрящейся и тщательно культивируемой душевной болезни. Впрочем, никто не терпел Самченко. Только Борис Слуцкий ценил его. И, пожалуй, больше, чем кого-либо еще из поэтической молодежи. Видел в нем смутную надежду поэзии. Много возился с этим человеком, давал деньги, кормил, покупал одежду и обувь (собственно, эта забота описана в благодарственном стихотворении Самченко о покупке ему нового пальто Слуцким). Однако эта дружба не продлилась слишком долго. И, надевая это самое пальто, Егор поблагодарил и сказал: «Но больше я не буду дружить с вами, Борис Абрамович, теперь я – антисемит».

Это была только выходка, но характерная. И действительно, Егор к тому времени снюхался с профессиональными антисемитами нашей словесности – больше некуда было податься и приткнуться, ведь либеральная наша общественность от одного вида его шарахалась. Какой-то весь невымытый, а они пахнут шампунем и вообще – цирлих-манирлих... Конечно, я не оправдываю Самченко. Кто сказал, что поэту следует выбирать путь «протопанней и легче»? А он пошел по весьма протоптанному. И все-таки уважение к Слуцкому и любовь к его стихам сохранил. Мандельштамом (особенно «Разговором о Данте») упивался и не мог упереться.

Между тем, Слуцкий умер в психиатрической больнице, куда удалился, разумеется, не из-за подлой измены любимца. Довольно было других причин, и все – к одному... А Самченко попал в тяжелейшие жизненные обстоятельства. И никто не протянул ему руку помощи. И вообще мало сейчас милосердных самаритян. Да и тип

малосимпатичный. «Двоедушный выродок!» – как однажды в гневе назвал его обычно снисходительный, толерантный Межиров. Но «таланту помогают несчастья, и гений мужает в страданиях!» – чье же это изречение? Работы в журнале «Смена» поэт лишился – его выгнали с позором за некоторые антисанитарные проделки (говоря попросту, он был застигнут, когда мочился в корзину с отвергнутыми стихами, которые, вероятно, такого отношения и заслуживали). Жена ушла, дочь отвернулась, денег ни копейки...

- Γά, ÷òí òú òàéíé íííódúé? - óí ðáéíóé ì áí ý Áãð

- В áú í à òáíáì ì áñò á ã ðáí áñò äé è ðéàçäé áú áñíì : «Ýòíé ðò ðáí á ý ääé Áéáéèð!».

Но именно в этом сумеречном состоянии души Егор рассвободился и развернулся. По природе своей он мог писать только плохие, пошлые стихи в большом количестве или великолепные в небольшом. Середины не было. Да и не бывает ее. Я-то считаю, что нет разницы между плохими и хорошими стихами. Ведь только очень сильные способны пробить незримую, как глыба кварцевого стекла, стену времени. Пусть хотя бы одно! «Баллада о прокуренном вагоне» Александра Кочеткова всегда будет жить в русской поэзии, а других стихов, хоть сколько-нибудь приближающихся к этому уровню, у Кочеткова не было, остальные – не более чем хорошие. Но вечная благодарность и за единственное бессмертное, за это – «С любимыми не расставайтесь...»! А вот, скажем, у Давида Самойлова такой удачи не видишь: все добротное и все тленно. Все «хорошо», но ведь это «ноль, ноль, зеро, зеро»! И вот столь невыносимый Самченко

(но, Б-же мой, разве можно было выносить Лермонтова! Вызвать его на дуэль и вогнать свинец в широкий лоб, верно, было желанием многих оскорбленных офицеров, – одному удалось. Сравнение кажется невозможным и все же, и все-таки...).

Да, ему удалось написать несколько таких стихотворений, что, попади они в палату калужской психушки, где пребывал еще недавно Слуцкий, и там обрадовали бы бедного Бориса Абрамовича, подтвердив правоту его угадки. Стихов этих была тоненькая пачечка, горстка, но много в таких случаях и не бывает. Они были о близкой смерти, о могиле, над которой стоит «жена-иуда», о матери, мывшей полы в тюрьме 37-го года, о погибающем Блоке, о персидском поэте Джалальэддине Руми, о еврее, на беду свою женившемся на роковой русской бабе, и так далее. «Мы – провода под током!» – как-то обреченно и кротко о страсти сказано Пастернаком. Но эти стихотворения Самченко действительно стали проводниками тока, поражающего насмерть. Мне казалось, что такой зверской чувственности, такого темперамента в русской поэзии еще не бывало. Может быть, у Самченко это и было нерусское – скорей украинское, шевченковское? Самым сильным стихотворением было посвященное Ивану Грозному. Пусть все сведения (и убедительная разгадка опричнины) почерпнуты у Карамзина и Соловьева. Пусть ритмически стих Самченко совпал со стихом Алексея Константиновича Толстого, воспевшего участь загубленного окаяннм царем князя Репнина. Это так, но вышло намного мощнее.

Èâàí Áðíçí ùé

...â éí ýæ áíèèõ ãñàì í ò àõ XIV á

íí ðè÷ í èí àì è í àçú ààèèñí ò á æèáááí è ý, èàèèá áú àáè ýèèñí á í í èí ò ð

ñ áñ ò áú í í ñ ò ù éí ýæ í ýì - áú áúì .

Èáðàì çèí, ò. IX, í ðèì . 137

...ñèíí ÷ àáø è áí ý ò ð è ñ ò è á í á ì ó æ áí è í á, æ á í ñ è í á è á á ò ñ è í á ÷ è í á, è ì á í á

éí è õ ò ù ñ àì, ã ñ í á è, á ú è.

Èâàí Áðíçí ùé, í í ý í í è è

- Èâàí! Èâàí! Èâàí!

- × ò í, á ñ ç à? × ò í, þ í è õ á?

Á ñ á ò ý ù á é í ý ò à ì í è õ á

Í í í ù á ò

Í á ý ñ ò à è á í ...

È è á è á ð ù ñ á ú á è í ò è õ á é,

Ñ è ä ý ù á é í à í è á ÷ á

Áç i îäæñ á èèöá

Çà äæüü èé ñò îë ñäèò ñÿ...

È ñ îäî ääüèé ì í èò ñÿ

Þ ðîäèäîé ñî àò èîé...

«Çà öî îéîé!» - È í î:üþ

Áðäî èò: «Çà öî îéîé!»

È ÿð:á äîä è çîð:á

Êðî ì äø í èé öäèîé:

«Çà öî îéîé! È í ò èöá

Í äèèòü î ñÿ ñò äèäí!»

Â ñäò ÿü äéñÿ ò äî í èöá

Òöî äí. Óöî äí. Óöî äí.

È ì í èî äîé Áäñ äí î ä

Ñ äü ì ÿü è ñÿ ñò äèäí î ì -

Èäè òüü à äî òüü á èäò

È äçîð ì í èèîí í úé øèò

Èäñ äí ó Èääí ó

Ì îé, äîðí èç ñò äèäí à

Èþäñèøþ èðîäü í á ìüò,

Í á öî:àò, îñð:äè..

«Í à èîé ì öîðøþ ì ò èöó».

Âî òüü ó äî í çèèäñî ñ èöà,

È äîðí çàñò î í äé.

- Èääí! Èääí! Èääí!

- × ò í, äîçà? × ò í, þ í èöà?

«Èò äé, èþäñäþ çäñ,

Ni èdái í úé ðáá íò Á-ã,

Êaçáí ñéóp äí ðíã

B é Í àðáá óñò ðáí èé,

B ðaçóí í îñéèé

Í àðíäó í ðèñáí ðí í...

Çà:áí æá ñéíé :áðí úé

Í í á äóí ú í áðáèðúé?

Çà:áí æáí ó í ðí ýèè?

Òàé í àò æá äáí, áíýðá!

Èò àé, èàé í îñó ò ááäá,

Êàé áñéè áú ý í áðò á

Ááðóó í áááñí úé ääð

È çàñáíàþ í úí á

Ááí áá Áí áñò áñéè,

Óí áððáé íò áíýð,

Í í ðè:í è í á Áðáàò,

Í è èè ò ñéóp, Í àò ðí áéó

È çàðááí é çàèàò.

Á í îñáí ó, í îñéíéúéó

B èè ðü èþáí áþ çáí,

Í óñéàé èþáí áü í îñéè ò ñý

Í áèé í í é äáñ èò áé,

Í í è í í áþ ñééí é,

Í îñéíéúéó ñéèí àò ð ááí ».

- Êááí! Êááí! Êááí!

- ×òí, áðáçà? ×òí, ðí ñéý?

È àì ò ò í à à, è í à à à è à ç à

À í ò ù ù á è è ò à è à: í ó è è ù ù

È í à à à è à ç à í à í à ò à ç à

Í à ÿ ì è í í à à ò í ó è è ù ù

È í à à ò è à í í ò è à è ÷ à è ó

È í à à ÷ à è è ù ù ó è à ù ù -

À à à à è à ù ù ò à í ù á ù à ù à ÿ á ó è ó

È í à í í ò à à è ù ù ó è à ù ù

« Ñ ò à à. À à ù à í í à à ñ ò à à ».

È ñ ò à è à ò è ò í é ñ è í à í à à

Í í è í à í è à ò à ò ò í à í:

« Í à ò í ò à í ò è ò ù, è à ù ù à í! -

Ó ò è í è ò ÷ à ò í à ò. - Ñ à à ÿ è à ç í è ò ù! »

« Í à ì ù ñ è è ò ù, ò à à, í í ì í è ò ù

Ì ÿ ò à è í è è - ò à ò ù ÿ ñ è à à í é

Ò à í é ò í à ò à í é í í è ò ù è.

À à ù è à ì í è À à ò à à ì à,

B á ÷ à à à í à ò à ò è è.

Ç à: á

ì ò ù í í ò à à è ÿ è ù ÿ

È ò à í à è ò ò à ò ÿ?

Í à è è: í ù é ñ à ò à è ù ÿ

È à ù ò à è ù ÿ ò ÿ?

Ò à è í à ò à è à, í à ù ù ù ò ù è ù é,

Ó è è í í í é à ò à è ñ è à!

À à ù à í í à à Í ò ò à ».

È òü à í àðàèðàñòèèàñü
Ñ èàçí àí í îã èèöà
Ì ó:èò àèüí î ñèàò èèàñü
Èàçí èì àý ñèàçà
È ÷:àðí ùé ñèéë ñ óóú
Í î èèöàì í ðèèàò àè.
Èèò îãñèé àçíð Î àèðòù,
Èàè ñ èöà, í ðèñàò èè.
- Èààí! Èààí! Èààí!
- Î îé:è, Àí àñò àñèý.
Òòì àí. Òòì àí. Òòì àí.
Î î íüò îãý ñò àèàí.
- ×òí, àñàçà? ×òí, ðèñèèý?
Î îé:èò Àí àñò àñèý.
È îí í îé:èò. È îí í èà:ó
Ñòðèèòèý òü à, ý àèæó
Ðèàí îé! - èðè:ó - Ðèàí îé! -
Í î àèèñà í à ñèùóá

«Да, здесь безумие Ивана Грозного совпало с безумием ресторана ЦДЛ!» – сказал Межиров. Но никому, ни в ресторане, ни даже в «пестром» или в нижнем буфете не было дела до того, что родились такие вот стихи. Хотя автор и пытался их читать всем встречным и поперечным (в том числе в моем присутствии и текстовику-песеннику Анатолию Поперечному). Таланты сидели за каждым столиком, гении просили рубль или пятьдесят копеек, обходя столики. Самченко был не нужен. Даже люди, не совсем равнодушные к судьбе словесности, подчинялись негласным правилам «тусовки» и блюли иерархию. Даже не мог приниматься в расчет этот пахнущий свекольным самогоном и делающий нескромные предложения служивым дамам бездельник с такой неблагозвучной и даже неприличной фамилией. И когда я попытался напечатать циклы стихов Егора в нескольких толстых журналах, ответ был один: «Не наши стихи! Не наш автор!».

Но и наши «нашисты» не спешили воспользоваться данным явлением. Не совсем-то Самченко был и «наш», какой-то «и нашим и вашим»! И если самому Куняеву было вменено в обязанность (не спи в курятнике, петел!) три раза в сутки

отрекаться от учителя Слуцкого (с трибуны и в печати) и лично распинать, то Самченко, даже двуликий и податливый, не годился для вечевой сходки. Он был все-таки слишком поэтом, чтобы стать «активным штыком» и войти, например, в бюро секции поэзии...

Жребий Самченко был страшен. Стихи писались, но кушать было нечего. Столкнувшись с Егором в ЦДЛ, я положил в его карман приличную по тому времени сумму: «Отдашь, когда сможешь!». Разумеется, я не имел в виду возврат этих денег, которых могло бы хватить на несколько месяцев существования. Но, видать, хватило их на считанные дни. Егор первым делом купил пеньюар жене, с которой хотел примириться. Остальное ушло на оргию примирения... Дней через десять Егор позвонил мне ночью и сдавленным уличающим голосом известил, что ему понятна моя игра: эти деньги я вручил ему по поручению жидомасонской организации с целью растления великого национального поэта. Вдобавок он повсюду растрезвонил о моем злодействе.

Разъяренный поэт Евгений Рейн сказал, что меня стыдит: «Как ты мог дать деньги такому ... (я не в силах воспроизвести его выражение. – М.С.), как Самченко!» Но, конечно, он был обижен, что деньги достались не ему. И к тому же ему стала известна сумма, заставляющая задуматься. Но ведь бывало раньше, что такие же разноцветные бумажки Евгений Борисович брал из моих открытых рук не считая...

Как бы то ни было, мое меценатство провалилось. А сумасшедшие ночные звонки Самченко учащались и сделали жизнь в моей квартире невозможной. Разнузданности и безумия в Егоре было больше, чем полагалось бы профессиональному психиатру, каковым он был согласно диплому. А одно время даже практиковал, и должно быть, именно поэтому его первые опыты были с таким восторгом встречены цэдээльскими нашими наркоманами, полагавшими, что у Егора водятся, наверное, всякие таблетки...

Все-таки этот осадок душевного недуга был, очевидно, неизбежным следствием специальности, но работать впредь по данной специальности этот «Монтень, в котором проснулся Паскаль», больше не желал. Теперь он помышлял о Нобелевской премии по литературе и ясно видел козни людей, которые изо всех сил старались отсрочить его заслуженное мировое признание...

Еще недавно он будил Александра Петровича Межирова рассветным звонком и сразу кричал в трубку: «О брат мой!» Теперь негодовал на Межирова, который якобы подворовывает строчки и не дает Новому Данту куска хлеба. Было уже создано даже стихотворение «Донос Б-гу на Межирова», срочной телеграммой посланное Александру Петровичу. Межиров обеспокоился и совершенно правильно решил, что Самченко надо не дарить рыбу, а купить удочку. Срочно были найдены весьма питательные подстрочники. Стихи принадлежали перу главного редактора еврейского журнала «Советиш геймланд», главного еврейского поэта и, очевидно, в тот период вообще главного советского еврея, Арона Вергелиса. Тексты были под рукой, в Москве, не надо было списываться с Тбилиси, Ереваном или Вильнюсом. К тому же, как я думаю, Александр Петрович с легкой усмешкой дал Егору именно эти еврейские подстрочники. Предполагая, что они могут сыграть некую терапевтическую роль и на некоторое время Самченко забудет свой пылкий антисемитизм, который не казался все-таки органичным. Ведь в отличие от Куняева и куняевцев, играющих «в масть времени» и стремящихся захватить места вытесняемых, Самченко действительно был талантлив и не имел оснований для зависти. А генетические малороссийские страхи

(«вот евреи, они не работают по субботам, сидят при свечах, о чем-то своем говорят, едят селедку, а не свинину, и уж, наверное, пьют кровь человеческую!») пройдут при живом общении.

И все же допуская, что Самченко может сорваться при первом разговоре с работодателем, Александр Петрович известил Арона Алтеровича, что юдофобию русского гения нельзя рассматривать как проявление нацизма, что это, мол, церковная традиция, идущая от Иоанна Златоуста (это позже поведал мне сам Вергелис, мучительно и тщетно пытавшийся различить оттенки). Печально было одно: насколько хороши были отдельные стихотворения Самченко, настолько плохи и даже чудовищно плохи оказались его переводы. Вергелис на них поставил крест (или, может быть, жирную звезду?). Но его книга сдавалась, переводы все равно были необходимы, и, стало быть, был нужен другой переводчик.

Межиров в смятении предложил Вергелиса мне, а меня Вергелису. Но у меня работы было более чем достаточно, и в еврейских подстрочниках сверх того я не нуждался. К тому же Арон Алтерович, которого я наблюдал издали и о котором был наслышан, вызывал у меня заведомое отвращение...

– Я не хочу переводить стихи члена юденрата! – запальчиво заявил я.

Александр Петрович укоризненно покачал головой:

– Очень жаль. Что вам за дело до того, какой он человек? Он – поэт, и евреи, которые его даже ненавидят, все равно признают, что он – лучший их поэт. Он и сам знает себе цену. Я заговорил с ним о Бялике. И что же – Вергелис обиделся, считает, что пишет лучше Бялика.

– Но ведь Бялик писал на другом языке, не на идише...

– Все равно!

В конце концов я согласился перевести Вергелиса. Может быть, потому, что рассчитывал позже пробиться именно к Бялику, чью книгу в гениальных местах переводе Жаботинского любил в отрочестве. Но главное, во мне пробудилось любопытство. Что же это за человек, который, играя постоянно столь гадкую роль, остается большим поэтом? Что происходит в этой литературе? Казалось бы, ее давно не должно быть. Умерла она или не умерла? Через много лет Григорий Канович привел мне чье-то поразительное высказывание: «Идиш – не мертвый язык, это – язык мертвых!»

Может быть, во мне оживился «ходасевичевский» комплекс... Я довольно далеко ушел от еврейства, и в этом нет ни моей вины (все было решено старшим поколением еще до моего рождения), ни большой для меня беды. Но ушел я еще не настолько далеко, чтобы не оглянуться напоследок «На красные крыши родного Содома». Хотелось (и еще хочется) что-то доброе (и посильное) сделать для этого народа. Что же касается моего тогдашнего любопытства, оно было щедро удовлетворено уже в первый мой приход в редакцию журнала, находившуюся на улице Кирова. «Бывалый гул былой Мясницкой Вращаться стал в моем кругу, И как ты на него ни цыцкай...».

Недалеко от известного чайного магазина с китайскими вазами на витринах я нашел скромную еврейскую вывеску (единственную в Москве!) и вступил в «святая святых». В ожидании выхода главного редактора томилось несколько авторов изрядного возраста с мечтательно-плутоватыми глазами и пухлыми папками и портфелями, в которых лежали, надо думать, новые произведения. Это была молодая поросль местной еврейской литературы – в сущности, обычные неудачники российской литературы, которые, желая прибиться к какому-нибудь кормящему ремеслу, срочно выучили на специальных курсах язык идиш в его нормативном литовском варианте, стали как-то писать на этом наречии, прежде всего перевели на него свои русские стихи. И немедленно оказались видными еврейскими писателями, и всем гамузом были приняты в Союз писателей.

Итак, они сидели и терпеливо ждали выхода главного хлебoreза. Я меланхолично оглядел портреты классиков, висящие по стенам (узнал Мойхер-Сфорима, Шолом-Алейхема, Переца), рассмотрел некоторые старые еврейские книги, стоящие на полках, и как бы прогуливаясь под недреманым оком секретарши, зашел за угол, в сопредельный коридор. Там висела шутливая стенгазета, выпущенная сотрудниками, и стенгазета эта была на русском языке!

Вышел Вергелис. Быстро разобравшись с публикой, он занялся мною. Сидевший напротив и чрезвычайно приветливо вглядывавшийся в меня человек был лысоват (изначально рыжий, а теперь вот розовато-лысоватый, немного веснушчатопятнистый), белобровый, в очках. Невысокий, плотный. Альбинос. В общем, внешность у зятя Валентина Катаева была невыигрышная. Не слишком эстетичная. Он жаловался на вечный насморк, мешающий ему регулярно выступать по советскому телевидению. И действительно, непрерывно и нудно сморкался. Но собеседником все же оказался интересным и очень умным – теперь о знакомстве с этим бывалым человеком не жалею. Я перевел десять или двенадцать стихотворений Вергелиса. Довольно посредственно – как-то душа не лежала. В основном это были библейские мотивы (что так естественно для еврейского поэта. Мне же было скучно перекладывать библейские истории рифмованными стихами. Ведь к этим сюжетам нечего добавить, хотя и убавить что-либо невозможно). Одно стихотворение, кажется, удалось. Оно было об ассимиляции, о доме, «где гаснут свечи». Впрочем, часть общения, связанная с переводами, не столь существенна. Поучительней были рассказы Арона Алтеровича, иногда весьма откровенные.

нибудь выхватить из общего ведьмино котла. Обычно тех, кого лично знал и ценил, но, разумеется, не главных «фигурантов» сыска. Только немногих.

Охотно повествовал Вергелис о многочисленных своих зарубежных поездках, где он боролся за репутацию страны, в коей расцвела пышным цветом ленинская дружба народов. Опровергая клеветнические измышления о существовании в этой стране антисемитизма, он завязывал связи с мировой прогрессивной общественностью. Встречался с виднейшими государственными деятелями. Даже с одним римским папой, оказавшимся по этническому происхождению евреем, потомком римских раввинов Аль-Модена. Конечно, непрестанные и кого-то раздражающие поиски еврейской крови в жилах мировых знаменитостей – пристрастие многих евреев. Искать всюду «своих» – свойство культурных, но малочисленных наций (армяне, грузины, эстонцы и так далее), свойство людей, обладающих досугом. В сущности, это попытка ответа обвиняющим данный народ в неполноценности.

Вергелис как разумный человек от подобных поисков воздерживался. Но однажды и он был потрясен. В редакцию пришел правнук Александра Николаевича Островского со статьей собственного изготовления «Островский и еврейство». Ссылаясь на старые письма, на документы из семейного архива, он сообщил, что мать великого драматурга происходила из семьи еврейских банкиров, глава которой оказал важную услугу папской курии и получил графский титул. Семья проживала в Швейцарии, из нее вышло несколько заметных государственных деятелей Западной Европы, в том числе шведский премьер-министр Таге Эрландер. Островский живо интересовался судьбами еврейства и что-то писал о своей матери (но, конечно, не в художественной форме). Непонятно, было ли правдиво это семейное сказание, но потомок «Колумба Замоскворечья» был налицо. И он задал государственному человеку Вергелису трудную задачу. И отказаться от такой статьи главный редактор журнала был не в силах, и пропустить ее, как цензор того же издания, не решался. Здесь иссякало дипломатическое искусство и прекращалось балансирование.

О том, как он боролся за свой журнал, Вергелис рассказывал с наслаждением. Один из немногих уцелевших еврейских писателей, он подал при Хрущеве докладную записку в ЦК и молил дать дозволение еврейской словесности на ее тихую легализацию. (В этом месте рассказа я невольно вспомнил – хотя сравнение слишком высокое – самого Иоханана бен Заккай, после разрушения Иерусалима выпросившего у Веспасиана городок Явне, чтобы там возникла маленькая религиозная школа, а в школе этой и сохранился самый дух Завета.) Отношение Хрущева к евреям было всякое. Даже если его стихийный наболевший антисемитизм вдруг прорывался, то все-таки не носил истребительного характера. Беда евреев после сталинского погрома была в двусмысленности положения: в этом государстве они не могли жить ни как евреи, ни как русские. Предлагались лишь две разновидности рабства: либо жизнь парий общества, либо постыдно-изнурительная мимикрия... Но политическим решением вопроса, по-видимому, все же была ассимиляция. И таким образом вопрос вообще снимался... Вергелис рассказывал:

– Однажды в ЦДЛ на каком-то большом мероприятии я столкнулся с Поликарповым, заведовавшим в ЦК культурой. Напомнил ему о своем письме. Не пора ли издать какие-нибудь еврейские книги, может быть, даже создать издательство? Поликарпов посмотрел кисло и ответил с неудовольствием и в своем обычном «поликарповском» стиле: «Знаете что, кончайте эту вашу литературу! И не пишите больше!»

Однако через какое-то время у Вергелиса появился самый невероятный союзник – Мао Цзе Дун. Китайский вождь выразил советским руководителям недоумение: идет гигантская кампания всемирной буржуазной прессы, обвиняющей СССР в антисемитизме. Какие же основания давать козыри врагу? Какие предубеждения? В конце концов, евреи – тоже одна из народностей...

Произошло счастливое совпадение: в ЦК одновременно находилась очередная докладная записка Вергелиса, в которой приводилась обширная статистика – численность евреев в разных странах, в том числе в СССР и его главных центрах (попутно сообщалось о пристрастии этого Народа Книги к чтению, о любви его к периодической печати – сколько подписчиков!). О немыслимом количестве еврейских изданий (кстати, преимущественно леворадикальных и даже коммунистических) в США, Англии, Аргентине, Франции, Канаде и так далее... А у нас нет даже и одного. И это – идеологический просчет! Сильнейший аргумент. И ведь советское издание можно было бы сделать и орудием пропаганды и к тому же продавать за валюту – найдется много интересующихся нашей жизнью среди потомков отъехавших в старину по грин-картам.

Вергелиса вызвал к себе М.А. Суслов (тот, что по указанию Сталина должен был руководить всеми погромными мероприятиями в 1953 году).

– Чего же вы, евреи, хотите? Газету, издательство?

– Пусть сначала будет небольшой журнал.

Так возник «Советиш геймланд», сделавший свое дело. Мир праху его!

Мне запомнилась вергелисовская новелла о комиссии по литературному наследству Переца Маркиша, созданной сразу после реабилитации расстрелянного поэта. В комиссию вошли и еврейские деятели, и русские писатели-юдофилы, знавшие и любившие покойного. Собирались на квартире у его вдовы Эстер. Она готовила (или добывала) известные блюда еврейской кухни: цимес, форшмак, рубленую сельдь с луком и ту фаршированную щуку, о которой Бабель сказал, что из-за нее можно принять иудаизм.

Готовился к изданию двухтомник Переца Маркиша (помню в детстве эти зеленые томики). Работа шла своим ходом, и главным содержанием встреч, естественно, была выпивка под специфическую закуску. И, конечно, устные воспоминания.

– Я жил тогда в Подмосковье, – рассказывал Арон Алтерович, – и в день, когда должен был присутствовать на очередном «заседании», случилось, что отменили электрички и не было машины. Я опоздал на несколько часов. Прибежал запыхавшийся, а тут все съедено и все выпито. Попивают чай Петр Чагин и сибирский писатель Евгений Пермяк. Чагин говорит:

– Нехорошо так опаздывать!

Я отвечаю задиристо:

– А вам что за дело? Ведь это – мой классик, еврейский. Хочу – опаздываю!

– Ну, ты не прав. И вообще: ты думаешь, что мы – русские... А ведь мы с Ефимом – евреи!

– Как?

– Да, мы – евреи. Только сибирские, обрусевшие. наших предков выслали в Сибирь в 1863 году за участие в польском восстании. И теперь мы – русские литераторы. Правда, Ефим?

Пермяк кивнул. Вергелис был ошеломлен... Что же касается меня, слушателя, я попытался представить себе Петра Ивановича Чагина, друга Есенина («В стихию промыслов нас посвящает Чагин...»), и даже прототипа героини «Персидских мотивов», легендарной Шаганэ, поглаживающим подбородок и потирающим руки! И услышал внезапно еврейскую интонацию его старомосковской речи...

È áñíáúá ò ù áóì ááóü ÷ òí ì ù - ðüññèá.. Á ááü ì ùñ Áòèì ìì - ááðáè!

- Èáè?

- Áá, ì ù - ááðáè. Òíèùèì ñèáèðñèá, ìáðññáòèá Ì áòèõ ì ðááèíá áññèáè á Ñèáèðñè

*á 1863 ááóçà ó-áñðèá á ìíèùèèì áññòáíèè. È ò áí áðü ì ù - ðüññèá èè ò áðáò ì ðü.
Ì ðáááá, Áòèì ?*

P.S. В годы позднего «застоя» в домах нескольких видных московских поэтов, в том числе Кронгауза и Межирова, стал иногда появляться куйбышевский житель Юрий Белоусов. Этот человек не мог не вызвать некоторого любопытства к себе. Простой инженер, он обладал редкостными способностями к изучению языков, знал их 52 или 53, то есть был в полном смысле слова полиглотом. Когда люди изумлялись, отвечал: «Разве вы не чувствуете, что все это – один язык? Только разные звуковые колебания...» Может быть, он был прав. Вот я прочитал, что два фламандских католических монаха посетили на Тибете важного ламу, который говорил с ними по-фламандски, хотя никогда не учил этого языка и не знал, где находится Бельгия, родина пришельцев. Однако для того, чтобы уловить такие звуковые колебания, надо быть, очевидно, или смиренномудрым буддийским перерожденцем, или святающей глубокодонной рыбой, ползающей по дну

Марианской впадины. Но и инженеру Белоусову было внятно некое высоковольтное потрескивание. «Знание языков – оружие в жизненной борьбе!» – сказал Карл Маркс, овладевший все-таки несколькими видами этого оружия. Белоусов, знавший все виды, в жизненной борьбе побеждал ежедневно. Языки кормили его. В такой большой промышленный город, как Куйбышев (ныне – вновь Самара), часто привозили станки из Японии, запасные части к которым доставляли, допустим, из Бразилии. В таких случаях для перевода документации вызывался Белоусов. Выпивки ставилось много, и закуска была самая изысканная. Но не хлебом единым жив человек...

Был ли Белоусов поэтом? Это – вопрос, но стихи он писал. Однако давно было замечено, что хорошо их писать можно только на одном языке. Эренбург сказал ведь, что французские стихи гениального Тютчева мог бы написать любой парижский студент... А Белоусов почему-то не хотел быть русским поэтом. Такую возможность отвергал с порога. (Или на самарских заводах было слишком много несовместимой с лирикой приземленной и ненормативной лексики?) Но у Белоусова был большой выбор. Он мог бы избрать английский или французский язык, а мог – телугу или суахили. Но неведомо почему он выбрал идиш.

Со стихами, созданными на этом весьма своеобразном и имеющим довольно давнюю письменную традицию наречии, поэт Белоусов выступил на кустовом совещании молодых литераторов (ибо еще соответствовал официальному возрасту молодости, означенному циркуляром ЦК ВЛКСМ). О происшедшем на семинаре он рассказывал с недоумением:

– Кроме меня там были еще русские, татарские, чувашские, мордовские писатели. Были девушка и юноша еврейского происхождения, но не знавшие языка идиш и вообще никакого другого языка, кроме русского. Я был единственный еврейский поэт. Но почему-то все – всё смешки да смешки! Руководители семинара говорили со мной отдельно... Спрашивали, с какой целью я занялся поэзией. Пытались сделать мне внушение: мол, поэзия – не мое призвание... Все-таки теперь я думаю, что их смешило и раздражало то обстоятельство, что я пишу не на своем родном, а на еврейском языке. А я так гордился – мне казалось, что в своих стихах я верно передал национальный характер!..

Через некоторое время молва о Белоусове дошла до берегов Гудзона и Потوماка. В Куйбышев прилетел специальный корреспондент «Нью-Йорк таймс» Шапиро. Кажется, его звали Юджин. Первым делом он направился в городское хранилище актов гражданского состояния. Перерыв всю родословную Белоусова, он установил, что у еврейского поэта нет даже еврейской прапрабабушки. Что он – русский со всех сторон, куда ни кинь. Шапиро понял, что это – сенсация, на которой можно заработать состояние. Начался «белоусовский» бум, обвал... Подборку белоусовской лирики опубликовал даже «Плейбой», который обычно стихов не печатает.

Однако Белоусов не захмелел от славы. И даже, кажется, стал ближе к прозрению. Он заявил:

– Я догадываюсь... Мне кажется, что интересуются моими стихами не потому, что они такие хорошие, а только потому, что я – не еврей, а пишу на еврейском языке!

Но все-таки он еще верил в свое поэтическое призвание. Верил, что еще создаст свои шедевры. Что еще вернее передаст национальный характер. Что данная нация (или, как писали в советских энциклопедических словарях, «группа народностей, объединенных

общностью исторического происхождения»), его еще оценит по достоинству и признает своим певцом.

А лучшее из уже им созданного на причудливом языке идиш он тщательно отобрал, сделал обстоятельные русские подстрочники и заказной бандеролью выслал А.П. Межирову с просьбой перевести на русский.

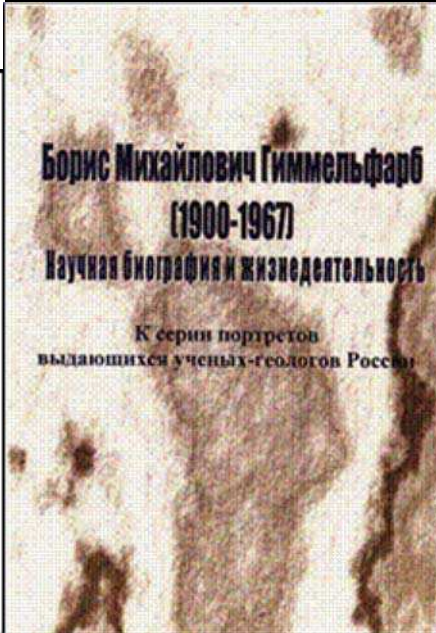
Вспоминает ли Межиров, покинувший эту русофобскую страну и проживающий ныне в городе Портленд, штат Орегон, Юрия Белоусова? Обязательно спрошу его в ближайшем телефонном разговоре.

P.P.S. В то прекрасное и жестокое время «золотого застоя» архивная работа была в нашем государстве хорошо поставлена, и папки досье были в порядке (это позже они пошли в разнос и на продажу). Говорят, что на некоторых папках ставился гриф: «П. Э.», то есть «Потенциальный эмигрант». Имелись в виду прежде всего те, у кого среди родни была бы хоть одна еврейская бабушка (или хоть дедушка). И вроде бы таковых было 10 или 15 миллионов на фоне относительно скромной численности еврейского этноса (согласно официальной переписи – 2,3 миллиона). Но, быть может, 15 миллионов имели право стать гражданами одного раздражающе малоприятного для «ЦК КГБ» (воспользуемся выражением А. Зиновьева) государства. Согласно «Закону о возвращении» (а в законе этом принято к сведению заключение нацистского «протокола Ваннзее», категорически рекомендующего истребление лиц, имеющих в своих жилах именно такую консистенцию крови).

Собственно, такое развитие событий, то есть такое смешение кровей в пределах Российского государства, предвидел еще Павел Николаевич Милюков, догадывавшийся, что ликвидация «черты оседлости» и других ограничений довольно скоро приведет к образованию новой «русско-еврейской» нации. И умный Милюков приветствовал такое будущее. А теперь вот уезжают целые семейства «на одном дедушке». Словно бы клещами вытягивают предков из живого тела народонаселения.

Но документация готова давно... Один инженер выразил своеобразное желание работать на Кольском полуострове на подземном заводе. С него спросили справку о происхождении – нет ли евреев среди его ближайших родственников? Как большинство современных людей, этот человек недостаточно знал даже происхождение своих дедушек и бабушек. Но ему сказали, что избавят от хлопот: нужное исследование будет проведено соответствующей службой. Полная чистота родословной была незамедлительно установлена, а счастливцев, имея теперь достойную зарплату, в дни первого же отпуска совершил поездку по всем тем городам и весям, где когда-то жили его новонайденные прародители.

P.P.P.S. Говаривал монархист Шульгин, крайне недовольный общими итогами Великого Октября и хмуро оглядывавший отдельных советских прохожих: «Истребили мы свои “тонкие” лица. Сколько “толстых” морд! Если где и встретится “тонкое” лицо, то “с прожидью”!»

ΕΑΘ ΑΕΙ ΓΙΒΑΔΥ 2002
ΕΞΕΝΕΑΑ 5763 - 11(127)

ЧЕЛОВЕК С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

Γ εδδα Απ ες

Αι δεη

Γ εδδαεεταε:

Αει ι αειοαδα -

*αιεοιδ αιετα-ι ειαδαεταε:αιεεο ιαεε, ιδιοαιμδ,
εαδδαο Αιπιαδποαιιτε ιδαι εε. Α 2000 ααο αι
ποιεαδεα ιοι α-αεα αιεταε:αιεαυ ιαυαποαιιπδυ
Ε παεεαβ αιεεα ειεαεα, μπδαεαιαυ αι
ιιαεαοιει μδδαιεετι ιδιοαιμδρι Α.Ν.
Νιεεται, - «Γαο:ιαυ αειααοευ ε*

*αεετααυοαειπδυ Ε παεεε ιιδδδαοια αιααβυεοηυ ο-αιυο-αιεταε Διμπεε».
Γ αειοιδια ι αοαδεαευ ες ιαα εμπευτααυ α υοιι ι-αδεα, α ιαααιεα ιαιια ες αι
δαααεταε εμπευτααυ ι αεα:απο αι αι παεεταε*

Более 40 лет научной и производственной деятельности Б.М. Гиммельфарба было связано с изучением и разработкой агрономических руд, главным образом фосфоритов, необходимых для производства удобрений.

Будущий ученый родился в 1900 году в Харькове в семье мелкого торговца младшим среди четырех братьев и двух сестер. Рано умерли двое братьев, а оставшийся и обе сестры стали высококвалифицированными врачами. У всех детей этой семьи с раннего возраста отмечали незаурядные способности: трехлетними все уже свободно читали. Их мать с пятилетнего возраста обыгрывала всех взрослых в шашки, она и стала замечательным первым домашним учителем своих детей.

Заняты сохранившиеся в памяти семьи эпизоды из жизни маленького Бориса. В доме стали пропадать серебряные ложки и вилки, и подозрение, конечно, пало на приходящую помощницу по хозяйству, но... Однажды Борина деревянная лошадка развалилась, и вся пропажа оказалась на полу. Малыш объяснил, что ей нужен был ценный корм. И еще – домашние запомнили ответ мальчика на известный шуточный вопрос, на который не сразу отвечает и большинство взрослых: какой греческий герой ходил вверх головой? Не задумываясь, трехлетний Боря сказал: «Да лишь бы все ходили».

Он еще был гимназистом, когда в 1918 году скончался отец, и Борис был вынужден совмещать учебу с работой на химической фабрике. Через год он блестяще окончил гимназию и уехал из Харькова в Крым, где жила уже его мать и работали врачами брат и сестра. Вскоре он женился и в 1922 году переехал в Москву.

Как часто бывает в жизни, многое определяется случайными обстоятельствами. Борис Михайлович подал документы на металлургический факультет горной академии. Но для зачисления не хватило баллов, и он поступил на геологоразведочный факультет, что и определило всю его последующую деятельность.

Еще будучи студентом, Борис Михайлович в 1925 году стал сотрудником Научного института удобрений (НИУ, с 1933 г. – НИУИФ – Научный институт удобрений и инсектофунгицидов), где начал исследовать фосфориты. В 1929 году окончил горную академию. И уже дипломированным геологом возглавил геологоразведочные работы в Актюбинской области, а в 1931 году ему поручили руководство группой среднеазиатских геолого-поисковых партий.

В начале 30-х годов в нашей стране значительно активизировались эти работы: более 60 партий НИУ вели исследования в различных районах по поискам и разведке агрономических руд. Гиммельфарба назначили заместителем руководителя горногеологического отдела института, и вскоре он возглавил его геологоразведочный сектор: руководил комплексом работ, обогативших отечественную геологию новыми данными, а также теоретическими обобщениями по стратиграфии, тектонике, геохимии, методам поисков и разведки. В 1937 году вышла совместная с Т.П. Унанянцем его капитальная монография – «Сырьевая база туковой промышленности СССР», до сих пор не утратившая своего значения: в ней предложена и обоснована одна из первых классификаций фосфоритов.

И опять о случайностях, влияющих на важные события. В 1935 году геолог И.И. Машкара прислал из Казахстана в НИУИФ на анализ камень. В нем оказалось большое содержание фосфора. Через три года Гиммельфарб возглавил Каратаускую экспедицию на Северо-западный отрог Тянь-Шаня, развернув там огромные по масштабам работы. С Каратау оказалась связанной вся последующая творческая и научно-производственная жизнь Бориса Михайловича.

В 1941 году было начато строительство горно-химического комбината Каратау, где Гиммельфарб был главным инженером. Помимо общих трудностей во время Великой Отечественной войны на строительстве были и свои сложности. Здесь оказалось множество самых разных людей: выселенные немцы Поволжья, чеченцы, ингуши и другие, 500 человек из штрафбата (большинство – уголовники), местные казахи и русские. Между ними иногда возникали всяческие недоразумения. К сожалению, начальники строительства часто менялись, и за все происходящее отвечал Борис Михайлович. К нему шли в любое время со всеми вопросами, просьбами, неполадками.

Естественно, в войну освоение Каратау было форсировано, – ведь железнодорожная магистраль Мурманск-Ленинград в районе Петрозаводска перерезали вражеские войска, и страна лишилась хибинских апатитов – минералов класса фосфатов. Сельское хозяйство осталось без удобрений, а химическая промышленность – без ценнейших реагентов. Кроме самого комбината строили стокилометровую железнодорожную линию от Джамбула до месторождения, и в 1945 году на поля пошли отсюда удобрения. В этом – огромная личная заслуга Б.М. Гиммельфарба, благодаря воле, организаторскому таланту и феноменальной работоспособности заставившего трудиться с большой отдачей коллектив людей разных специальностей.

Айдең Аеі і әеуіада

І әе 1934 әәә

На месте, где когда-то стояли палатки геологов и был небольшой казахский аул – поселок Чулактау, раскинулся современный город Каратау с десятками тысяч жителей. Он стал центром Каратауского фосфоритоносного бассейна Джамбульской и Чимкентской областей. Открытое в Каратау уже после кончины ученого богатое месторождение фосфоритов названо Гиммельфарбовским.

Борис Михайлович проработал в Каратау до 1948 года, сделав там все, что было в его силах, и стал стремиться к возвращению к научно-исследовательской деятельности. Приказом по Минхимпрому его перевели в ГИГХС – Государственный институт горно-химического сырья, созданный на базе горногеологического отдела НИУИФ, где ученый работал раньше. Здесь он возглавлял до конца жизни самый крупный в институте отдел.

Гиммельфарб – автор около 200 научных и научно-технических работ, посвященных генезису и классификации фосфоритов, разработке прогноза, поисков, разведке и оценке фосфоритовых месторождений, а также проблемам литологии – науке об осадочных породах. Он был членом редколлегии журнала «Литология и полезные ископаемые», вел большую работу по редактированию трудов своего института и государственного баланса запасов по фосфоритам.

Несмотря на огромную занятость он успевал читать беллетристику, любил поэзию и помнил множество стихов, особенно Н. Гумилева, И. Северянина, А. Ахматовой, И. Сельвинского, С. Кирсанова, Б. Пастернака, в совершенстве владел английским, свободно пользовался специальной литературой на французском и немецком языках.

Много сил и внимания Борис Михайлович уделял преподаванию: возглавлял организованные при институте курсы подготовки среднетехнического персонала, в течение нескольких лет читал курс лекций в Военно-химической академии, в своем институте руководил аспирантурой, имел много учеников и последователей. За труды и вклад в развитие минерально-сырьевой базы страны и ее горно-химической промышленности был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак почета», в 1946 году стал лауреатом Государственной премии.

Борис Михайлович был очень заботливым отцом, старшая дочь его стала биологом, а младшая и сын пошли по стопам отца. Необычайно трогательно относился он к матери, из всех экспедиций регулярно писал ей, во внеэкспедиционное время часто общался с живущими в Москве братом и сестрой, а в Харькове постоянно навещал вторую сестру.

В обыденной жизни это был очень общительный, веселый человек, слыл остроумным собеседником и замечательным тамадой: даже на Кавказе, куда часто ездил к своим аспирантам, неизменно возглавлял праздничный стол. К общению с ним всегда стремились друзья его детей, молодые сотрудники, да и сам он получал от этого большое удовольствие. Увлекался шахматами, любил различные шуточные розыгрыши, охотно участвовал в игре со словами: особенно нравилось ему быстро рифмовать содержание известных произведений или что-то связанное с именами их героев. Так, он с ходу под смех присутствующих придумал на тему «трех мушкетеров» стихи:

Àòîñ Ī ĭòòîñè Àðàì èñ

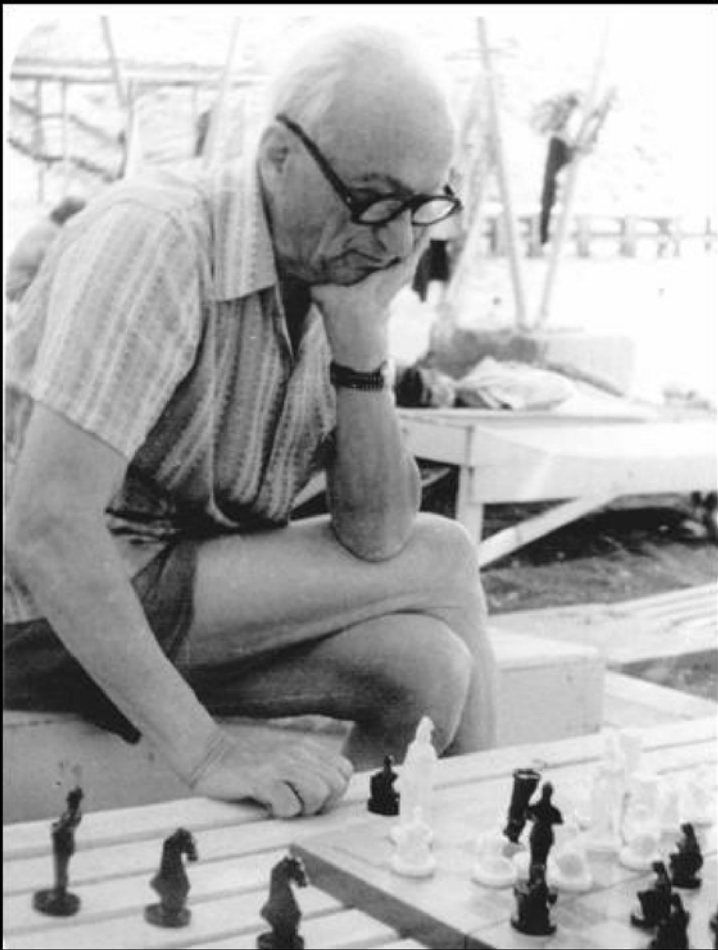
Àëþàèèèñ ĭèàè-òĭ à ĭàĭó ĭ èñ

Ī ĭ èõ ĭðèÿòàèüĀ'Àðòàĭüĭĭ

Ī àøàè ó ĭàè ĭàèĭ èçĭĭĭ.

Грустно было видеть быстрое угасание этого жизнерадостного человека от рака поджелудочной железы. Он скончался в 1967 году, и сын в бумагах отца не обнаружил ни намеков на подведение жизненных итогов, ни мыслей о приближающейся смерти – только жизненные и научные планы.

После кончины Б.М. Гиммельфарба в его институте проводятся ежегодные заседания, приуроченные ко дню его рождения. Закончу цитатой из книжки к 100-летию Бориса Михайловича: «Жизнь продолжается в многочисленных учениках и последователях – и это лучший памятник этому незабываемому человеку».

ĖĀŌĀĖĪ Ī ĪBĀDŪ 2002 ĖĖĖĖĀĀ 5763 - 11(127)

«ОН БЫЛ НА СВОЕМ МЕСТЕ»

Ī Āāēāā ĖĪĖēŌĪāē: ā Ī ōāī āāŏāī

Ėāçāŏū Ėāçāŏāā

*Āāēā ĖĪĖēŌĪāē: āāŏī çāīēē
īīā ō īāñ āūēē īīīāēāŏīēā āīāŏūā
īŏīīŏāīēŷ. Ėīīāā çāīēē ñ ĩāī ūīē
īāīāēāāī ūīē āīŏīīāī ē, īīīā:āēŏ
ŏāēāēŷāŏēī ē ī āīŷ.*

В тот раз вопрос я не расслышал. Понял, что он читает: «Из всех сотрудников газеты Ортенберг больше всего любил Симонова: вероятно, кипплинговские нотки, которые проскальзывали в очерках и стихах Симонова, отвечали его наклонностям».

– Это, – говорю ему, – из «Люди, годы, жизнь» Эренбурга.

– Знаю, я ведь держу в руках книгу Эренбурга. А что значит «киплинговские нотки»? Вот что я хотел у вас спросить.

Объясняю, что это романтика солдатского мужества, трудной солдатской службы.

– Да? А кто такой Киплинг?

Незадолго перед этим у Давида Иосифовича возник другой вопрос:

– Как это говорят, когда хотят проскочить между тем и этим? Какие-то иностранные названия.

– Между Сциллой и Харибдой.

– Это где?

– Это не местность, это мифические чудовища.

Эренбург писал в своих мемуарах:

«Пожаловаться на Ортенберга я не могу; порой он на меня сердился и все же статью печатал. Однажды он вызвал Морана (наиболее эрудированного сотрудника газеты) проверить, действительно ли существовали эринии, пожалуй, он был прав – фронтовики не обязаны были знать греческую мифологию, он протестовал также против “рептилий”, против ссылки на Тютчева, протестовал и, однако, печатал».

Áááá Èííè óíáè: Í ðò áí ááðá

Я слышал эту историю от Ильи Григорьевича до того, как была написана пятая книга его мемуаров. В этом рассказе, уламывая Эренбурга снять из статьи «эриний», генерал вызывал, правда, не Морана (человека действительно образованного), а литературного секретаря редакции Вистенецкого, который был большим эрудитом только в глазах Давида Иосифовича, и спрашивал у него, кто такие «эринии». И с торжеством и укором говорил Эренбургу: «Видите, Илья Григорьевич, даже Вистенецкий не знает». Видно, это «даже» очень смешило Эренбурга не только тогда, когда он рассказывал эту историю, но и тогда, когда она произошла.

Í ðò áí ááðáñ Ýðáí ááðáí í à çáí ááí íí óðí í ó á (Í í æ á è í è í á í áí ðá æ á í è á).

Ááèááðü 1941 ãää

Что поделаешь, так уж сложилась судьба Ортенберга, что толком ему не пришлось учиться. Закончив семь классов, он нигде, кроме одногодичных партшкол, обыкновенной и высшей, не учился. Учила его жизнь, работа, но только потому, что он

хотел и умел учиться и учеником был очень толковым. Журналистика оказалась его призванием, редактором он был милостью божьей. Так что не стоит придавать большого значения тому, что он не слышал об английском поэте Редьярде Киплинге (мог ли вообще его – «чоновца», комсомольца двадцатых годов, – интересоваться поэтом, о котором в Краткой литературной энциклопедии сказано, что он «прославлял “цивилизаторскую” миссию англо-саксонской расы среди “отсталых” народов Востока»?) или не знал, кто такие «эринии»...

С Ортенбергом меня когда-то познакомил Константин Симонов. Представляя мне Давида Иосифовича, он сказал: «Это мой главный редактор». Симонов был тогда очень популярным, можно даже сказать, знаменитым писателем, к тому времени он уже сам побывал и главным редактором «Литературной газеты» и дважды – «Нового мира». А Ортенберг стал пенсионером, который, чтобы чем-то себя занять – не мог сидеть без дела, – составлял какой-то сборник, связанный с войной, для Политиздата, но в сознании Симонова он оставался главным в его жизни редактором.

Приближалось тридцатилетие «малой» войны на Халхин-Голе, и мне пришла в голову мысль уговорить генерала написать воспоминания о писателях, работавших в «Героической красноармейской» – газете нашей группы войск, сражавшихся там в 1939 году с японцами. Газету эту с определенного момента стал редактировать отправленный на Халхин-Гол в связи с другим делом Ортенберг. В университетские годы, занимаясь нашей военной литературой, выписал я в Ленинке и прочитал подшивку «Героической красноармейской». Это была уныло-заурядная армейская многотиражка. Но первый же номер, подписанный Ортенбергом, был сделан на совершенно другом, гораздо более высоком журналистском уровне (в данном случае я имею в виду не только армейскую журналистику). Секрет успеха был вроде бы прост: Ортенберг «мобилизовал» для работы в газете случайно находившихся в ту пору в Монголии писателей – Бориса Лапина и Захара Хацревина, погибших потом в сорок первом в киевском окружении, и Льва Славина. Затем редакцию пополнили Владимир Ставский, считавшийся тогда очень крупной литературной фигурой, незадолго до этого возглавивший Союз писателей, и молодой поэт Константин Симонов – Ортенберг затребовал, чтобы из Москвы прислали поэта, так как посчитал, будто в газете должны регулярно печататься стихи, а это в те времена было довольно дерзкой новацией.

ΓδοάάάάάΝεϊ ίίίάτι άΝοάέείάάάάίά όόίίόίάτι όέαάίίίε,ίίίόյάάίί1942 άάά

Короче говоря, он решительно ломал ведомственную структуру и стиль армейской журналистики, считая, что газету должны делать те, кто не только оперативно, но и хорошо пишет. Поэтому в «Красную звезду», возглавленную им в первые дни Великой Отечественной, он сразу же привлек в качестве штатных сотрудников – фронтовых корреспондентов – писателей первого литературного ряда: Илью Эренбурга, Василия Гроссмана, Константина Симонова, Андрея Платонова, Николая Тихонова, Бориса Лапина и Захара Хацревина, Евгения Габриловича.

И вот еще на что я хотел бы обратить внимание: люди, хорошо и самоотверженно работавшие, ярко писавшие, не выпадали потом из поля зрения Ортенберга: в «Красной звезде» в Отечественную войну служило немало «халхингольцев». Но в этом была и другая сторона, очень важная для характеристики Ортенберга: писатели и журналисты с именем, у которых была возможность выбора, все-таки шли работать к этому очень требовательному, не дававшему никому покоя редактору. Шли потому, что работать с ним было интересно, потому что он обеспечивал им возможность самым лучшим образом делать свое дело, проявить себя.

В этих моих записках «Красная звезда» займет довольно много места. Она была любимое и самое дорогое детище Ортенберга, то был его звездный час. Но в войну я понятия не имел, как она делается, кто ее возглавляет, да и вообще на мой лейтенантский окопный уровень ее номера попадали не часто: мы довольствовались перепечатками в армейской газете, чаще всего перепечатывали статьи Эренбурга. Но когда изредка «звездочка» все-таки оказывалась у нас, этот номер прочитывался целиком – от первого до последнего слова. Так что рассказывая о том, каким редактором был Ортенберг, я буду опираться на рассказы самого Давида Иосифовича, на то, что слышал от его подчиненных (многих из них я знал), на их воспоминания. Впрочем, кто же лучше подчиненных знает достоинства и недостатки своего начальника!

Мы в «Вопросах литературы» напечатали халхингольские записки Ортенберга (что и было практической целью моего знакомства с ним), потом он написал для нас еще два или три мемуарных очерка. Как-то Давид Иосифович мне рассказал, что у него сохранилось много писем Николая Тихонова из блокадного Ленинграда – Тихонов стал собственным корреспондентом «Красной звезды» и вел там постоянную рубрику «Письма из Ленинграда». Получив у Тихонова разрешение напечатать эти письма, мы попросили его написать к ним короткое предисловие. Он писал в нем и об Ортенберге. Прочитую текст, из которого я заимствовал название для моих воспоминаний.

«Он был как редактор самой большой военной газеты времени Великой Отечественной войны очень умелым и смелым руководителем, много привлеченных им к работе литераторов делали газету яркой и чрезвычайно авторитетной. Он был человеком на своем месте, знал специфику газеты и вел ее с большим успехом в труднейший период, когда нужен был большой опыт, целеустремленность и хорошее знание обстановки. Он понимал, что писатель в газете не только корреспондент, но и рассказчик, что поэт в газете может давать не только стихи на случай, но и лирику и целые поэмы. Поэтому у всех, кто работал в те дни с Ортенбергом, сохранились самые лучшие воспоминания как о днях работы серьезной, ответственной и благодарной. “Красная звезда” имела всенародного читателя».

«Он был человеком на своем месте», – пишет Тихонов. Это очень точная формула. Как полковники и генерал-майоры сорок первого года – Рокоссовский,

Василевский, Черняховский, Баграмян, Малиновский, Толбухин, ставшие по требованию войны в ее ходе в силу своих способностей командующими фронтами, Ортенберг оказался главным редактором, лучше всего отвечавшим тем суровым требованиям, которые война предъявляла людям, возглавлявшим газеты. И делал тогда лучшую в стране газету. Когда его убрали из «Красной звезды» (вторая половина войны), – газета сильно поблекла, а ведь коллектив оставался прежним.

Вот еще одно свидетельство (во многом совпадающее с тем, что писал Николай Тихонов) одного из тогдашних сотрудников «Красной звезды», которому изо дня в день приходилось иметь дело с главным редактором – тогда он назывался ответственным. Илья Эренбург рассказывал:

«...Успех “Красной звезды” создали люди. В 1941-1943 годах газету редактировал Д.И. Ортенберг-Вадимов. Он был талантливым газетчиком, хотя, насколько я помню, сам ничего не писал (поправлю Илью Григорьевича: Ортенберг довольно часто писал передовые, считая этот жанр чрезвычайно важным и действенным. – Л.Л.). Он не щадил ни себя, ни других...О том, что он не боялся ни бомб, ни пулеметного огня, не стоит говорить – он был человеком достаточно обстрелянным. Но и на редакторском посту он показал себя смелым».

Раскрою, что стоит за словами Эренбурга. Главному редактору вовсе не обязательно было ездить на фронт. Большинство и не делали этого, а он – ездил и ездил регулярно. И не только тогда, когда фронт был под Москвой и к ночи можно было вернуться в редакцию. Он отправлялся и в те места, куда добираться было не просто, приходилось лететь, и где шли особенно тяжелые, кровавые сражения – и на «Малую землю» под Новороссийск, и в Сталинград, где завязались ожесточенные уличные бои, исход которых невозможно было предугадать, и в Ленинград во время прорыва блокады. Какова была во многих случаях степень опасности, которой он себя подвергал, можно судить по записи во фронтовом дневнике Симонова, вместе с ним ездившего в Сталинград, – человека не робкого десятка, побывавшего в первый год войны не в одной переделке, и по общему мнению – одного из самых храбрых фронтовых корреспондентов.

«Еще не кончил работу, как меня среди ночи вызвал Ортенберг, посадил напротив себя и сказал, что скоро полетит под Сталинград и чтобы я готовился лететь с ним. Во мне что-то дрогнуло. Кажется, я испугался поездки. Ортенберг, ожидавший от меня быстрого и положительного ответа, с удивлением посмотрел на меня. А я, понимая, что, конечно же, поеду, в то же время не мог задушить в себе тревогу. Не знаю, как кому, а мне Сталинград казался чем-то очень страшным. Мысли о нем связывались с мыслями о смертельной опасности...».

Мне кажется, эта запись в дневнике Симонова наполняет слова Эренбурга о храбрости Ортенберга живым, конкретным содержанием.

Главная же цель этих порой очень опасных фронтовых командировок Ортенберга была не в том, чтобы инспектировать своих корреспондентов и, случалось, их подталкивать, когда они робели (так, на «Малую землю» они, пристыженные, отправились после того, как там побывал главный редактор), – это делалось попутно. Просто он считал, что сможет направлять и вести газету только тогда, когда своими глазами увидит, что делается там, где идут бои.

А теперь о редакторской смелости, которую Эренбург справедливо оценивал не менее, а, может быть, более высоко, чем солдатскую отвагу. С точки зрения тех «условий игры», которых непременно должен был придерживаться руководитель центральной газеты, Ортенберг нередко поступал опрометчиво. Принимал решения, прислушиваясь не к указаниям начальства, а руководствуясь здравым смыслом, пользой дела. Он не боялся ответственности, не угождал вышестоящим, считал, что лично отвечает за исход войны, за то, чтобы газета с максимальной эффективностью работала на победу. Да, «условий игры» не соблюдал, очень часто нарушал. По рекомендации Василия Гроссмана взял в газету Андрея Платонова, хотя его литературная, а точнее, идеологическая репутация, в основе которой лежал уничтожающий отзыв Сталина, была такой, что вряд ли бы его взяли так просто в какую-нибудь другую редакцию. Да и военные вещи Платонова далеко не у всех вызвали одобрение. А Ортенберг считал, что тот пишет дельно, видел, что солдатской массе нравятся его очерки.

Еще одна такого рода история. В 1940 году Александра Авдеенко за сценарий кинофильма «Закон жизни», осужденного как порочный, по прямому указанию Сталина исключили из партии и Союза писателей, путь в печать был ему закрыт, предпринимавшиеся попытки упирались в стену. Выяснилось, что его судьбу мог решить только сам Сталин, но кто осмелится по такому поводу к нему обратиться? Авдеенко, воевавший младшим лейтенантом в стрелковой дивизии на Ленинградском фронте, прислал в «Красную звезду» несколько корреспонденций и большой очерк, который Ортенберг посчитал очень дельным. Очерк набрали, и Ортенберг со своим письмом отправил его Сталину, испрашивая разрешение напечатать. Сталин разрешил.

А вот совершенно беспрецедентная для советской печати история: Ортенберг выпустил 9 июня 1943 года номер «Красной звезды» без визы цензора – это было покушение на основополагающий принцип. Цензор ни за что не хотел пропускать очерк, который Ортенберг считал своевременным и важным. Дело было поздней ночью, под угрозой был выпуск газеты. И тогда Ортенберг отправил письменное распоряжение в типографию печатать номер без визы цензора под его личную ответственность. Назавтра его вызвал секретарь ЦК Щербаков, который был непосредственным начальством Ортенберга как начальник ГлавПУРа, и потребовал объяснений. Давид Иосифович рассказывал мне:

Годы войны. Воспоминания о жизни в тылу в ААА. Архивные материалы

1-я Армия. Офицеры. 1942 г.

«Я увидел подготовленный проект приказа, в котором мне объявлялся выговор, подумал, что выговор переживу, и сказал Щербакову: “Передо мной стояла дилемма: либо получить выговор за срыв номера, из которого надо было снять целую полосу, либо получить выговор за самовольный выпуск газеты без визы цензора с интересным и нужным, как мне кажется, материалом. Я выбрал последнее”. Обошлось».

«Красная звезда» была самой «литературной» из всех газет военного времени. Этого целенаправленно добивался Ортенберг, опираясь на свой халхингольский опыт. В ней было больше писателей, чем в других газетах, и гораздо больше появлялось писательских материалов. И не только очерков и публицистических статей: регулярно публиковались стихи, позднее – рассказы, даже повести с продолжением, что было тогда переворотом в газетном деле.

Так, «Народ бессмертен» Василия Гроссмана – первая большая повесть военного времени – была напечатана в июле-августе 1942 года в «Красной звезде». Писателям в немалой степени газета обязана своей славой. В этом коллективе военных журналистов ценили писательское слово, понимали его силу. И всячески помогали талантливым писателям, в мирное время далеким от армии и журналистики, обрести свое место в военной газете. Примером здесь служил главный редактор. Писателю находилось дело, соответствующее его индивидуальности, дающее ему возможность реализовать свой дар.

Что греха таить, такая обстановка была далеко не во всех фронтовых и армейских газетах. Было немало таких, где, судя по воспоминаниям писателей, они маялись, «тянули лямку», их «ставили на место», их стремление писать свое и по-своему солдафонски пресекалось...

При этом Ортенберг был редактором требовательным, жестко требовательным. Время было суровое, трагическое, ситуация на фронте тяжелейшая – мы отступали, часто в беспорядке, наши войска то и дело оказывались в окружении. Добывать материал для газеты нередко приходилось с риском для жизни. Константин Симонов вспоминал потом:

«Увидеть панику было тогда не трудно, увидеть беженцев на дорогах, отступающих солдат, неразбериху, бесконечные бомбежки тоже не представляло особенного труда, – а вот увидеть дивизию, полк, батальон или роту, которая стоит и дерется, для этого надо было залезть не на мнимый, а на действительный передний край. И это было не так-то просто, и не всем удавалось, и многие на этом сложили головы».

В редакции «Красной звезды» осознавали, что в эту пору невыносимых испытаний, тяжелых военных поражений, откатывающегося на восток фронта завоевать читателя, добиться его доверия можно только суровой, горькой правдой. Понимали, что правда – самый страстный, самый красноречивый, самый действенный агитатор. Благодаря ей горе и беды становились силой, противостоящей врагу, питали стойкость и мужество, веру в конечную нашу победу. Это стремление даже в условиях военной цензуры говорить правду многое определяло в редакционной работе в «Красной звезде». Насколько это было возможно, вытравлялась «липа», «козьмакрючковщина», казенный оптимизм. Высоко ценились материалы, свидетельствующие, что автор находился на передовой, в боевых порядках, и видел своими глазами то, что описывает. Поощрялись корреспонденты, летавшие на бомбежку, ходившие в боевой поход на подводной лодке, участвовавшие в партизанских рейдах, операциях разведчиков.

Опасности рассматривались как нечто само собой разумеющееся в работе военного корреспондента и, как правило, в расчет не принимались.

Вот одна история, характерная для того времени и Ортенберга. Когда поздней осенью 1941 года Василий Гроссман и журналист Павел Трояновский, чудом выбравшись из окружения под Тулой, явились в Москву с пустыми руками, без материала для газеты, Ортенберг, увидев, что в редакции их встретили с пониманием и сочувствием и они сами кажутся себе едва ли не героями, сказал тоном, исключая возможность обсуждения: «Нам нужна не простреленная ваша “эмка”, а материал для газеты. Возвращайтесь на фронт...» Случай этот, послуживший в то трагическое время суровым уроком, запомнили все, кто служил тогда в «Красной звезде» – мне когда-то рассказали о нем и Василий Гроссман, и Константин Симонов. Подтвердил рассказанное ими и сам Давид Иосифович, правда заметив: «Наверное, это было несправедливо». Но тогда он, конечно, так не считал. И другие – в том числе и сам Гроссман, на которого обрушился гнев редактора, – тоже.

Илья Эренбург писал, что из всех сотрудников газеты Ортенберг больше всех любил Симонова. Да, это так. Но не за красивые глаза – за смелость, за безотказность, за умение выкладываться, не жалея себя. Стоит добавить, что своего «любимчика» редактор, как говорится, держал в ежовых рукавицах, всегда требовал от него больше, чем от других. Когда Ортенберга убрали из «Красной звезды», он перед отъездом в действующую армию на фронт, прощаясь с Симоновым, сказал ему (цитирую дневник Симонова): «Теперь тебе будет, наверное, легче, чем при мне, что требовал я, могут и не потребовать. Но я бы не хотел, чтобы ты испортился, стал работать хуже».

*Γδο αί αιδάε πò δοάι έέέ «Άάδιέ-άίέιέ έδαίι ίαδι άέίέιέ» ή Εοέίάιι ίά Οάέοεί-Άίέά
ά ίάι ό ύάδα 1939 ά άά*

Ортенберга уважали не только подчиненные, не только журналисты и служившие в газете писатели. Прославившиеся в годы войны полководцы тоже знали ему цену. С Георгием Константиновичем Жуковым Ортенберг познакомился и сблизился еще на Халхин-Голе. Потом во время Великой Отечественной Ортенберг чаще и охотнее всего обращался к Жукову, который никогда не отказывал ему во встречах и консультациях. Кажется, расположение было взаимным: похоже, они были одной породы, одной закваски, и это их сближало. И в своей мемуарной книге «Воспоминания и размышления» Жуков счел нужным сказать добрые слова об Ортенберге:

«Редактором газеты “Героическая красноармейская” был Д.И. Ортенберг, способный и оперативный работник. Он умел сплотить коллектив сотрудников газеты и привлечь к активному участию в ней многих бойцов, командиров, партийно-политических работников. В годы Великой Отечественной войны Д.И. Ортенберг был редактором “Красной звезды”, и мне также неоднократно приходилось встречаться с ним в действующей армии». А когда книга вышла в свет – они уже оба были пенсионерами, и ничего, кроме памяти и взаимной симпатии, их не связывало, – маршал прислал ее с дарственной надписью Ортенбергу.

Написав о многолетней – пусть и пунктирной – связи Ортенберга с Жуковым, я вспомнил об одной истории, связанной с маршалом, которую как-то – к слову пришлось – мне рассказал Давид Иосифович. История эта, как мне кажется, представляет некоторый исторический интерес.

Дело было в октябре сорок первого. После вземской катастрофы Сталин срочно вызвал в Москву Жукова, командовавшего Ленинградским фронтом, и назначил его командующим Западным фронтом. Ситуация на фронте была тяжелейшая, в своей мемуарной книге Жуков написал: «К исходу 7 октября все пути на Москву, по

существо, были открыты». К слову, эту фразу в первом издании цензура сняла, задним числом высветляя то, что было тогда в действительности.

В тот день, когда в Москве было введено осадное положение, Сталин позвонил Ортенбергу и сказал, чтобы в завтрашнем номере газеты напечатали фотографию командующего Западным фронтом Жукова. Ортенберг очень удивился – газета иногда печатала снимки особо отличившихся командиров рот, полков, очень редко – считанные разы – дивизий, но не военачальников такого высокого ранга. И нарушая из-за этого твердо установленный порядок – Сталину вопросов никогда не задавали, не выясняли у него, чем вызваны его те или иные указания и решения, – задал вопрос, понятный газетчикам того времени: на какую полосу поставить фотографию? «На вторую», – сказал Сталин и повесил трубку.

Не странно ли, бои идут в ста километрах от Москвы, в столице объявлено осадное положение, а верховный главнокомандующий занимается какими-то пустяками, какой-то фотографией, пусть это даже фотография командующего фронтом? Вряд ли это все-таки пустяк, наверное, за этим стоит что-то серьезное. Ортенберг рассказывал, что он тогда подумал: Сталин таким образом решил загладить свой грубый разговор с Жуковым, когда в начале июля снял его с должности начальника Генштаба (Давид Иосифович знал об этом инциденте), – как бы извиниться перед ним.

Но причина явно была другая. Меньше всего Сталин заботился о том, чтобы пусть и в такой форме извиниться перед обиженным им военачальником: никакими благородными побуждениями тут и не пахло! Жуков тогда не был так известен, как другие военные руководители – Ворошилов, Буденный, даже Тимошенко: их имена были с довоенных времен на устах у всех. Жуков же был для широкой публики всего лишь одним из генералов, никак еще не выделялся. (Недавно я мог в этом убедиться: «Знамя» опубликовало дневник сорок первого года известного литературоведа Леонида Тимофеева. Человек далекий от армии, инвалид, он с пристальным вниманием следит за ходом войны, его интересует все: сводки, корреспонденции с фронта, даже слухи и толки. В начале октября он записывает, что по слухам Ворошилова заменили Жуковым, но фамилия Жукова ничего ему не говорит.) Сталин же решил этой фотографией, нарушавшей сложившейся порядок вещей и уже этим обращавшей на себя внимание, указать на Жукова как на полководца, который отвечает за судьбу Москвы. А кто мог тогда сказать, какой она будет, эта судьба? Через много лет в киноинтервью Жуков на вопрос Константина Симонова, была ли уверенность, что Москву не сдадут, со свойственной ему прямоотой ответил, что полной уверенности не было.

Íðò áí ááðáñ Òè òí í áíí í á Èáí éí áðááñéíí òðíí ò á

Íá ááðí 1943 áíá

Видимо, Сталин уже думал о том, что при неблагоприятном повороте событий вину за поражение, за сдачу столицы надо будет свалить на Жукова. Вот зачем ему понадобилась эта фотография в «Красной звезде». Сталин, вызвавший Жукова для спасения столицы, на всякий случай со свойственным ему коварством готовил для Жукова участь козла отпущения.

Все это я тогда выложил Давиду Иосифовичу. Он задумался, помолчал, видно, не просто ему было согласиться с тем, что Сталин был способен на такое загодя подготавливаемое вероломство, а потом, вздохнув, сказал: «Наверное, вы правы».

Ортенберг не был человеком законсервированных представлений и закостенелых взглядов, раз и навсегда затверженных оценок. Он был способен свежими глазами посмотреть на прошлое, не оправдывая и не защищая и то, что когда-то казалось ему правильным. Видно, здравый смысл, справедливость, самоотверженная готовность служить благой цели были врожденными свойствами его натуры.

За то время, что в «Вопросах литературы» печатались мемуарные очерки Ортенберга, мы подружились (если годится в данном случае это слово: все-таки он был старше меня на двадцать лет, я – ровесник его сына Вадима). Мы часто встречались, беседовали, от него я услышал много интересного. Он стал писать книги, я в качестве «домашнего» редактора читал все их в рукописи, потом они мне преподносились, как принято в таких случаях говорить, с теплыми надписями – так что у меня теперь на полке все его книги. Мы даже вместе (идея такого содружества принадлежала Симонову) написали сценарий документального фильма «Халхин-Гол, год 1939-й», снятый в 1979 году режиссером Мариной Бабак.

Случалось, он забегал ко мне в журнал, чтобы обсудить какие-то события, посоветоваться по каким-то делам. Слово «забегал», пожалуй, не совсем точно характеризует темп его передвижений. Только в самые последние годы у него стали болеть ноги, и он не то что бегать, а уже и ходить стал с трудом, перестал ездить за грибами, не занимался подледным ловом рыбы. Те, кто возьмет в руки его книги, убедятся: в этом случае сам он употреблял более точный, более подходящий глагол – «помчался».

Конечно, Ортенберг был, как в прошлые времена писали в служебных и партийных характеристиках, человеком «политически зрелым», вроде бы хорошо усвоившим существовавшие тогда «правила игры». А иначе разве бы его назначили корреспондентом «Правды» на Украине, а потом главным редактором «Красной звезды»? Но при этом он сохранял наивную веру в нерушимость фундаментальных революционных (называю их так, как они им воспринимались) принципов, служил делу, а не лицам, поэтому не заботился о своей карьере, не боялся начальства.

Давид Иосифович рассказывал мне: в 1943 году (запомню, то ли весной, то ли ранним летом) его вызвал Щербаков и сказал, что в редакции «Красной звезды» слишком много «лиц одной национальности» (к слову, формулировка эта стала общепринятой у нашей номенклатуры и фигурирует во многих постановлениях ЦК и послесталинского времени) и рекомендовал «проредить». Ортенберг изумился и ответил ему с неслыханной дерзостью: «Уже сделано. Восемнадцать погибли на фронте».

Сильно сомневаюсь, что Давид Иосифович точно знал, какой национальности его подчиненные, сколько в редакции русских, украинцев, евреев (и уж наверняка не придавал этому никакого значения). Ему и в голову не могло прийти, что указание Щербакова – первый звонок начавшейся в стране многолетней антисемитской кампании.

А между тем в ту пору уже шла антиеврейская «культивация» кадров в Большом театре, в консерватории, на киностудиях. Ольга Берггольц 11 мая 1943 года в письме Александру Фадееву (оно недавно опубликовано) жаловалась, что Якова Бабушкина, одного из руководителей ленинградского радио, хорошо и самоотверженно работавшего все время блокады, «глупо и хамски уволили из Радиокomiteта – ни за что, без всяких мотивировок, – дико сказать, но главным образом за ...неарийское происхождение, т.к. у нас по этой линии проверяют и реконструируют ряд пропагандистских учреждений, ...почему-то именно его снимают (впрочем, сняли и других руководителей-евреев и тоже зря), снимают без предупреждения, выставляют из Радиокomiteта без объяснения причин».

Но Большой театр, консерватория, кино – все это вряд ли попадало в поле зрения Ортенберга, целиком поглощенного войной и газетой. А если что-то и доходило до него, то он скорее всего считал, что это дикие, гнусные «выходки» каких-то разложившихся бонз, которых, конечно, призовут к порядку.

Он и тогда и даже много позже по идеологической наивности своей не мог взять в толк, что антисемитизм становится одним из краеугольных камней сталинской политики. Когда 30 июля 1943 года его вызвал Щербаков и, напомнив, что во время предыдущих конфликтов Ортенберг не раз заявлял ему, будто готов в любой момент уехать в действующую армию на любую должность, сказал: его просьба удовлетворена. Но и тогда Давид Иосифович не понял, что снимают его из-за того, что он – еврей. Щербаков в разговоре с ним был хмур, скован, немногословен. И Давид Иосифович подумал: тот боится, как бы Ортенберг не обратился к Сталину и решение о его снятии будет отменено (чего делать не собирался – считал ниже своего достоинства). И напрямую спросить, за что снимают, тоже считал ниже своего достоинства. Спросил только: что он должен сказать коллективу, по каким мотивам меняют редактора? Реальную причину Щербаков назвать, разумеется, не мог, придумывать что-то другое не захотел: «Скажите: “Без мотивировки”».

За всеми этими событиями стояло, конечно, прямое указание Сталина. Никто из его «соратников» не осмелился бы на такую политическую отсебятину.

Заноза эта – за что сняли, в чем провинился, – все-таки не давала покоя Ортенбергу. И в 1949 году, в самый разгар кампании по борьбе с космополитами, кампании, густо замешанной на антисемитизме, к тому же не посчитавшись с тем, что Сталину вообще задавать вопросов не следует, он – святая наивность! – написал письмо (копию мне показывал), в котором просил вождя снять с его души давнюю тяжесть: объяснить, «что случилось, почему меня освободили от работы в “Красной звезде”?»

В 1956 году, встретившись с Жуковым, он показал ему это свое письмо. Жуков спросил: был ли ответ? Ответа не было. Жуков был менее наивным человеком, чем Ортенберг, и лучше его знал, на что способен тот, к кому обратился Давид Иосифович. Он сказал: «Благодари Б-га, что этим все кончилось. Могло быть хуже...»

У Виктора Гюго есть поэтический сборник, который называется «Искусство быть дедом». Каждому, кто доживает до внуков, приходится овладевать этим благородным искусством. Бывает это по-разному. Иным оно дается с трудом. Другие словно бы ждали этого часа, чтобы раскрыть свои способности. Давид Иосифович, как все он в жизни делал, был целиком поглощен этими появившимися у него приятными обязанностями. Во внуке он души не чаял.

Симонов мне как-то рассказал:

– Звонит Давид. Спрашивает у меня, знаю ли, что мой и его внук поедут в один и тот же лагерь? Отвечаю, что слышал. После этого говорит мне: «Я думаю, что нам с тобой надо туда съездить и посмотреть, что это за лагерь». Давид просто сошел с ума. Он был кремень, а превратился в настоящего еврейского дедушку.

Пожалуй, насчет «еврейского дедушки» это не лишено было оснований. Вот что я однажды наблюдал собственными глазами в Малеевке в писательском «Доме творчества». Туда на школьные каникулы приехал маленький внук Давида Иосифовича вместе со своей матерью – путевки достал любящий дед. Была довольно морозная зима. Малеевка не близкий от Москвы край – больше чем полтора часа электричкой, потом автобусом минут двадцать, потом еще столько же пешком. Вдруг появился Давид Иосифович, посмотрел, как внук катается на санках, пообедал вместе с невесткой и внуком и после обеда проделал тот же путь в обратном направлении – возвратился в Москву.

Но и на склоне дней этот добрейшей души человек в каких-то случаях, когда дело касалось принципов, становился твердым, как камень, – у него были правила, которым он не изменял при любой погоде, в любых ситуациях.

Угодливая ложь, раболепие, казенный восторг стали частью советского государственного устройства. Во время подхалимской свистопляски вокруг брежневской «Малой земли» сдавалась в печать книга воспоминаний Давида Иосифовича. А там был такой эпизод: в апреле сорок третьего Ортенберг приехал в командировку в 18-ю армию и вместе с ее командующим Леселидзе отправился на «Малую землю». Прочитав эти страницы воспоминаний генерала, в редакции очень возбудились – какой замечательный случай отличиться, влиться в большой хор хвалебных голосов: пусть напишет о Брежневе. Но Ортенберг уперся: «Я с ним там не встречался». Довольно долго на него наседали, но он был как скала, сдвинуть с места его не удалось.

А они в редакции еще не знали того, что мне однажды рассказал Давид Иосифович (представляю, как бы это им вскружило головы): оказывается, Ортенберг давно, с довоенных времен, был знаком с Брежневым и даже к тогдашнему Брежневу, как я понял, относился с симпатией. Сказал мне: «Неплохой был парень». Жена Ортенберга Елена Георгиевна и Брежнев учились в Днепродзержинском металлургическом институте. Больше того, когда Брежнев стал там секретарем парткома, Елена Георгиевна была секретарем комсомольской организации (потом она из этого института ушла, окончила медицинский, стала кардиохирургом).

Когда после войны Ортенберг из Чехословакии возвращался на родину, Брежнев был начальником политуправления Прикарпатского военного округа. Он спросил у Ортенберга: «Что ты везешь Лене?» Ортенбергу – человеку аскетических привычек корчагинского поколения – и в голову не приходило что-то везти. Брежнев повез его на какой-то военоторговский склад, помог выбрать шубу и сказал – это особенно поразило Ортенберга, – что к шубе надо взять и чернобурку.

В тот день, когда после всех золотых звезд героя Брежнев был награжден орденом «Победы», Ортенберг зашел ко мне в редакцию. Достал из видавшей виды кошелочки «Правду». Он кипел от возмущения. В газете вместе с указом была напечатана статья маршала Москаленко (скорее всего, не написанная, а лишь подписанная им), в которой восхвалялся до небес полководческий талант Брежнева.

Ĭ à ĩāā āāāĭ ĩĥō ĩēāō ēā ĩāāē ĩāē ēō ēĭēēāā «ēāāĭ ĩ sāāāĭ āōāā».

К Москаленко, командующему 38-й армией, в которой Ортенберг служил после того, как ему пришлось покинуть «Красную звезду», Давид Иосифович относился хорошо, у них были дружеские отношения. Но похоже было, что статья Москаленко возмутила его чуть ли не больше указа о награждении: «Как он мог это написать? Выходит, что мы с Брежневым (оба они, Ортенберг и Брежнев, служили в одной и той же должности начальника политотдела в разных армиях. – Л.Л.) были полковниками. Стыд и срам».

Корней Чуковский часто говорил, что в России надо жить долго. Это значило, что, глядишь, доберешься и до светлой полосы, до лучших времен. Долгие годы, даже не годы, а десятилетия в «Красной звезде» о генерале Ортенберге, возглавлявшем эту газету в ее героический период, не вспоминали – в том идеологическом климате он был персона нон грата. Но в «перестройку» все переменялось: видно, в газету пришли люди, понявшие, что это человек, которым они могут и должны гордиться. Об Ортенберге стали писать, стали печатать отрывки из его книги, поздравлять с праздниками, приглашать на торжественные собрания и усаживать в президиум – он в этих случаях даже надевал генеральский мундир, который в обычное время никогда не носил. Совершенно не тщеславный человек, Давид Иосифович был очень тронут этим вниманием родной газеты, приносил и показывал мне номера, где о нем писали и его печатали.

Я был рад за него. Пусть и с большим опозданием, справедливость все-таки торжествовала, ему воздавали должное.

На свое девяностолетие Давид Иосифович пригласил на ужин в ЦДЛ бывших «краснозвездовцев». Увы, кроме него в живых оставалось тогда их всего двое – известный художник-карикатурист Борис Ефимов (он на четыре года старше Ортенберга) и Михаил Зотов, который тоже уже был, как говорится, в годах. Да, что поделаешь, всего трое из большого редакционного коллектива. Я, тоже приглашенный на этот праздник, глядя на

них, вспомнил, что Джонатан Свифт в преклонные годы писал с печалью: «Потеря друзей – это тот налог, каким облагаются долгожители...» Все-таки выпили рюмку-другую – за юбиляра, за газету. Помянули друзей и коллег. Я слушал их, «бойцы вспоминали минувшие дни» – они, эти дни, были у них, как правило, трудными, а нередко ужасными, ведь достался на их долю «век-волкодав». За плечами Давида Иосифовича были четыре войны: гражданская, край ее он, тогда почти мальчик, все-таки захватил, потом «малая» на Халхин-Голе, в монгольской выжженной солнцем степи и почти сразу же «незнаменитая» в финских снегах, а затем четыре, казалось, бесконечных года Отечественной, – с первого до последнего дня или, как мы когда-то говорили, от звонка и до звонка. Все-таки, думал я, глядя на них, эти старики молодцы. Узнавая их, случайные посетители с ними почтительно здоровались.

Прав был Корней Чуковский, говоривший, что в России надо жить долго...

ДОКУМЕНТЫ – НА СТРАЖЕ ПРАВДЫ ИСТОРИИ

ΓΟΕΒΥΟΓΑ Γ'ΕΝΥΙ Γ Β.Β. ΥΟΕΙ ΑΑΔΘ

Откликаясь на ваш комментарий к моей статье «Депортация – мистификация» («Лехаим», 2002, № 9), сразу хочу подчеркнуть: содержащаяся в ней критика, названная вами резкой, носит принципиальный и сугубо профессиональный характер. И продиктована она только интересами установления исторической правды, и никоим образом не обусловлена личными мотивами.

На замечания, возражения и упреки, столь обильные в вашем комментарии, буду отвечать по порядку. И начну с уточнения ключевого, как мне кажется, момента моей концепции проблемы. Отмечая безусловное наличие в последние годы правления И.В. Сталина реальной угрозы депортации евреев, принявшей из-за усиления политики государственного антисемитизма ярко выраженный репрессивной характер, я вместе с тем решительно возражаю против вашего утверждения, что советское руководство, осуществив планирование этой масштабной акции и установив срок ее начала – март 1953 года, будто бы приступило к ее конкретной подготовке: к составлению списков евреев, подлежащих выселению, строительству барачных мест в местах спецпоселений, концентрации подвижного состава железнодорожного транспорта в районе Москвы и других крупных городов и пр. Считаю, что эта версия основана не на достоверных фактах, а исключительно на слухах, порожденных упомянутой выше угрозой.

Говоря о доказательствах, имею в виду как официальные документы, без которых немислимо было бы организовать любую более или менее крупную репрессивную акцию, так и прошедшие научную и юридическую экспертизу

свидетельства участников и очевидцев событий. Если судить по вашим публикациям, ни тем, ни другим вы не располагаете. Отсутствие официальных документов, подтверждающих факт подготовки депортации, вы объясняете несколькими причинами.

Первая – не все архивы советской власти еще рассекречены, и гипотетическая директива Сталина, возможно, так и не найдена и где-то лежит, ожидая, когда ее обнаружат, а если ее и нашли, то почему-то не решаются опубликовать.

На это возражу, что после августа 1991 года в связи с планировавшимся новым российским руководством так называемым судом над КПСС были сплошь тщательно просмотрены все архивы ушедшей в небытие власти и выявлены все сколько-нибудь важные документы, свидетельствовавшие о преступлениях прежнего режима. Однако среди них так и не оказалось не только пресловутой директивы, но и ничего такого, где бы депортация хоть как-то упоминалась.

Вторая причина. Вы пишете: «Не исключено, что сразу же после смерти Сталина его ближайшие соратники уничтожили все, что могло их скомпрометировать в связи с “делом врачей”». Замести таким образом следы собственных преступлений могли, по вашему мнению, прежде всего Г.М. Маленков и М.А. Суслов, что сомнительно, поскольку «дело врачей» инициировалось Сталиным и «держалось» только на нем, потому и было свернуто сразу же после его смерти. И потом, Маленков был причастен к «делу» лишь постольку, поскольку в результате опалы Молотова исполнял неофициальные обязанности второго после «вождя» человека в партии и государстве. Суслов же по роду определенных для него в секретариате ЦК функций совсем с «делом» этим не соприкасался. К депортационной эпопее Суслова «приобщил» небезызвестный вам Е.И. Долицкий, чьи основанные на слухах воспоминания даже публикатор вынужден был назвать «отчасти мифологизированными»^[1].

Вообще же уничтожение важнейших документов могло произойти только при наличии предварительного сговора в стане наследников Сталина в Кремле. Но такого сговора не могло быть уже потому, что на протяжении нескольких лет там шла упорная борьба за власть. Да к тому еще сразу же после смерти Сталина фактическим руководителем аппарата ЦК КПСС, в том числе и входящих в него делопроизводственных и архивных подразделений (где, собственно, только и могли храниться указания о депортации) стал Н.С. Хрущев. Но его вы считаете непричастным к будто бы готовившемуся выселению евреев, и поэтому трудно его заподозрить в намерении такие указания ликвидировать.

Пока что достоверно известно только об одном таком случае, когда летом 1953 года после ареста Л.П. Берии хранившиеся в его личном сейфе показания Н.И. Ежова против Г.М. Маленкова попали к последнему и были им уничтожены. Примечательно, что в 1957 году этот факт был предан гласности и использован для смещения Маленкова Хрущевым^[2]. Нет сомнений, что он поступил бы точно так же, если бы Маленкову удалось предать огню некие депортационные документы. Но даже если допустить нереальное – указания все же были кем-то и когда-то изъяты из цековского архива и тайно ликвидированы, – то уж совсем невозможно представить себе, что так же тихо и незаметно можно было бы избавиться от миллионов списков на выселение: ведь их, как вы утверждаете, составляли в домоуправлениях и на предприятиях по всей стране.

Третья причина. Вы предполагаете, что директивы о депортации могло и не быть вовсе, так как Сталин обошелся бы и без нее, отдавая только устные указания. При этом вы ссылаетесь на профессора В.П. Наумова, утверждающего: именно так в годы

второй мировой войны «вождь» поступал в отношении народов Северного Кавказа, оформляя соответствующие постановления Госкомитета обороны (ГКО) уже по завершении насильственного выселения. Однако подобная версия просто абсурдна. Спрашивается: зачем организаторам и устроителям какой-нибудь тайной грязной акции, заведомо роняющей престиж государства в мире, документировать ее *post factum*, способствуя тем самым собственному разоблачению в будущем? Понятно, ни один диктатор в мире, пребывающий в здравом уме, никогда не совершил бы подобной глупости. И неужели вы думаете, что Сталин, находясь в начале 1950-х в зените могущества, так сильно сомневался в крепости своей власти в частности и коммунистического режима в России вообще, что только и думал, как бы замести следы своих преступных деяний, еще при жизни, подобно Гитлеру опасаясь возмездия? Я так не думаю. Более того, полагаю: во избежание разоблачения в будущем он стремился придать своему беззаконию внешнюю легитимность, облекая его в форму указов, постановлений и прочих директив, проштампованных бюрократией, все глубже увязавшей в государственно-криминальном болоте круговой поруки.

Во-вторых, если говорить конкретно о технологии сталинских депортаций 1940-х годов, то мнение Наумова, мягко говоря, не соответствует действительности. Об этом, кстати, я написал в своей статье, что вы почему-то предпочли не заметить. Что ж, придется дать более развернутый комментарий.

Как научному работнику с почти полувековым стажем вам должно быть известно, что, начиная с конца 1980-х годов, появилось множество исследований и документальных публикаций о депортациях народов СССР. Ознакомление с ними не оставляет никаких сомнений в том, что всем этим акциям, проводившимся с середины 1930-х годов предшествовало издание той или иной директивы – указов Президиума Верховного Совета СССР, постановлений ГКО, Политбюро, СНК, Совмина СССР и т.д. Приведем несколько примеров.

Калмыкия. В начале 1943 года территория этой советской автономной республики была очищена от гитлеровцев, после чего началось восстановление ее народного хозяйства и мирной жизни. Но 27 декабря по воле Сталина Калмыцкая АССР ликвидируется и осуществляется депортация почти 92 тысяч калмыков, огульно обвиненных в пособничестве врагу. То, что эта масштабная репрессивная акция готовилась во исполнение предварительной директивы центра, ясно из рапорта Л.П. Берии, руководившего «операцией» на месте. Он 2 января 1944 года докладывал Сталину: **«В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета и постановлением СНК от 28 октября 1943 г. НКВД СССР осуществлена операция по переселению лиц калмыцкой национальности в восточные районы»**^[3]. Отсюда вывод: поскольку этот рапорт составлялся по горячим следам «акции», в нем никоим образом не могла фигурировать директива, составленная *post factum* и датированная задним числом.

Чечено-Ингушская АССР. 31 января 1944 года ГКО утвердил постановление о выселении чеченцев и ингушей в Казахскую и Киргизскую ССР. 21 февраля последовал соответствующий приказ НКВД СССР. И только 23 февраля началась сама депортация.

Крым. 9 мая 1944 года советскими войсками был освобожден Севастополь и весь Крым. 10 мая Берия направляет Сталину от имени НКВД СССР «проект решения Государственного комитета обороны о выселении всех татар с территории Крыма». 11 мая на основании этого проекта принимается постановление ГКО за № 5859сс. А сама «операция» проводится 18-19 мая^[4].

Теперь по поводу других ваших аргументов, призванных обосновать предположение, что подготовка депортации евреев якобы осуществлялась без письменной директивы Сталина. Вы приводите мнение Н.А. Булганина – «Сталин не дурак, чтобы давать письменные указания по такому вопросу (депортации евреев – Г.К.)», – которым тот будто бы в свое время поделился с вами. Предвосхищая неприятие вами обидного в данном контексте выражения «будто бы», тем не менее не могу не прибегнуть к нему. Ибо выражаю естественное для каждого профессионального историка сомнение в достоверности свидетельства, не обладающего даже элементарными признаками аутентичности. Резонен вопрос: что помешало вам опубликовать дневниковые записи встреч с Булганиным (по вашим словам, они до сих пор у вас хранятся), как это, скажем, сделал Ф.И. Чуев, издавший еще в 1991 году ставшие бестселлером «Сто сорок бесед с Молотовым»? Во всяком случае, бесспорно одно: оперировать просто так свидетельством пусть даже давно умершего человека, не доказав предварительно, что именно он – автор передаваемых от его имени сведений, не только не профессионально, но и по меньшей мере не совсем нравственно.

Пытаясь оправдаться за то, что извлекли на свет «свидетельство Булганина» только через полтора года после падения коммунистического режима и спустя 23 года после описанных вами встреч с ним, вы пишете, что не могли этого сделать раньше, поскольку ожидали «вскорости» рассекречивания документов из архивов. Но такое объяснение мне кажется лишенным логики. Ученый, уверенный в полной достоверности находящихся в его распоряжении устных свидетельств о том или ином важном событии и знающий, что их распространение не обернется карой со стороны цензуры, наверняка попытается как можно скорей обнародовать их, не дожидаясь публикации соответствующих официальных документов. Другое дело, когда у него в руках нечто сомнительное. Тогда он будет вынужден ловчить, ловя удобный момент, чтобы под сурдинку подсунуть публике свой «контрофактный» информационный товар. Применительно к историческим свидетельствам такой «слив» происходит как правило после того, как у претендующего на обладание ими возникает твердое убеждение: «неудобные» государственные бумаги еще долго будут под спудом секретности, а потому нет угрозы разоблачения обмана. Первые шаги по пути «отмывания» фальшивки обычно робки и осторожны. Сначала махинатор только объявляет на публике, что владеет «вновь открывшимися фактами» и готов ими поделиться. Потом в случае если подобная «презентация» проходит «гладко», в печати появляется несколько строчек псевдосвидетельства, и оно в дальнейшем с каждой новой публикацией обрастает все новыми придуманными деталями и подробностями. Про одного такого коллекционера ложных голосов из прошлого в 50-х годах прошлого века даже сложили ироническое присловье: «Он вспоминать не устает, а, вспомнив, сразу издает».

Разумеется, я рассуждаю абстрактно, не имея в виду кого-либо конкретно. Но продолжим анализ ваших объяснений. Вы утверждаете, что впервые упомянули о «свидетельстве Булганина» в апреле 1990 года на международном симпозиуме в Лондоне. Но вот что странно: тогда вы так ничего и не сказали о подготовке Сталиным выселения евреев. Это тем более невероятно, что сие «свидетельство», опубликованное потом целиком и полностью, посвящено как раз только депортации. Впрочем, объяснить этот парадокс не так сложно, если знать, что на том же симпозиуме вы утверждали со ссылкой на свидетельства профессоров, проходивших когда-то по «делу врачей», что примерно за неделю до смерти Сталина в ходе следствия «произошел какой-то перелом» и их прекратили вызывать на допросы^[5]. Другими словами, вы давали понять участникам симпозиума, что не кто иной, как сам Сталин, решил свернуть «дело врачей» и тем самым прекратить дальнейшее нагнетание антисемитской истерии в стране. То есть подразумевали, что диктатор самолично воспрепятствовал материализации слухов о

депортации, принявших лавинообразный характер. С тех пор вы больше не упоминали об этом интервью с «кремлевскими врачами», поскольку, предположу, коренное изменение вашей точки зрения на депортацию сделало его для вас «неудобным».

Может быть поэтому, апеллируя к книге А.Н. Яковлева «Каким мы хотим видеть Советский Союз» (Paris, 1991), вы предпочитаете указывать только на созвучные вашей депортационной версии моменты и вместе с тем замалчиваете то немаловажное обстоятельство, что автор этой книги не исключал, что письмо И.Г. Эренбурга Сталину по поводу готовившегося коллективного обращения представителей еврейской элиты в «Правду» «могло привести Сталина к решению отказаться от акции»^[6]. Об этом же потом напишет и журналист А.И. Ваксберг: **«Гораздо важнее то, что акция затормозилась. А может быть, и была отменена»**^[7].

Фраза же, что это обращение «было задумано и распространено Дмитрием Чесноковым», как я полагаю, могла появиться в книге Яковлева вследствие допущенного при переводе искажения. Ибо чуть ниже он пишет, что собирали подписи под проектом «еврейского письма» (а значит, тем самым и «распространяли» его) другие люди – М.Б. Митин и И.И. Минц.

Вообще-то сторонникам депортационной версии не мешало бы разобраться с ролью во всем этом деле члена Президиума ЦК КПСС, заведующего отделом ЦК и главного редактора журнала «Коммунист» Д.И. Чеснокова. В первую очередь им следовало бы устранить имеющую место в их рядах самодискредитирующую разногласию мнений по поводу этой «загадочной» фигуры: то он – автор идеи депортации, то – сочинитель «еврейского письма» в «Правду», то – создатель некоего объемного «теоретического труда» (или всего лишь статьи), где обосновывалась необходимость депортации.

Не исключено, что досадная фактографическая аберрация в книге Яковлева могла произойти и по вине В.П. Наумова, в чьи обязанности входила подготовка соответствующего материала для книги и которого вы называете ближайшим сотрудником академика Яковлева. Выше уже было продемонстрировано, как «авторитетное мнение» этого чиновника и ученого о том, что депортации, проводимые Сталиным в годы второй мировой войны, документально оформлялись постфактум, может мягко говоря, расходиться с исторической правдой. В 1994 году под ответственной редакцией Наумова вышла в свет в издательстве «Наука» сокращенная стенограмма судебного процесса над членами ЕАК (сборник «Неправедный суд. Последний сталинский расстрел»). Публикация эта, содержащая множество мелких и крупных погрешностей и сопровождаемая довольно куцым научно-справочным аппаратом, сразу по выходе была газетой «Сегодня» без обиняков названа «ущербной»^[8]. Но самое главное, ущербной оказалась не только работа составителя над текстом стенограммы: даже в название сборника закрался изъясн. Ведь в череде казненных Сталиным так называемых «еврейских буржуазных националистов» осужденные по делу ЕАК отнюдь не были последними. Известно, что через месяц с лишним после расправы над ними в Москве расстреляли еще четырех их соплеменников, арестованных на Кузнецком металлургическом комбинате. Документы по этому делу до сих пор не опубликованы несмотря на обращения автора этих строк в государственные структуры. Кроме того, Наумов еще в 1999 – 2000 гг. официально заявлял историкам из Германии Л. Люксу и С. Мадиевскому, что им «обнаружены новые архивные документы, свидетельствующие о депортации евреев», в том числе и показания М.Д. Рюмина о представлении Сталину соображений по подготовке акции. Однако до сих пор ничего похожего так и не опубликовано. Кстати, в начале 1993 года вы также писали о выявлении неких

«инструктирующих писем» в ЦК КПСС Маленкова и Суслова, в которых они якобы требовали предпринять «определенные антиеврейские акции»^[9]. Но почему-то потом вы больше о них не упоминали.

Возвращаясь к книге Яковлева, думаю, уместно процитировать из нее авторскую мысль, тонко оттеняющую значение человеческого фактора в том, чем мы оба занимаемся.

«Те, кто сейчас работает в этой области (история сталинских репрессий. – Г.К.), – это в большинстве своем люди, так или иначе задетые драмой той эпохи. Именно поэтому некоторые публикации, трактующие этот предмет, чаще всего безосновательны и не опираются ни на один документ, увиденный своими глазами»^[10].

Итак, а был ли мальчик, то бишь – существовала ли вообще директива о депортации евреев? И мог бы Сталин обойтись без нее при подготовке этой акции? Соглашаясь с вами, что покуда еще не все секретные архивы сталинской эпохи преданы гласности, а также, что документ в принципе не может быть единственным подтверждением того или иного события, я тем не менее на основе многолетнего изучения всего комплекса доступных на сегодня источников (письменных и устных) могу в отличие от вас ответить на эти вопросы только отрицательно. Другими словами, директива представляется мне обязательным, неременным условием подготовки и проведения депортации евреев сталинским режимом. И пытаюсь обосновать обратное, не следует отождествлять механизмы принятия важнейших государственных решений в нацистской Германии и сталинском Советском Союзе, – в научном плане это по меньшей мере некорректно. Ведь эти режимы, хотя их и роднил присущий обоим тоталитаризм, существенным образом отличались друг от друга. И чтобы доказать это, не надо далеко ходить. Приведенному вами доводу Ф.М. Лясса (кстати, если и являющегося профессором, то уж наверняка не истории) о том, что суд в Израиле в 1961 году над нацистским преступником Эйхманом так и не смог доказать факта подписания Гитлером приказа об уничтожении евреев, противопоставлю показания этого подсудимого в ходе следствия. Вот его чрезвычайно важное признание:

«Собственно, “окончательное решение” – ну, грубо говоря, убийство, – оно не было имперским законом. Это был приказ фюрера – так это называлось [...] Тогдашние правовые понятия, которые касались всех, гласили: слово фюрера имеет силу закона. Не только в этом случае, во всех случаях. Это известное дело. Слово фюрера – закон»^[11].

Вот почему в нацистской Германии и не могло быть письменной санкции на проведение Холокоста. Достаточно было, по показаниям того же Эйхмана, чтобы примерно через два месяца после нападения на Советский Союз его вызвал к себе Гейдрих и сказал «совсем коротко»: «Фюрер приказал физически уничтожить евреев». Но, как мы знаем, несмотря на отсутствие письменного решения руководства рейха о инициировании Холокоста, сохранилось множество других документов, пусть не столь важных, но так или иначе подтверждающих проводившиеся там депортации евреев в лагерь смерти. В связи с этим следует еще раз обратиться к показаниям Эйхмана, сказавшего следователю, что «эвакуацию (депортацию евреев. – Г.К.) нельзя было проводить просто так. Какой бы властью любая германская служба ни обладала, она не могла просто так собрать людей, посадить их в вагоны и отправить»^[12].

Как уже отмечалось выше, Сталин в начале 1953 года, в отличие от воюющего почти со всем миром в 1942 году Гитлера, вряд ли так же остро ощущал

непосредственную угрозу собственному режиму, как, скорей всего, ощущал ее последний. В силу этого важного обстоятельства и вследствие методичности своей натуры «вождь», хотя и обладал такой же, как и его германский коллега-«фюрер», абсолютной диктаторской властью, тем не менее, проводя массовые репрессии, не пренебрегал бюрократической процедурой. В этом мы успели уже убедиться на примере депортаций, осуществленных им в годы войны. И тогда и потом Сталин облакал свои часто единоличные решения о проведении более или менее масштабных репрессивных и пропагандистских акций в форму то указа Президиума Верховного Совета СССР, то постановления ГКО, Политбюро, Совета Министров СССР и т.д. Конечно, такого рода директивы просто бы не появились, если бы Сталин мог обойтись и без них, как в упомянутых вами случаях индивидуального государственного террора – тайных убийствах Л.Д. Троцкого, С.М. Михоэлса и др. Но в том-то и дело, что массовую депортацию нельзя было провести ни скрытно, ни силами одних только спецслужб. Необходимы были скоординированные усилия многочисленных бюрократических структур, что в условиях сверхцентрализованной сталинской системы было достижимо только посредством спущенных сверху указаний. Даже для тайной ликвидации арестованных в начале второй мировой войны польских офицеров и гражданских лиц оказалось необходимым принятие специального постановления Политбюро от 5 марта 1940 года. Хотя тогда и решалась судьба людей, во-первых, уже доставленных в концлагеря и тюрьмы, а во-вторых, по количеству (25 700 человек)^[13] – на порядок, а то и на два меньшему, чем могло бы быть при гипотетической депортации евреев. И пусть под этой и некоторыми другими директивами мы не увидим автографа «вождя» – все они считались обязательными к исполнению и неукоснительно претворялись в жизнь.

А вот еще один пример. Имея возможность устно приказать редактору «Правды» Д.Т. Шепилову опубликовать сообщение ТАСС «Об аресте группы врачей-врагителей», Сталин все же предпочел действовать по-иному. Тщательно отредактировав текст этого сообщения, он «пропустил» его через бюро Президиума ЦК КПСС, получив формальное «добро» в виде письменной резолюции, хранящейся ныне в Архиве президента Российской Федерации^[14].

Поэтому нет поводов сомневаться, что в случае с депортацией евреев, если бы она действительно планировалась, Сталин поступил бы по-иному. Ведь даже в апробированном им секретном положении о МГБ СССР отправка на спецпоселение, то есть депортация, трактовалась как «принудительное переселение **по решению правительства** (выделено мною. – Г.К.) из постоянного места жительства в определенные места под надзор органов МГБ отдельных категорий лиц навечно или на срок»^[15].

Перейдем теперь к другому аспекту вашего комментария. Оставаясь верным своему методу по максимуму задействовать в своих работах мнения отдельных людей, вы широко использовали его и на сей раз. Причем вынужден отметить, что при подборе этих мнений вы, как и прежде, делаете ставку на количество. В вашей небольшой по объему статье помещено целых девять таких свидетельств (включая и приведенные высказывания Н.А. Булганина и В.П. Наумова), к тому же по большей части уже публиковавшихся, в том числе и в ваших мемуарах. Скажем, вы ссылаетесь на появившееся ранее в «Лехаиме» письмо М. Зорина из Риги, в котором тот воспроизводит историю, рассказанную ему когда-то бывшим начальником политотдела Прибалтийской железной дороги К.М. Граудиным. По словам автора письма, имел место следующий факт: на некоем совещании руководителей и начальников политотделов железных дорог страны, состоявшемся в ЦК на Старой площади, обсуждался вопрос о подготовке железнодорожного транспорта к планировавшейся депортации евреев в Сибирь^[16]. Однако то, как преподносится эта

история, и прежде всего – бросающиеся в глаза противоречия в конкретных деталях, заставляет сильно сомневаться в ее достоверности. Так, утверждается, что совещанием руководил М.А. Суслов, причем присутствовавший на нем Г.М. Маленков не выступал, а «сидел угрюмый и молчаливый». Возникает вопрос: почему главным в данном случае выставляется первый, тогда как последний, будучи заместителем Сталина по партии и непосредственным начальником первого, оказался на вторых ролях, или, точнее, в роли безгласной мебели? И мог ли в действительности Суслов, в то время, как известно, не руководивший по линии ЦК ни идеологией, ни транспортом, вообще вести подобное совещание? Потом, в письме почему-то не упоминается тогдашний министр путей сообщения Б.П. Бещев, без участия которого не могли проходить подобного рода мероприятия. Настораживают и отдающие мифотворчеством с характерными для него элементами таинственности, недоговоренности, нарочитой драматизации и эмоциональности другие места в рассказе Зорина. Так, на самом совещании о еврействе как объекте депортации не говорится, но некий «друг» Граудина, чье имя не уточняется, в кулуарах «по секрету» раскрывает ему эту «тайну». Еще один безымянный «персонаж» также доверительно сообщает ему, что во вверенном тому «товарняке», предназначенном для транспортировки евреев, намеренно произведена «опасная для здоровья» «дезинфекция», формально мотивированная тем, что ранее в этих вагонах этапировались в Сибирь пленные немцы. Но как же так? Ведь немецких военнопленных если и отправляли на восток, то в годы войны или сразу же после нее. Непонятно: как они могли очутиться в этих вагонах в конце 1952 – начале 1953 годов?

Правда, этот ваш экскурс в «oral history» («устную историю») отмечен и отдельными, так сказать, новационными нюансами. Причем и такими, что при ближайшем рассмотрении, как ни парадоксально, не только не подкрепляют депортационную версию, а наоборот – «работают» против нее. В частности, вы уточняете, что в переизданные не так давно воспоминания А.И. Микояна сюжет о депортации включен не самим мемуаристом, а попал туда благодаря стараниям его сына и редактора этой последней версии – С.А. Микояна, как известно, солидарного с вами по части депортационной версии. То же самое и по мемуарам Н.С. Хрущева, в которых ни единым словом не подтверждается факт подготовки депортации. И хотя с этим вы вполне согласны, тем не менее не упускаете случая привести «выгодное» для вас устное свидетельство П.М. Кримермана. Но даже приняв за чистую монету приведенные им весьма туманные и двусмысленные фразы Хрущева – документов о депортации «не визировал» (то есть не ознакомился с ними, а, значит, и не видел); «все это скорбное, очень спорное дело» – невозможно назвать их сенсационным дополнением к мемуарам бывшего советского лидера.

Считаю излишним для себя комментировать процитированное вами утверждение артиста А. Калягина, ибо и так очевидно, что в основе его лежат расхожие в свое время наивные толки, будто некоторые «добрые» управдомы и дворники, составляя «списки на депортацию», между делом «под большим секретом» ставили об этом в известность соседей-евреев. По той же причине самоочевидной несостоятельности не буду распространяться и по поводу «свежего» «свидетельства» Ф.М. Лясса о случайном обнаружении в залежах макулатуры так называемой «депортационной брошюры» Д. Чеснокова и произошедшей потом при весьма странных обстоятельствах ее утрате. Достаточно отметить одну красноречивую странность: о столь важном «факте» своей биографии г-н Лясс почему-то «вспомнил» только недавно, ни словом не обмолвившись о нем в своей книге «Последний политический процесс Сталина, или несостоявшийся геноцид», изданной в 1995 году в Иерусалиме.

Теперь по поводу «свидетельства» об уничтожении документов МПС о «формировании железнодорожных эшелонов для депортации евреев», полученного вами, как вы пишете, от «сына» покойного прозаика В.П. Ерашова. Что за этим вновь обретенным вами «доказательством» собственной правоты ничего серьезного не стоит, мне стало понятно, когда я выяснил: тот, кого вы называете сыном Ерашова, таковым вовсе не является. На самом деле это – сын его жены, представившийся мне как В.А. Либерман. Когда-то он возглавлял московское бюро международной правозащитной организации «Объединение комитетов в защиту евреев в бывшем Советском Союзе» (UCSJ), но уже давно там не работает. И хотя он заверил меня, что действительно говорил то, что вы потом опубликовали, но так и не смог сказать конкретно: от кого и когда узнал об уничтожении вышеупомянутых документов МПС. Притом, что сам он, по его словам, никакого отношения к этим материалам не имел. Это была моя вторая беседа с этим человеком. Первый наш контакт несколько месяцев назад состоялся также по телефону, когда я приступил к подготовке статьи «Депортация – мистификация». Собственно, тогда я хотел проконсультироваться с В.П. Ерашовым, с которым познакомился еще в 1995 году, когда тот после выхода моей книги «В плену у красного фараона» позвонил мне, чтобы поделиться впечатлениями. Заодно, насколько помню, он долго и подробно рассказывал о собственной книге «Коридоры смерти». В частности, не без профессиональной гордости сообщил, что, хотя материалом к ней послужили исключительно слухи и мифы, он на их основе смог так живо и убедительно сымитировать реалии сталинской Москвы 1953 года, что многие воспринимают сочиненное им фантазмагорическое действо в виде депортации как некое историческое событие. С тех пор мы не общались, но, приступив к подготовке статьи для «Лехаима», я решил возобновить знакомство с Валентином Петровичем и позвонил по продиктованному им когда-то телефону. Трубку снял его пасынок (о нем речь шла выше) и сообщил, что Ерашова уже несколько лет нет на свете. Когда же я попросил назвать дату смерти, он затруднился с ответом, поскольку-де был далек от отчима, не вникал в его творчество и не интересовался оставшимся архивом. С большим трудом мой собеседник все-таки вспомнил, что Ерашов умер в 2000 году, но потом засомневался и, видимо сверившись с документами, уточнил, что это произошло в январе 1999-го.

Столь подробное воспроизведение телефонного разговора с пасынком Ерашова, думаю, поможет читателю правильно оценить степень искренности вашего утверждения о том, что «...сын Ерашова... был хорошо знаком с работой отца» и «подтвердил все то, что говорил мне раньше Валентин Петрович». Но если последний действительно когда-то посвятил вас в то, что его хроника «Коридоры смерти» основана на «реальных фактах, на многочисленных свидетельствах, а также и на некоторых документальных материалах», то почему он все-таки назвал ее «историко-фантастической», а не документальной, как это сделал, скажем, А.М. Борщаговский, на себе познавший, что такое сталинский антисемитизм на практике? После продолжительной работы в архивах этот известный писатель издал правдивую по содержанию и мастерскую по форме **документальную повесть** «Обвиняется кровь». По понятным причинам вы замалчиваете тот факт, что этот авторитетный литератор, друживший с Михоэлсом, Маркишем и многими другими загубленными Сталиным выдающимися деятелями еврейской культуры, отвергает миф о депортации. Не поддавшись провокационной магии расплодившихся во множестве фальшивок, он, досконально изучив документальные источники, совершенно точно передал в своей повести основное содержание реального «еврейского письма» в «Правду», хотя никогда его не видел, считая несохранившимся. А также он очень убедительно предположил, что сам Сталин отверг перед смертью затею с таким письмом.

«Трафаретным и рутинным был замысел письма: осудить преступников, “убийц в белых халатах”, проклясть евреев-врачей, ставших на путь террора, устами

единокровных, твердо заявив, что эти злодеи и отщепенцы чужды советскому еврейству, как никогда преданному партии и великому Сталину. Зловещая резкость, с которой оборвалась эта затея в феврале 1953 года, внезапность запрета публикации... говорили о том, что остужающий и сердитый окрик раздался с самого верха. Сталин не принял привычного подарка, изъявления любви и верности на крови очередных “врагов народа”» (цитирую по книге: Борщаговский А.М. Обвиняется кровь. С. 380).

Но и об этом вы тоже предпочитаете не упоминать. Вставая в позу оскорбленной невинности, вы с негодованием отвергаете факт фабрикации так называемого «еврейского письма» в «Правду», осуществленного вами путем заимствования текста из «историко-фантастической хроники» Ерашова, что наглядно подтверждено мною в статье «Депортация – мистификация». Для объяснения текстуальной идентичности вашего «еврейского письма» с аналогом, представленным в книге Ерашова, вы выдвигаете в общем-то маловразумительную гипотезу о существовании некоего общего прототипа, варианты которого, как надо понимать, ходили по рукам в списках, пока два из них очень близких по содержанию не попали через «неизвестных людей» на глаза вам и Ерашову, после чего и были независимо друг от друга опубликованы. Если все так и было, то сами собой возникают следующие вопросы. Почему вы не осведомились у Ерашова о происхождении его варианта еще в 1990 году, как только тот увидел свет вместе с «Коридорами смерти»? Отлично зная, что ваш и ерашовский варианты похожи как близнецы, почему вы, опытный историк, во избежание могущего возникнуть недоразумения не разъяснили этого деликатного момента при публикации вашей версии, а сделали это только после обвинения в плагиате? И поскольку оба варианта практически идентичны, не проще бы, как заведено при проведении исторических исследований, использовать в этих целях более ранний аналог, а не публиковать свой собственный, причем уже после смерти Ерашова? Лично я не склонен доверять вашему объяснению и не только потому, что оно, так сказать, шито белыми нитками. Главная причина моего скепсиса коренится в недоумении: как вы, опытный историк-профессионал, зная, что проекты настоящего обращения еврейской общественности в «Правду» хранятся в государственном архиве (один из них к тому же был опубликован еще в начале 1997 года), могли пойти по сути на подмену? То есть: выдали за подлинное «еврейское письмо» текст, непонятно откуда появившийся и неизвестно кем созданный – Ерашовым ли, вами, кем-либо другим – текст, отмеченный совершенно очевидными признаками мифологического происхождения.

Завершая комментарий, вы явно лукавите. Цитируя авторскую благодарность на моей книге 1994 года, пытаетесь уличить меня в неискренности, представляя дело так, что тогда я не критиковал вас, будучи заинтересованным в помощи с вашей стороны. Во-первых, я, конечно, признателен за то, что вы, откликаясь на мою просьбу, встретились со мной, и просмотрели главу по «делу врачей» в рукописи книги «В плену у красного фараона». Правда, поскольку работа над текстом к тому времени была уже завершена, практический «выход» от той встречи, откровенно говоря, свелся к тому, что вы передали мне в качестве иллюстративного материала несколько фотографий своего приемного отца и собственную, и я их потом опубликовал. А во-вторых, в последней статье я уже объяснял, что до 1997 года, то есть до публикации подлинного «еврейского письма» и других документов по теме, считал вашу депортационную версию хоть и спорной, но имеющей право на существование. Только убедившись, что она очень далека от науки, я стал открыто заявлять об этом, в том числе и вам, хотя и понимал, что подобная прямота вряд ли может понравиться. Так что наш спор, по крайней мере с моей стороны, носит принципиальный характер и не имеет ничего общего с внутрикорпоративными кулуарными «разборками».

КАКИХ ФАМИЛИЙ ТОЛЬКО НЕТ!

Ἰεὶ ὄαν Ἐῖο

Ὁὰὰααῖ ἄγ δᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶ!

*Ἄ αὐδῖαᾶᾶ 1 8 çà yòîò ᾶᾶ ᾶ çàì αὐᾶᾶᾶ Ἰεὶ ὄαν
Ἐᾶᾶ «Ἀᾶᾶᾶᾶ ἔ ἀᾶᾶᾶ ᾶᾶ» ᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶᾶᾶᾶᾶ Ἰσᾶᾶᾶ, ἔᾶᾶᾶᾶᾶᾶ Ἰᾶᾶᾶ Ἐ.Ἰ.
Ἀᾶᾶᾶᾶ, ἔῖ ὀῖ ὀῖ ἰ ὀᾶᾶᾶᾶᾶ ἰ ᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶᾶᾶᾶᾶ Ἰᾶᾶᾶᾶᾶ ἔ ἰᾶᾶᾶ ὀ ἰ ᾶ ἰ ᾶ ἰ ᾶᾶᾶᾶᾶ ὀ
ᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ὀ ᾶᾶ ἔᾶᾶ Ὀᾶᾶᾶ ἔῖ ἰ ᾶ ὀᾶᾶᾶᾶ Ἰᾶᾶᾶᾶ ᾶ ᾶᾶᾶᾶᾶ ἰ ἰ ᾶᾶᾶᾶᾶ
ἰ ὀ ᾶ ὀ ᾶᾶᾶ ᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶᾶᾶᾶ
ἰ ὀᾶᾶᾶ ᾶᾶ ἰ ὀ ᾶᾶ ἰ ᾶᾶᾶ ᾶᾶ ᾶᾶ ᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶ ᾶᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶ ᾶᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶ ᾶᾶᾶᾶᾶ
ᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶ, ὀ ᾶ ᾶᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶ ὀ ᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶ ᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶ ᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶ ᾶᾶᾶᾶᾶ*

Ἰ ᾶᾶᾶᾶ ἰ ᾶ ἰ ᾶᾶᾶᾶᾶᾶ

ἔ, ἰ ᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶᾶᾶᾶ,

Ἰ ᾶᾶᾶᾶᾶᾶ «ᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶ» -

ἰ ᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶ «Ἰ ᾶᾶᾶ».

(ᾶᾶ. Ἀ.Ἀ. Ἀᾶ ἔ ὀ ᾶᾶᾶ ᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶᾶ ἔῖ ᾶ. Ἰ.: «Ἰ ᾶᾶᾶ», 1977.)

Разные есть фамилии... Но для начала поблагодарим читателя за то, что искажил наш светлый облик через «а» – Кац. Можно ведь, извините, и посредством согласной.

Что? Какой?..

Подумайте головой!

ὉἘῶἈἸ ἘὐἈᾶᾶ, ἈἈᾶᾶᾶ!

Я, Пинхас Коц – дальний и не прямой потомок Аркадия (Аарона) Коца, переводчика «Интернационала». И озаглавил свой труд «Бабель и вокруг». Без местоимения!.. А если уж исказить, следуйте в крайности местным обычаям – «Бабель и вокруг него». Опять-таки жирным шрифтом. С буквою «н» для фонетического комфорта.

Говорят, в веселую минуту (за субботним столом?) Семен Владимирович Высоцкий наградил сына Володю иноземной кликухой Schwanz (шванц – перевожу на кириллицу). И погрузившись в словарь, любознательный Вова выудил хвост, очередь и... да, то самое... на три буквы... нашу фамилию через «п».

ὉἘῶἈἸ ἘὐἈᾶᾶ, ἈἈᾶᾶᾶ!

Впрочем, к Володе Высоцкому обратимся мы в январе, в очередной его день рождения. А пока – небольшая поучительная история с одним нашим близким знакомым, который (знакомый) решил разузнать: откуда взялась его паспортная фамилия?

Ἐὐχὴ ἐὸ ἐαί ὁ Οὐεῖν αἰ ἄ

ἄ ἄἄῶ ÷ ἄῶ ῶῶ

× ἄῶ ῶ ἰ ἄῶῶ (ῶ ὀ ἰ ἔ ÷ ἄῶ ἰ ῶ ἰ ῶ ἰ ῶ)

Это как раз напротив клиники Склифософского, как раз на другой стороне, где магазин «Электроника». Там и стою я, голову ветру подставив, и вам объясняю, зачем должен поэт называться собственным именем.

Если, к примеру, некто родился с фамилией Шульман, – расписываться Шухмин ему уже ни к чему.

Во-первых, с практической точки. Я говорю Шухмин – ко мне адресуются Шухман. Я им Шухмин говорю – Шухман они говорят. Я им кричу Шухмин – они отвечают Шухман. Так для чего же мне имя свое менять?

А во-вторых, поймите, тот, кто читает книгу, – он ведь меня не видит. И мой псевдоним по носу сверить не может. Никак. Разве что в городе Орша укажут ему фотографию в рекламном большом окошке, где выставлен на обозрение образчик фоторабот.

Надо сказать, что в Орше дедушка мой – фотограф. И вывесил в полном составе всю нашу семью.

В центре – бабушка Рая. С обеих сторон – дети: Абрамчик, Арончик, Сема, Додик и мой отец – единственный, кто остался из мальчиков этих живой. Ниже и сбоку – тетки: Софа, Эстер, Рахиль, Лия и, кажется, Фрума – мертвые через одну.

А после – внуки и внучки, сестры мои и братья, двоюродные и родные: Яша, Саша, Илюша, Гриша, Аркаша, Андрюша, Ольга, Олег, Владимир...

И среди них – я.

Представьте себе монгола, пишущего по-русски, который отображает татаро-монгольское иго под псевдонимом Петров... Или, возьмите, Чехов, что написал про еврея рассказ под названием «Скрипка Ротшильда». Знаете, да?

И вот – тот рассказ про еврея (мы фантазируем с вами) он поместил бы в печати под псевдонимом Чехович?..

Чехович, Чехзон, Чехновицер, Чехбурд, Чехменштейн, Чехманович... Кратко сказать – Лермонтович... Лермонтович и Пушкинзон...

Нету у нас фамилии смешней, чем фамилия Пушкин. Недаром, чуть что, поминаем: а думать кто будет – Пушкин? А делать кто будет – Пушкин? А отвечать уж тем более он!

Фамилия на обложке – не слово, не звук и не буква. Фамилия на обложке – математический знак.

То, что написано в книге – в поэме, в пьесе, в романе, в статье, в дневнике, в заметке и даже в научном труде, – это нужно умножить на то, что стоит на обложке в правом верхнем углу или посередине, – на имя и отчество автора.

И на его фамилию. На папу, представьте, и маму. На дом, в котором живет. В котором родился и вырос.

И как результат умноженья получите вы страну, где небо зовется «лифшиц», облако – «рабинович», и значит, по синему «гурвичу» белый «шапиро» летит.

× àñò ù àò í ðàÿ (ñ ÿ ì è ã ò ò ì ì)

Пушкин изображал сестру бессарабского губернатора Мадонной и на руках у нее – младенцем – генерала Шульмана.

В нашем классе было два Шульмана, и мы как-то заспорили: что означает эта фамилия? Шустрый Алик самостоятельно изучал немецкий и сообразил так: Schule, – говорит, – школа, а Mann – человек. И Шульман – получается – ученый человек.

Я обрадовался и вечером доложил бабушке. Она прыснула как девчонка, опровергая Алика. Дескать, чтоб да, так нет! Schule, действительно, по-немецки – школа. А на идише – родном языке наших предков – еще и храм, синагога. Дом учения. Шул.

– А ман? – спросил я.

– А

Mann, правильно, – человек.

– Что ж, Шульман, выходит, – поп?

– Нет! – фыркнула бабушка. – Всего лишь – синагогальный служка.

На другой день я снова схватился с Аликом, но был побежден – и доводами, и кулаками.

Шмыгая носом, побитый, приплелся домой. Бабушка накормила меня, выспросив невзначай, что приключилось. Затем принесла том Пушкина и прочитала вслух «Мою родословную»:

Ñì àÿññì æ àñò í è í í à ã ñ ã ò ò ì ì ,

Í è ñ è è ð ñ ñ è à ò í è ì í è

Ç í à ò ò ì à í ÿ à ð è ñ ò í è ð à ò ò ì ì ...

Í í à è , ì í æ à è ó é , à ç ã ð è à è í è !

Сразу же, с голоса (что звучит во мне по сей день), я выучил эти стихи и утром орал на уроке: не торговал мой дед блинами!.. Наша рыжая Марья Ивановна в обалдении уставилась на меня. Окна дрожали от моего ора:

В - ālāi īōāé è ñòèōī òāīōāō!

В - Īōōēēī īōñōī! Ī ā Ī ōēī!

В í ā āīāñ; í ā òāōāāāī òāō!

В ñāi āīēūōīé! В ì āūāīēī!

– Какая нация! – сказала Марья Ивановна, отдувая рыжую прядь. – Какая нация – жидки-то наши! В них дьявол сидит...

И Алик захохотал – единственный, кто усек, откуда что.

Потому что Марья Ивановна передавала нам «Историю моей голубятни» – рассказ Исаака Эммануиловича Бабеля. Как мальчик поступал в гимназию, декламировал на экзамене Пушкина и учитель – из негодующих и румяных московских студентов, – учитель произнес ту самую фразу, что Марья Ивановна повторила.

Потом она возвратилась к стихотворению, с подробностью объяснив, кто именно смеется над собратом, чей дед торговал блинами, чей – наблещивал сапоги, чей – пел с дьячками...

Тут Алик поднялся с места, излагая наш спор насчет фамилии. Кто прав – он или я? Шульман – ученый человек или синагогальный служка?

– Не знаю. – И Марья Ивановна тряхнула прической. – Разберитесь-ка меж собой...

С тех пор минуло много лет. А еще больше – кануло. Марья Ивановна поседела. Алик сделался крупным ученым – профессором и членкором. А я так и остался – просто Шульман.

Поздняя сноска:

Фамилия Шульман – от библейского имени Суламифь.

ÓĚŪÁÍÈÒĀÑŪ, ĀĀĐĀÈ!

Мы – Пинхас Коц – не академик, не герой, не мореплаватель, не плотник. Но главное – не академик. Потому что даже не кандидат. Не одолели, блин, кандидатский минимум. То есть язык-то – пожалуйста. Хоть английский, хоть немецкий... А вот ихняя философия! С этой... как ее... политэкономией...

Уж бедные родители заклинали нас дальним и непрямым предком, переводчиком-толмачом партийного гимна. Мол, что тебе стоит, Пиня? Товар, деньги, товар – и вся наука! Язык, что ли, отсохнет? Переход из количества в качество как единство противоположностей. Форма содержательна, а содержание формально. На том съезде то, на этом – это!

– Милый, не будь Коцем! – ласково лепетала любимая (с заменой передней буквы). – Экий ты, право, коцоватый...

Но мы, Пинхас Коц, – Пиня из Жмеринки, – мы по-прежнему витали в облаках, пребывая в эмпиреях и объятиях Морфея, подобно другому нашему приятелю с не менее распространенной фамилией:

Ἐσθλὸς εἶμι ἀπὸ δῆλα

Ἰσὶ

Я попал в клинику и никак не мог выйти. Ходил по длинному коридору, оглядываясь на вывески и таблички.

Меня окликнул веселый молодой человек. Мы поздоровались.

– Вы, – сказал он, – странно себя ведете. В чужом доме или в чужой стране надо прежде всего представиться хозяевам. И если интересуетесь, где тут что, – обратитесь к аборигенам. А вы точно заблудились в лесу и ориентируетесь по приметам.

– Петров, – сказал я.

– А моя фами

лия – Сносков. – Он улыбнулся. – Возможно, далекий предок оставил кого-то «с носом», а может – остался сам. Или неаккуратно носил кафтан и армяк – быстро снашивал. Не исключено, что был чересчур покорный – все мог снести. А то, напротив, обладал слишком пылким характером и сносил несогласные головы, как мы сейчас – старые дома.

Он подвел меня к большим стеклянным дверям и махнул в сторону остановки. С подробностью пояснил, что и куда идет.

– Простите, – спросил я, – а чем вы больны?

– У меня рак, – ответил он весело.

И я вышел на улицу.

Но фамилия моя была Гурвич.

УЛЫБНИТЕСЬ, ЕВРЕИ!

Мы, Пинхас Коц, как сказано, – не академик и не кандидат. Не допущены в научные читальные залы. А если кто посещает, гляньте, please, толстую книгу, вроде бы изданную в Израиле, об этимологии еврейских фамилий. Развейте наш доморощенный туман! Почувствуйте разницу между der Schein (свет, сияние, мерцание) и опять же der Schank (торговля спиртными напитками). Или добудьте справку по интернету и поделитесь с нами своими открытиями, как третий наш, одесский корреспондент:

Àðüà-Èáéá

Òáçéè

Самуил Яковлевич Маршак держал молодых поэтов – Ваншенкина и Винокурова – за однофамильцев. Что на идише вайншенкер, то на местном наречии винокур.

ÓËÛÁÍ ÈÒÀÑŪ, ÁÁÐÁË!

Самуил Яковлевич (в смысле – Маршак) собственно персоной вляпался в анекдот. Заспорил однажды с Ботвинником и Кагановичем, кто знаменитей.

Каганович – «железный Лазарь», глава МПС, Наркомпути с портретами на демонстрации и московским метро его имени. Михаил Ботвинник – всемирный шахматный чемпион. Ну а Маршак, известно, – в любой хрестоматии...

Вышли они на улицу – и к первому встречному:

– Эй, мужик, кто мы такие?

– Вы? – Мужик почесался. – Знамо, кто! Вы – яурэи...

Í Á ÍÐΒ×ÛÒÀ ÓËÛÁËÓ, ÁÍÐÍÁËÁ×ÈÒÀÒÁËË!

Александр Воронель – физик, доктор наук, литератор, редактор, диссидент, отказник – и вот напечатал в «Еврейском слове» примечательную статью. С тремя, в частности, детскими эпизодами.

1. Мальчик Саша пошел на день рождения к мальчику Алику и отобрал у него чуть не все подарки. Родители шибко ругали мальчика Сашу.

2. Мальчик Алик пришел к мальчику Саше на день рождения и припрятал тайком едва ли не все подаренные игрушки. Мальчик Саша (кулаками и ревом) вернул законные приношения. Родители шибко ругали мальчика Сашу.

3. «Так что же в итоге? – И мальчик Саша захлопал глазками. – Алику можно, а мне, что ли, нет?!»

Сашины родители опустили глаза.

ÓĚŪÁÍÈÒÁÑŪ, ÁÁĐÁÈ!

Дедушка Коц (не переводчик «Интернационала») сказал мне, своему внуку, в подобной ситуации:

– Пиня, ты старший и сильный, поэтому уступаешь всегда.

Дедушка Коц (как и я, на три буквы) толковал alter по Михоэлсу. Возраст тут ни при чем. Старший тот, кто чувствует себя старшим и заботливым. Сильный – не обязательно мощный (мышцами или разумом), а тот, кто чувствует себя сильным и защитником. Богатый – не, подчеркните, денежный, а тот, кто чувствует себя богатым и щедрым.

ÓĚŪÁÍÈÒÁÑŪ, ÁÁĐÁÈ!

И вот вам, пожалуй, последняя байка. Снова при участии деда.

Мойше Аптекарь

Кто есть кто

I

– Таксисты, – говорил дедушка, – передовой отряд рабочего класса. А еврей, – посмеивался, – авангард местной интеллигенции.

– А если еврей – таксист? – спросил Чарльз Лурье, который переводил дедушку на английский.

– О-о! Это, наверно, жулик.

II

– Еврей... еврей... – ворчал дедушка. – Я такой еврей, у которого местное население спрашивает дорогу.

И действительно! Стоило выйти на улицу – обступали мгновенно. Где то, се, пятое, десятое? Как пройти? Как проехать?

III

Дедушка очень любил Есенина. Помню, я читал ему вслух:

Быть поэтом – это значит то же,

Если правды жизни не нарушить...

– Да, – кивал дедушка, – правильно. – И торжественно произнес в том же размере: – Быть евреем – это значит помнить.

IV

– Деда! – сказал я. – Смотри, какие англичане умные. У них еврей называется «ювелир», «драгоценный».

– Нет! – Он засмеялся. – Ювелир называется «еврей»... Да разве у нас хуже? Вспомни хоть, как твоя фамилия.

– Аптекарь, – сказал я.

V

– Коган, – сказал дедушка, – самая древняя фамилия на земле. В десятом веке до нашей эры на свете, представь себе, обитали Коганы.

– Тридцать веков? – удивился я.

– Да! – засмеялся дедушка. – Теперь понимаешь, как мы здорово всем надоели!

ÓËÛÁÍÈÒÀÑÛ, ÁÂÐÁÈ!

Азохнвей, – говорил дедушка, – это когда муж – рикша, жена – гейша, а сын – Мойша... Все остальное проходит.

Покаяние без прощения

Ñèì ìí Àèçáí òàèü

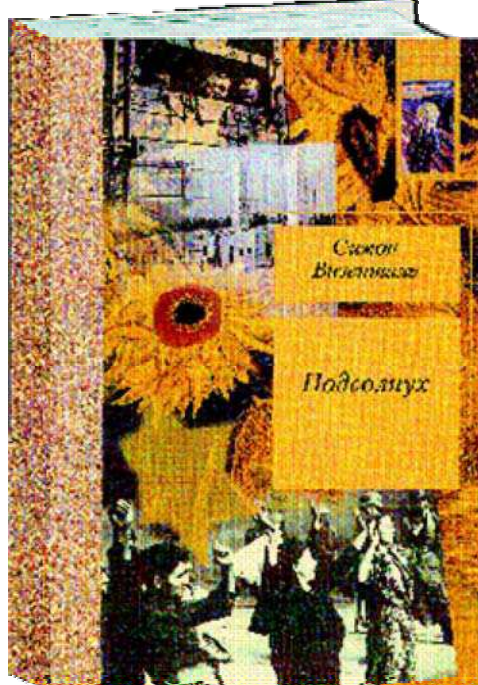
Ï íáñéí óü

Ï íáñòü Ï áð ñíáí.

Ï íñéáñéíáèá À. Ááðááð

Ï . : Óáéñò, 2001. — 191 ñ

Ï àòð Èðáííòèí

Подсолнух... Так было принято у немцев почитать память убитых солдат – сажать на могиле подсолнух. Это, с одной стороны, символ конечности человеческого бытия, с другой – символ непрекращающейся жизни, связь с миром живых, которой, как казалось, у узников лагеря не будет. И герои романа каждый день видели эти подсолнухи, воспринимая их не иначе, как напоминание о близости смерти. Но кто из них и как ее встретит?

В книге известного общественного деятеля, публициста, посвятившего жизнь розыску нацистских преступников Симона Визентала рассказ все время ведется от первого лица. Трагические события второй мировой войны мы видим глазами их участников, представителей военного поколения: узника львовского гетто и члена штурмовой команды СС.

Атмосфера, в которой живут герои романа, насыщена ненавистью. Кажется, непреодолимой тягой к насилию и убийству охвачены все: начиная от исполняющих с удвоенным рвением свои обязанности должностных лиц СС – до польских студентов, еще до войны устраивавших обструкции еврейским учащимся и профессорам. Видимая невозможность влиять на ход событий развивает у людей апатию, отнимает всякую веру, кроме веры в непреложный закон смерти.

И все же взаимопонимание и сочувствие возможны. Всегда. При всех обстоятельствах. Пусть даже речь идет о неожиданном контакте между представителями двух разных миров. Ведь полученные в детстве уроки добра и любви не в состоянии заглушить даже самые страшные обстоятельства.

Судьба эсэсовца Карла едва ли особо примечательна – когда Гитлер пришел к власти, в гитлерюгенд вступали многие. Да и привить науку ненависти в стране, раздираемой экономическим кризисом, каковой являлась тогда Германия, было немудрено. Казалось, большинство из тех, кто стал служить Гитлеру, убивали десятки и сотни тысяч людей не моргнув глазом. Но многие ли достигли той черты, когда убивать уже не могут? И потому не удивительно, что исповедь Карла имела столь неожиданный резонанс. Чем именно неожиданный? Простить – язык не повернется. Тот, кому была уготована судьба выслушать эту исповедь, сам каждый день готов был принять смерть...

Но враг уже повержен, ему воздано сполна. И дело не только в смерти от увечий. Ведь Карл просил прощения у одного из тех, кого его приучили ненавидеть и кого он убивал бы и дальше, если бы не взрыв той роковой гранаты в Таганроге, – прощения просил Карл у еврея. Именно перед смертью Карл признал ошибочность своих убеждений, по сути дела – расписался в бессмысленности своей жизни.

Не стоит удивляться и тому, что этот эпизод в госпитале вызывает у главного героя растерянность. Узник лагеря каждый день видит эсэсовца с плеткой, с автоматом. Но увидеть его беспомощным да еще просящим прощение у своих жертв?

Главный герой и Карл прошли испытание выбором: у каждого он был свой. У Карла – встать на путь ненависти и убийства или нет, и свой выбор он сделал не задумываясь. Да и кто из ему подобных задумывался? Наш же герой так и не мог найти решение.

Итак, палач стал жертвой.

Один из главных вопросов в романе о том, почему одни становятся палачами, а другие – жертвами, хотя Б-г создавал людей из одного материала.

Но прощать ли Карла? Этот вопрос оказался не менее сложным. Каждый из хорошо знакомых Карлу обитателей гетто отвечает на него по-разному. Один из его товарищей, Артур, говорит:

«Ты не можешь простить ему то зло, которое он причинил другим... То зло, что причинили тебе лично, ты можешь при желании простить и забыть. За это ты будешь отвечать только перед собой. Но было бы величайшим грехом взваливать на свою совесть чужие муки».

Будущий католический священник Болек заключает:

«...этот человек стоял на пороге смерти, и у него уже не было времени искупить свое преступление, не было возможности, творя добро и помогая живым, хоть как-то загладить свои грехи перед мертвыми... В нашей религии раскаяние есть важнейшее условие прощения... и ведь он раскаялся. А кроме того, тебе следовало бы подумать о другом: перед тобой лежал человек на смертном одре, и ты не выполнил последнюю просьбу умирающего».

Разные люди, разные религии – и разные мнения. Доведенные бесконечными злодеяниями до края, решение простить воспримут как решение оправдать. Возможно, многие подумают, что раскаяние не было искренним. Могло и не быть той гранаты, которая подвела черту под деяниями героя и, в конечном счете, жизнью. Но расстрел спасающихся от пожара и оказался той последней чертой, за которой – пропасть. Попав в нее, злодей теряет былые силы и, таким образом, из палача превращается в жертву, теряя при этом все инстинкты самосохранения. А ведь от той гранаты можно было и увернуться...

Встреча Карла с матерью погибшего. Вся правда о сыне не сказана. А есть ли смысл говорить ее? Алла Гербер в своем послесловии пытается акцентировать на этом вопросе и отвечает на него неоднозначно. Карла она предлагает простить. Но простить именно неведение того, что он творил. А за кровь невинно убиенных он возмездие

получил. И оно заключается не только в смерти без покаяния. А то, что пришлось просить прощения у того, кто мог бы быть его жертвой, – это ли не возмездие?

Но воспоминания Аллы Гербер, приводимые ею в послесловии – напоминание о том, что опасность не миновала. Они – напоминание и о том, что сталинский режим недалеко ушел от гитлеровского. Это и ее рассказ о детстве, когда пришлось носить передачи отцу, это и воспоминание о набегах представителей общества «Память» и РНЕ... Ее послесловие так же, как и сам роман, призывает нас не бояться сопротивляться злу, не позволять себе слепо подчиняться заблуждениям эпохи. Вообще же «Подсолнух» – это предостережение, своего рода «Преступление и наказание». Безусловно, масштабы убийства несопоставимы да и мотивы разные. Но в сущности, наказания во многом схожи.

любовью, не скрывая своей привязанности и безграничного почтения. Один из его современников вспоминал, как Корчак мыл ноги своей старушке-матери и, вытерев их полотенцем, поцеловал.

Оглушительная боль сиротства ощущается на всем протяжении истории о маленьком короле-реформаторе, рано оставшемся круглой сиротой. И хотя маленький Матиуш – король, он просто одинокий, брошенный ребенок, чужой в своем королевском дворце. Королевское звание не только не дает ему преимущества перед другими детьми, а наоборот, он не может как другие играть с ними на улице, не может поиграть в снежки или покататься на коньках. Сказка и начинается страницами гнетущего ожидания несчастья, когда на глазах ребенка умирает отец-король.

«Король лежал на кровати очень бледный и тяжело дышал, возле короля сидел тот славный доктор, который лечил Матиуша, когда Матиуш бывал нездоров.

– Папочка, папочка, – крикнул Матиуш со слезами, – я не хочу, чтобы ты умер!

Король открыл глаза и грустно посмотрел на сына.

– И я не хочу умирать, – сказал он тихо, – не хочу, сынок, одного оставлять тебя на свете.

Доктор посадил Матиуша на колени, и больше никто не сказал ни слова. А Матиуш вспомнил, что однажды уже сидел на коленях так у кровати. Тогда отец держал его на коленях, а на кровати лежала мама, такая же бледная и так же тяжело дышала. «Папа умрет, как мамочка умерла», – подумал Матиуш. И страшная печаль сдавила ему грудь».

Мотив горькой участи сироты звучит постоянно и в первой повести-сказке «Король Матиуш Первый», и в ее продолжении «Матиуш на необитаемом острове». Уже став старше, несправедливо отправленный на необитаемый остров, мальчик рассуждает: «Люблю ли я родителей? Можно ли любить умерших? Почему я сирота? У столько детей есть родители, а у меня нет. Если бы отец был жив, все было бы иначе. А маму я почти не помню. Фотография ее очень потерялась, но я не огорчаюсь. Даже лучше. Потому что, раз мама умерла, ее фотография тоже должна быть немного потертая».

С особой горечью написана глава, где погибает старая канарейка юного короля – единственное, что у него осталось от родителей: «Канарейку подарила ему мама, которая уже умерла, птичка столько лет находилась в кабинете его отца, который тоже умер. Это была дареная канарейка. А памятные подарки чтят не только короли».

Несчастный ребенок тайком от стражи устраивает канарейке пышные похороны, даже вырезает мертвой птичке корону из золотой бумаги, «чтобы было известно, что это не простая канарейка, а королевская». И гибель птички навеяла мальчику особую тоску по родителям. Он даже смастерил целое кладбище, где кроме могилки канарейки соорудил символические могилки отца и матери.

Матиуш – ребенок, он бы долго еще оставался ребенком, если бы не тяжелые обстоятельства. Он завидует мальчишкам, которые играют за оградой королевского сада, просит государственного секретаря перенести на один день заседание парламента, потому что выпал снег и очень хочется поиграть в снежки. Когда юному королю очень тяжело, он возвращается к любимым кубикам и к полузабытому пыльному паяцу.

И опять сказка возвращает нас к жизни писателя. Известно, что он долго играл в кубики, но однажды, в четырнадцать лет, записал в дневнике: «Я существую не для того, чтобы меня любили и мною восхищались, а чтобы самому действовать и любить. Не долг окружающих мне помогать, а я сам обязан заботиться о мире и человеке».

Так и король Матиуш вынужден рано понять, что такое долг, какая это ответственность – отвечать за других. И он делает все от него зависящее, оставаясь при этом ребенком: издает указ о том, чтобы детям давали шоколад, создает детский парламент. А на недовольство тех, что постарше, почему и у них нет своего парламента, резонно отвечает: «Я начал с детей, потому что я сам еще маленький и лучше знаю, что нужно детям. Сразу всего сделать нельзя. Сейчас у меня много работы. Когда я вырасту, и мне исполнится пятнадцать лет, и у детей уже будет порядок, я займусь вами».

Основополагающая мысль писателя и педагога Корчака – это абсолютная ценность детства. Не из соображений будущего, полезности в будущем для кого-либо и чего-либо, а ценность детства сама по себе: «Если поделить человечество на взрослых и детей, а жизнь – на детство и зрелость, то детей и детства в жизни много, очень много. Только погружаясь в свою борьбу, в свои заботы, мы не замечаем их, как не замечали раньше женщину, крестьянина, закабаленные классы и народы. Мы устроились так, чтобы дети нам как можно меньше мешали и как можно меньше догадывались, что мы на самом деле собой представляем и что мы на самом деле делаем». Отсюда стремление уважать ребенка, его равноправие, серьезное отношение к его делам и переживаниям.

«Те, у кого не было безмятежного, настоящего детства, страдают от этого всю жизнь, – считал он. – Ребенок – не задаток человека, а настоящий человек, хотя и в другом измерении... Ребенок не будет, ребенок уже есть человек».

В предисловии к другой своей детской книге – «Когда я снова стану маленьким» – писатель, обращаясь к взрослым, заявляет:

«Вы говорите:

– Дети нас утомляют.

Вы правы.

Вы поясняете:

– Надо опускаться до их понятий.

Опускаться, наклоняться, сгибаться, сжиматься.

Ошибаетесь.

Не от этого мы устаем. А оттого, что надо подниматься до их чувств.

Подниматься, становиться на цыпочки, тянуться. Чтобы не обидеть».

Вот почему в сказке король Матиуш так заботится о равноправии детей, создает детский парламент, придумывает даже детское знамя: «А может, сделать так, чтобы у детей всего мира – белых, черных, желтых – знамя было одного цвета?» Знамя должно быть зеленым: это цвет надежды. И дети Корчака из «Дома сирот» сделали это знамя. Они

несли его впереди, когда совершали свой последний путь в газовые камеры фашистского концлагеря.

Но писатель никогда не идеализировал детства. Он много раз говорил об этом в своих выступлениях по варшавскому радио, писал в знаменитой книге «Как любить ребенка», размышлял о детях в своем дневнике. Мало кто говорил о детях так строго.

«Среди детей, – писал Корчак, – столько же плохих людей, сколько и среди взрослых. Все, что творится в грязном мире взрослых, существует и в мире детей... Воспитатель, который приходит со сладкой иллюзией, что он вступает в этаким мирок чистых, нежных, открытых сердечек, чьи симпатии и доверие легко сыскать, скоро разочаруется».

И в сказках о короле Матиуше мы не раз встретим доказательства этих слов. Сказки лишь иллюстрируют правильность утверждений великого педагога. Матиуша ведь предали не только министры и соседние короли, его подвел не только журналист, которому он доверял. Его предал и первый друг Фелек. Да и дети – депутаты парламента – не показали себя лучше. Они без конца ссорились, обвиняли друг друга, ябедничали. Тогда, в первой сказке, Матиуш еще не видел в этом большой беды, иначе он не позволил бы детям, самонадеянно пытавшимся всюду заменить взрослых, испортить станки на фабриках, разворовать магазины, способствовать началу войны и полному краху государства.

Когда его друг Грустный Король – единственный доброжелательный взрослый, не может понять, почему он добровольно покидает королевство и хочет в одиночестве жить на необитаемом острове, Матиуш отвечает: «Я думал, что дети добрые, только несчастные. А оказывается, дети злые. Не хочу, чтобы ты думал, что я чего-то испугался или мне надоело, поэтому я так говорю. Но пусть это останется между нами. Я не знал, а теперь знаю. Дети плохие, очень плохие. И я плохой. Плохой и неблагодарный. Пока я боялся министров, церемониймейстера, гувернера и кого-то там еще, – я слушался и сидел тихо. А как только я сделался настоящим королем, я наделал глупостей и теперь страдаю. И не только я, из-за меня страдает столько народу».

Теперь уже этот повзрослевший духовно маленький король гневно заявляет: «Дети нехорошие, несправедливые, лживые, злые. Если какой-нибудь ребенок заикается или немного косит, или рыжий, или немного прихрамывает, или у него кривое плечо, или он наделает в штанишки, сразу его дразнят. Кричат: слепой, хромой, горбатый, высмеивают. Десятилетние высмеивают восьмилетнего, двенадцатилетние не хотят играть с десятилетним. Увидят у кого-нибудь что-нибудь интересное – стараются или выманить, или обмануть. Если видят, что какой-нибудь ребенок поумнее, завидуют, мстят ему».

Известно, что когда Януш Корчак был ребенком, он казался посторонним очень странным: был тих, задумчив, и отца это сердило, он называл сына разиней, и только бабушка заступалась за внука, утверждая, что он – «философ». Став педагогом и писателем, беззаветно любящий детей, он определял их главные черты как философичность и поэтичность. В своей книге «Правила жизни. Педагогика для детей и взрослых» он утверждал: «Поэт – это такой человек, который сильно радуется и сильно горюет, легко сердится и крепко любит, который глубоко чувствует, волнуется и сочувствует. И дети такие.

А философ – это такой человек, который глубоко вдумывается и обязательно желает знать, как все есть на самом деле. И опять дети такие.

Детям трудно самим сказать, что они чувствуют и о чем думают, ведь приходится говорить словами. А еще труднее написать. Но дети – поэты и философы».

Таков и король Матиуш. Оказавшись в одиночестве на необитаемом острове, получив время для размышлений, он стал другим: «Матиуш стал философом, то есть человеком, который обо всем думает и ничего не делает. Но философ не бездельник: мышление – это тоже работа, даже очень трудная работа. Обыкновенный человек видит лягушку, но это не останавливает его внимания. А философ размышляет: “Для чего Бог создал лягушку? Ведь быть лягушкой так неприятно”.

Обыкновенный человек, если его кто-нибудь заденет или надоест ему, – начинает злиться, дерется или обороняется, а философ думает: “Почему этот человек такой задиристый и любит приставать?”

Обыкновенный человек, если видит, что у кого-то есть что-нибудь хорошее, или завидует, или старается приобрести то же самое, а философ думает: “А может быть так, чтобы каждый имел все, что хочет?”»

И мальчик размышляет обо всем, что попадает ему на глаза: что происходит, когда человек спит? Почему человек растет и стареет? Как человек умирает? Почему муха может ходить по потолку, а человек сразу бы упал и разбился? Канарейка поет словами или нет?

Матиуш стал понимать многое, чего раньше понять не мог, хотя ему и объясняли взрослые, и ему одному не скучно. Он и об этом размышляет и придумывает себе маленьких человечков, которые поселяются в голове и помогают все понять. И когда в голове или в сердце больше грустных человечков, делается грустно, а когда больше веселых, делается весело.

Размышляет Матиуш и о Б-ге: «Вот, например, молитва. Что это такое? Как Б-г может знать, о чем думают люди? Значит, есть один маленький человечек в каждом человеке, может быть, он и есть то самое, что называется душой или совестью?»

Такие философские «вставки» не случайны. Они выстраданы всей жизнью Януша Корчака. Вот как дерзко говорил он, обращаясь к своим воспитанникам:

«Мы не даем вам Б-га, ибо каждый из вас должен сам найти его в своей душе.

Не даем Родины, ибо ее вы должны обрести трудом своего сердца и ума.

Не даем любви к человеку, ибо нет любви без прощения, а прощение есть тяжкий труд, и каждый должен взять его на себя.

Мы даем вам одно – даем стремление к лучшей жизни, которой нет, но которая когда-то будет, к жизни по правде и справедливости.

И может быть, это стремление приведет вас к Б-гу, Родине и Любви».

Можно ли сказать, что такие книги, как сказка Януша Корчака, помогут детям стать человечнее, умнее, внимательнее к жизни? Несомненно. И образ маленького короля – справедливого, доброго, мужественного, с остро развитым чувством собственного достоинства, – станет им близким и родным.

Книги Корчака, разумеется, детские. И потому, что их главный герой – ребенок, и потому, что в них очень динамичный сюжет. Тут есть и участие детей в войне, и погони, и опасности, и путешествия в далекие страны, и трогательные моменты, которые заставят ребенка плакать над книжкой, и особенный корчаковский юмор, необыкновенно разнообразный. Иногда такой юмор вызван неопытностью, мальчишеской самоуверенностью героя, например, когда Матиуш пишет обращение к побежденным королям: «Ваши королевские величества! Я вас победил и не взял никакой контрибуции, а теперь прошу, чтобы вы мне одолжили денег. Так что не будьте свиньями и одолжите».

Порой подобные юмористические блестяшки порождают невежество и дикость вновь обретенных Матиушем друзей в далеких странах, похваляющихся тем, что их львы за день съедают больше людей, чем весь королевский двор за месяц. Или когда негритянский король Бум-Друм был так растроган приездом Матиуша, что в порыве гостеприимства попросил его выстрелить в цель: в свою старшую дочь. А когда Матиуш отказался, тот так разобиделся, что «стал кувыркаться с печальным видом».

Правда, король дикарей успокоил гостя: «У нас уже тридцать лет не едят людей. Последнего человека съели сорок лет назад. И это был исключительный случай. Он был большой лентяй, притом шалопай, так что от него никакой пользы не было. А так как он был жирный, то, когда его пятый раз судили за то, что он ничего не хочет делать, все единогласно решили, что его надо съесть».

Часто смех вызывает описание нелепых законов, много лет царящих в королевском дворце. И, как всегда у Корчака, юмор это одновременно и печальный.

«Когда доктор увидел, каким худым и бледным стал юный король, да тот еще сказал, что вчера харкал кровью, он еще больше забеспокоился, осмотрел Матиуша, но выяснилось, что это не чахотка, что у Матиуша выпал зуб, поэтому у него шла кровь.

– Где этот зуб? – спросил церемониймейстер.

– Я выбросил его в корзину для бумаг.

Церемониймейстер ничего не сказал, но подумал: “Хорошие наступили времена! Королевские зубы выбрасывают на помойку”. Так как в придворном этикете было сказано, что королевские зубы должны быть оправлены в золото и сложены в ящик, выложенный брильянтами, а ящик должен храниться в сокровищнице».

Как и всякий ребенок, Матиуш часто подражает взрослым, будь это даже дикари. Вернувшись из поездки в далекие страны, он вызывает с отчетом своих министров.

– Железные дороги исправлены?

– Исп

равлены, – говорит министр.

– Это хорошо, а то иначе я приказал бы сварить вас в крокодиловом соусе. А новых фабрик много построено?

– Много, – говорит министр промышленности.

– Это хорошо, иначе я сделал бы из вас жаркое, начиненное бананами.

Самые смешные сцены – те, в которых показаны неумность детей, их озорство, наивность, уверенность в себе, будто это разыгрывается на войне, где две вражеских армии переругиваются между собой:

«– Ваш король сопляк, – кричат из неприятельского окопа.

– А ваш – старый сморчок!

– Сами вы сморчки! У вас сапоги дырявые.

– А вы голодные глотки. Бурду пьете вместо кофе.

– А ты приди, попробуй!

– Как возьмем вашего в плен, так зубами застучит!

– А вы голодранцы!

– А вы славно от нас удирали!

– А мы вам напоследок всыпали!

– Стрелять не умеете. Вам бы только ворон бить!

– А вы умеете?

– Конечно, умеем!

Рассердился Фелек, выскочил из окопа, повернулся спиной к ним, нагнулся, подобрал шинель и крикнул:

– А ну, стреляйте!

Грянуло четыре выстрела, но пули пролетели мимо.

– Эх вы, стрелки!»

Еще смешнее и одновременно тревожнее та сцена, где депутаты детского парламента высказывают свои требования королю. Читатели смеются, но понимают, что королю никогда не выполнить всё, что он услышал.

«– Я хочу голубей держать!

– А я – собаку!

– У всех ребят должны быть часы!

– Пусть нам не запрещают звонить по телефону!

– Не хотим, чтобы нас целовали!

– Сказки пусть рассказывают!

– Мы любим колбасу!

– Зельц!

– Не хотим рано ложиться спать!

– Каждому – велосипед!

– И свой шкафчик!

– И карманов побольше. У моего отца тринадцать карманов, а у меня только два! И ничего не помещается, а потеряешь платок – ругают!

– Свистки хотим!

– Револьверы!

– В школу на автомобиле ездить!

– Долой девчонок и малышей!

– Я хочу быть волшебником!

– Всем – по лодке!

– Каждый день хотим в цирк ходить!

– Чтобы каждый день была Пасха!

– И Первое апреля!

– И Рождество!

– Всем детям – по отдельной комнате!

– Хотим умываться туалетным мылом!

– Душиться духами!

– Чтобы каждый имел право раз в месяц разбивать окно!

– Разрешить курить!

– Долой контурные карты!

– И диктанты!

- Установить день, когда взрослые будут сидеть дома, а дети ходить, куда хочется!
- Пусть королями везде будут дети!
- Взрослые пусть ходят в школу!»

Сказки Корчака не только воспитывают чувства, но и содержат в себе немало познавательного. Читатель вместе с маленьким королем узнает, как сражаются на войне, как устроен парламент, как делается газета, и многое другое. Все, что читатели могут не понять, поясняется прямо в тексте: «этикет – это значит, что так всегда поступали короли, и новому королю нельзя делать иначе, потому что, если он хотел что-нибудь сделать иначе, он потерял бы честь и все перестали бы его бояться и уважать».

Когда изменнику – государственному секретарю заменяют тюрьму домашним арестом, писатель поясняет: «Это означает, что он сидел дома и ему не разрешалось в течение месяца выходить на прогулку; он только приезжал к Матиушу в канцелярию, потому что без него Матиуш не мог справиться с делами».

Чаще всего пояснения исходят от самого автора, но иногда действующие лица сами объясняют многое юному королю. Так, учитель географии говорит Матиушу, недоумевающему, почему острова, на который его собираются сослать, нет на карте:

«Вас удивляет, Ваше королевское величество, что острова нет на карте? Сейчас объясню. На карты наносят только большие острова, ибо все не поместились бы. Если есть на карте хоть маленькая точка, это значит, что остров большой. Мой островок имеет только три километра в длину, следовательно,

он очень мал».

И все же книги этого писателя – не только для детей. Каждый взрослый почерпнет из них многое о ребенке, заставит задуматься, правильно ли он воспитывает своих детей, поможет понять их сложный мир, надежды и огорчения. И напрасно в издательстве «Захаров» по совершенно необъяснимым причинам выбросили вступление Януша Корчака к сказке «Король Матиуш Первый». А ведь автор там говорит:

«Взрослые не должны читать мою повесть, так как в ней есть главы, для них неподходящие, они не поймут их и будут высмеивать. Но если уж непременно хотят, пусть попробуют. Ведь взрослым нельзя запретить, потому что они могут не послушаться, – и кто может им что-нибудь сделать?»

Взрослые примут это как очередную горькую шутку великого педагога, прочтут книгу вместе с детьми и получат от этого не только удовольствие, но и пищу для размышлений.

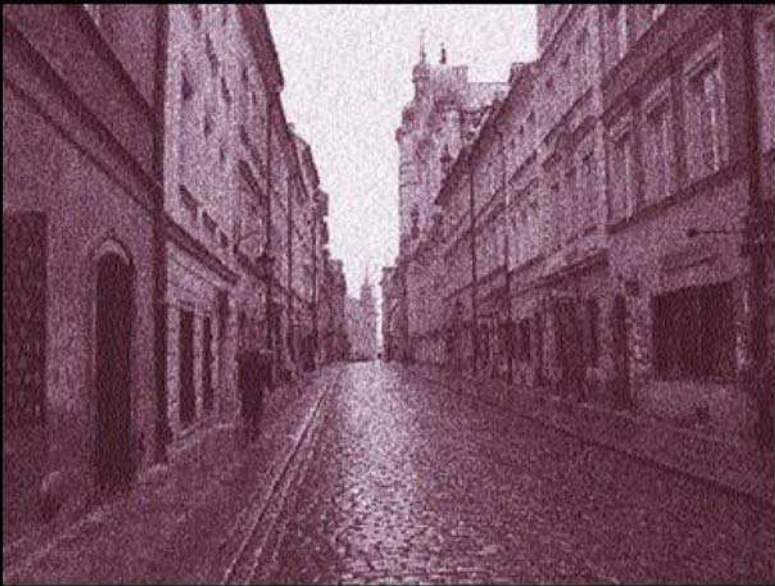
Неясно также, почему издательство выбросило такое важное вступление писателя, в котором он объясняет, почему книга открывается не портретом старого Корчака, а фотографией маленького Генрика Гольдшмидта (Януш Корчак – это его псевдоним). А ведь это вступление – ключ к пониманию всей сказки:

«Когда я был такой, как на этой фотографии, я сам хотел совершить все, о чем тут написано, но потом забыл, а теперь стал уже стар. И нет у меня ни времени, ни сил,

чтобы вести войну и ездить к людоедам. А фотографию такую дал я потому, что важно то время, когда я хотел стать королем, а не то, когда я писал о короле Матиуше. И думаю, что лучше давать фотографии королей, путешественников и писателей, когда они не стали еще взрослыми и старыми, потому что в этом случае может показаться, что они всегда были умными и никогда не были маленькими. И дети могут подумать, что они не могут быть министрами, путешественниками и писателями, а это неправильно».

Почему-то издатели называли книги о короле Матиуше романами, хотя это вовсе не романы, а литературные сказки, повести-сказки. И сам Корчак называл свои книги повестями.

Издатели изобрели также термин «классический перевод». Однако, насколько нам известно, такого жанра в литературе не существует. Видимо, так сделано для большего привлечения интереса к книгам, а это уже лишнее.

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2002 КИСЛЕВ 5763 –
11(127)

ВАРШАВА, МАРТ 1968 ГОДА

А. Еддэі

*Օգնի է անի է թիկյեթյ յ իի
անթանեի սեծաի, անթեանի ա
չաի ճառեսարսօր իիւնթօր ճաւ..*

*Ի իե թիանդիւե չաիան սոսւ-սոսւ իիիեթեթյ, է յ սեա ի իա իոանեծւ անեանօ ի
օճաի անեիի ի անթոնօ, էիօիօիէ իի-օն անանի ի ճիանեանե իսեիի.*

Ի իօն է ի անի անի անօ

Не было у меня предчувствия, ожидания чего-то необычного. Напротив, я отправлялся в Польшу с надеждой на минимум каких-либо событий, сюрпризов. Да и откуда им взяться в едва знакомой стране среди людей, чаще всего не очень-то склонных откровенничать с чужими. А чужим я уже здесь побывал, когда в войну наша дивизия, преодолев залитые дождями и кровью Карпаты, вышла в южную Польшу и, переводя дыхание, глазела по сторонам. Возможностей озираться хватало. Не хватало возможностей понять. И не только из-за туго дающегося, несмотря на славянские корни, языка.

Страна эта яростно сопротивлялась немецкой оккупации. Действовали две зачастую враждующие силы – промосковная Армия Людова и пролондонская Армия Крайова. Однако почему АК враждует с более сильной АК, ежели наша страна сражается против Германии в союзе с Англией и США?

Самих поляков терзали вопросы: кого и как станет поддерживать новая власть, доставленная из Москвы?

Однажды субботним вечером в домик на окраине Едличе, где мы обитали, стараясь не слишком стеснять хозяев, нагрянули четверо поляков. В сумке у одного – бимбер (самогон), кошанка (кровяная колбаса) и еще что-то из закусок. Визит неспроста. Гости хотели уразуметь, что ждет страну и их самих. Грозят ли колхозы?

«Встреча в верхах», боюсь, не слишком удовлетворила пришельцев. Бимбер не мог размыть языковой барьер, преодолеть настороженность в вопросах, недосказанность в наших ответах. Да и много ли понимали мы сами, пехотные офицеры с маленькими звездочками на погонах?

Приглядчивость, настороженность давали себя знать и когда я спустя почти четверть века приехал в гости к варшавскому другу Земовиту Федецкому – специалисту по советской литературе, сотруднику журнала «Твурчость».

Целыми днями слонялся я по варшавским улицам, вслушиваясь в завораживающую польскую речь. Выдохнувшись, шел в редакцию за Федецким, и мы отправлялись обедать. Мой словарный запас чуть-чуть пополнился, и я уже мог оценить

анекдот о трамвайном маршруте, который почти ежедневно проделывал пешком. Сперва «Москва» (кинотеатр), потом тюрьма (на улице Раковецкой) и, наконец, «петля», то есть конечная остановка.

Дальше анекдотов редко когда шло. Хотя друзья Федецкого по редакции и по студенческому Сатирическому театру – он был одним из его руководителей – вряд ли испытывали ко мне персональное предубеждение. Но я – невольный посланец могучего соседа, бесцеремонно вторгшегося в судьбу страны с трагической историей буферного государства.

Федецкий поддержал вдруг осенившую меня идею махнуть в какой-нибудь Дом творчества. Путевки стоили гроши, и мой выбор пал на Крыницу – холмистый городок на юге.

Утром, еще до рассвета, садишься в автобус, вечером, уже затемно, прибываешь в пункт назначения.

Все так и шло. Не считая происшествия в городе Кельце, где я на стоянке покинул автобус, выпил чашечку кофе и, чувствуя свою самостоятельность, вернулся на место. Полез в набитый под завязку портфель за очками. Нет. И под сиденьем нет. И за спинкой. Ладно, не беда. В пути отыщу.

В пути обнаружилось также исчезновение «паркера» и бритвы «Браун».

Все три предмета были необходимы. Их покупка наносила удар по моему бюджету.

В немногочисленном Доме творчества это стало сенсацией номер один. У «пана с Москвы» такая пропажа! И, конечно же, в «холерных Кельце».

Я смиренно выслушивал соболезнования, но не мог взять в толк, почему Кельце – «холерные».

Сознавая свою языковую неполноценность, я избегал вопросов. Так или иначе выяснятся причины уклончивости сострадающих мне собеседников. Изволь привыкать: в чужой стране нет у тебя права на чью-то откровенность. Война создавала ощущение одиночества. Но и оно не исключало недоверия.

Однако именно в Крынице, уже забывая Кельце и их «холерность», я получил ответ, относительно близкий к правде. По крайней мере, по тем временам, когда искренность была не в чести при отношениях с нашими собратями по так называемому «социалистическому лагерю».

Пани Мария, профессор-историк, слыша в очередной раз, как мне талдычат про «холерные» Кельце, дождалась, пока мы остались вдвоем и докторально объяснила: в этом городе после войны учинили еврейский погром. Такой позор не согласуется с благородным образом народа, который дольше и упорнее любого другого сражался с нацизмом, поддерживал восстание еврейского гетто в Варшаве, сохранил о нем трепетную память. И так далее, и тому подобное.

Пани профессор сносно изъяснялась по-русски. Читала московские журналы, прежде всего «Новый мир», знала о передрягах, уготованных ему и его авторам, о

шумихе, раздутой вокруг статьи, где я пытался доказать, что и для истории и для литературы, обращаясь к ней, факты важнее легенд.

Пани профессору такая точка зрения была близка. Однако прежде чем заняться историей, она, подобно многим другим, заплатила дань легендам.

Сидя в гостиной, мы попивали кофе, и я слушал рассказ женщины, в молодости оставшейся вдовой с малолетней дочерью. Муж – видный коммунист, после присоединения восточной Польши к Советскому Союзу депутат Верховного Совета, находился в Москве, когда Германия напала на СССР, вскоре был подготовлен к заброске на родину, но погиб на Внуковском аэродроме при неудачном взлете самолета... Пани Мария, оставив дочь на попечение своей матери, ушла в лес, в отряд Армии Людовой, потом занимала кабинет в Центральном Комитете, потом, нагледевшись и наслушавшись всякого, вышла из партии, защитила диссертацию... И так далее, и тому подобное.

Погром в Кельце – не только трагедия евреев, но и несмываемое пятно в истории послевоенной Польши.

Кто учинил? О, это – одна из тайн, какими богато недавнее прошлое страны. И настоящее. Не надо удивляться. Многие из свершающегося тоже составляет тайну.

Так все-таки кто же устроил погром?

По официальной версии, люди из АК. Почему «по официальной»? Потому, что необходим кто-то, на кого власть списывает свои оплошности, неудачи, провалы.

Обычно для этого всего удобнее евреи. Но не спишешь же на них еврейский погром. Остается Армия Крайова, вечно в чем-то виноватая.

Пани профессор вздохнула и отодвинула пустую чашку, положив на нее сверху ложечку. Если бы ее Тодек не погиб на «холерном» советском аэродроме, он бы этого не допустил.

Чего, простите, «этого»?

Ни погрома, ни секретного рассл

едования.

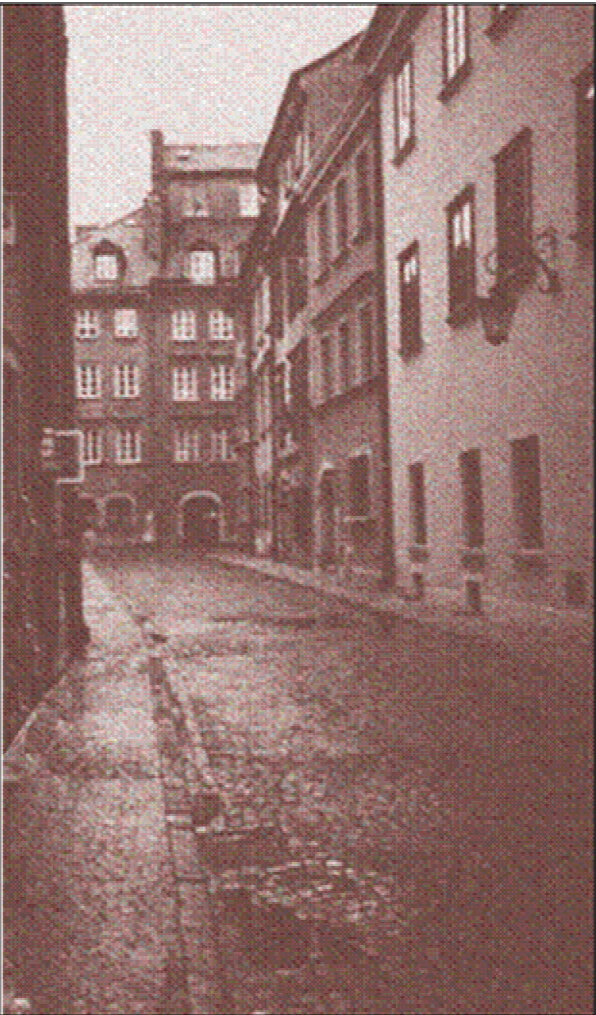
Я молчал. Пауза затянулась. Ее нарушила сама пани Мария.

Раньше она часто думала: «Будь Тодек жив...» Сейчас уже не думает. Его бы... в русском языке есть выразительное слово... Да, да, именно «схарчили». Русский язык так богат...

Ī āđīāī āy đāīī ōāēēā – ĩī à æá «Ī āī űēāy Ī ĩēūōā»

(ĳ āđāī āūāī ēā ā ĳ đīīđō đāī đō āī ē āđāī āī ē)

Рукопись, прихваченная мной в Крыницу и не соблаздившая келецкого похитителя, ни малейшего отношения к Польше не имела. Мне и в голову не приходило

писать что-либо об этой стране, погружаясь в ее недавнюю историю, вспоминая фронтовые будни.

Но решали тут не столько личные намерения, даже не напор и укоризна однополчан.

В 60 – 70-е годы, повинуюсь каким-то негласным законам, ожила память о войне. Возникла уверенность, потом выяснится, иллюзорная: бьет час правды и справедливости; если не сейчас, то когда же, если не мы, то кто же... Из этого, среди всего прочего, следовало: надо сказать о людях, которые, подвергая себя смертельному риску, спасали советских раненых. А в Саноке, ненадолго захваченном противником, и наших медсестер. Для расправы много времени не требуется. В Кельце тоже, кстати сказать, управились быстро...

Вопреки намерениям, вопреки зароку, данному на исходе марта 1968-го, я снова отправлюсь в Польшу, снова открою ее для себя, убеждаясь, что наши суждения о ней и ее истории зачастую в лучшем случае приблизительны.

«Панская Польша» слыла извечным недругом страны Советов. «Белополяки» – расхожее клеймо. (Впрочем, и финны в 1939 году обратятся в «белофиннов».) Неприязнь к полякам отличалась особой стойкостью. Даже к доказавшим свои просоветские убеждения. Польскую компартию распустили. Втихаря из Красной Армии уволили большинство командиров-поляков. В 1939-1940 годах после раздела страны с Гитлером войдут в обиход массовые депортации. Плюс к тому сокрытие правды об Армии Крайовой, Катыни, Варшавском восстании и «малой гражданской войне» мирного уже времени.

Когда в конце сорок четвертого года в Едличе нам нанесли субботний визит четверо поляков, надеясь в застольной беседе с «товажищами лейтенантами» прошупать обстановку, о которой сами «товажищи» имели смутное представление, я успел шепнуть приятелям: негоже будет, коли, тятнув, мы запоем «помнят псы-атаманы, помнят польские паны...»

Помнить кое-что не грех было, к слову сказать, нам самим.

Бредовая идея устроить прорыв через «бело-панскую» Польшу в «пролетарскую» Германию и таким манером двинуть на Запад мировую революцию приказала долго жить.

Польский революционный комитет (Польревком), созданный на волне наступления Красной Армии, возглавляемый Ю. Мархлевским, Ф. Дзержинским и другими поляками-москвичами, когда это наступление сменилось отступлением, прекратил существование.

После различных событий и дипломатических ухищрений польско-советская граница в конечном счете установилась по «линии Керзона».

Идея интернационализма, в разное время привлекавшая многих, в конце концов безжизненно повисла в воздухе. Еще одна утопия, сулившая сказочную жизнь, но лишенная шансов сбыться. По крайней мере, в том виде, в каком ее взлелеяли коминтерновцы, ничему не научившиеся на опыте Польревкома и других аналогичных затей.

...Мне предстояло вникнуть в запутанную биографию с множеством затененных мест, берущую начало на варшавской окраине. В биографию генерала Вальтера (Кароля Сверчевского), совмещавшего коминтерновскую деятельность с войсковой разведкой, командира интернационального соединения в битвах на Пиренейском полуострове. Прославленный герой испанской войны, «таинственная сила Коминтерна», как утверждала английская газета, он в своих донесениях, не стесняясь, писал и о собственных промахах и об ошибках наших советников, о национализме, разъедавшем интернациональные бригады. О «мелкой, мерзкой вонючей грызне и национальном превосходстве одних наций над другими».

Он не отказывался от утопических идей, поддерживая свою веру водкой – советской, испанской, польской. Но не желал, пускай этого и требовали, делить соратников и подчиненных по национальному признаку.

Уже после войны Сталин, вызвав Вальтера для доверительной беседы, предложил ему, вице-министру обороны Польши, портфель министра общественной безопасности. Он вытянулся, стукнул каблуками надраенных сапог (чистку никому не доверял, только собственноручно): «Я всегда был солдатом. Но никогда полицейским. Избавьте меня».

Избавили. А вскоре, в марте сорок седьмого, он погиб в Бещадах при неясных по сей день обстоятельствах.

Министерство общественной безопасности, ведя «малую гражданскую войну», боролось с поляками, причастными к Армии Крайовой. Едва ли не все департаменты этого ведомства возглавляли евреи, прошедшие выучку на Лубянке и в ее филиалах. Как раз в то время, когда на Лубянке и в филиалах велась «ариезация», то есть чистка по пятому пункту.

Обвинение «аковцев» в погроме особенно гнусно, ибо Армия Крайова пыталась – не всегда это удавалось – спасти обреченных жителей гетто. В годы войны Делегатура польского правительства в изгнании (в Лондоне), непосредственно ведавшая АК, следила и за действиями нацистов, уничтожавших евреев. Слежка возлагалась на Временный комитет помощи евреям и «Жиготу» – совет такой помощи.

Не берусь судить о масштабах и результатах этой деятельности. Но названные структуры говорят сами за себя. Говорит и то, что они замалчивались.

Подобных им в нашем Центральном штабе партизанского движения не имелось.

В Польше, когда она слыла по советским клише «панской», около 40% составляли национальные меньшинства, чувствовавшие себя, быть может, не всегда пасынками, но и не родными детьми.

В Польше, ставшей «Народной республикой», этот процент снизился. Восточные земли, заселенные преимущественно белорусами и украинцами, отошли к Советскому Союзу. Новым территориям ничего не оставалось, кроме как разделить «великое счастье» коллективизации. В самой же «Народной республике» до колхозов все-таки не дошло. Польские мужики, сознавая себя «панами», устояли перед артельными соблазнами и «соборностью», измеряемой в трудоднях.

Аісáдáиáіéá

Обратный путь из Крыницы в Варшаву обошелся без осложнений.

Три недели в Доме творчества были не вовсе напрасны. Имею в виду не только рукопись в злосчастном портфеле. Из отрывков разговоров, недосказанных фраз складывалось впечатление о нервозности в обществе, среди интеллигенции.

Девчонка-старшеклассница, учившаяся в московской школе неподалеку от моего дома, рассказывала о передрягах своего отца. Полковник Войска Польского, он получил направление в нашу Академию Генерального штаба. Поэтому жена и дочь тоже временно перебрались в Москву. Дочь, не овладевшая русским в варшавской школе (обязательный предмет), после пяти-шести московских месяцев запросто лопотала на великом и могучем.

В Крынице, взмахивая руками «Боже коханий!», рассказала мне историю отца.

После возвращения он, успешно кончивший курс в нашей Академии, получил высокую должность в Войске Польском. А вскоре без комментариев был отправлен в отставку. И теперь профессорствует в Варшавском университете.

Если верить дочери, начальству пришлась не по нраву его самостоятельность, усилившаяся благодаря учебе у головастых московских генштабистов (кое-кого из них я знал, мой незабвенный дружок Коля Пророков тоже вел занятия в Академии).

«Зачем нужны самостоятельные люди?! Особенно в Войске!» – взмахивала она руками, апеллируя к Всевышнему.

Пустили слух, будто у отца еврейская кровь. Но он, как и мамуся, чистокровные поляки. Только терпеть не могут антисемитов, и папуся не скрывал этого, когда увольняли из Войска его друга, боевого офицера. Нечто отдаленно сходное проскальзывало в других рассказах. И в объяснениях пани Марии.

Судя по всему, наверху идет борьба за власть. (Тоже мне оригиналы.) Наступают националисты во главе с генералом Мечиславом Мочаром (прежде я не слышал этой фамилии). Отбиваясь, первый секретарь ЦК Владислав Гомулка, уже хлебавший тюремную похлебку в послевоенной Польше, лавирует, говорит о «пятой колонне», имея в виду пятый пункт.

Междоусобицы наверху отдавались брожением в обществе, недовольством молодежи.

Земек Федецкий с неизменной сигаретой и пританцовывающей походкой, расхаживая по квартире на Аллее Неподлеглисти, 130, вносил ясность. Что-то поддерживая в моих предположениях, что-то отвергая. Он знал кое-кого из молодых

«командос» (так их называли), имел мнение о каждом. Оно могло и не совпадать с общепринятым, но всегда имело основания. Однажды мы собирались навестить Модзелевского, но из-за чего-то не получилось.

Страсти распялись вокруг спектакля «Дяды» по Адаму Мицкевичу в «Театре народоном». Начальство восприняло его как антирусский и, следовательно, антисоветский. С таким же успехом, вероятно, можно «Ивана Сусанина» считать антипольским.

Нелепую, гнусную манеру переносить на искусство сиюминутные политические противоречия, выискивать в художественном тексте намеки на нечто злободневное Польша переняла у нас. Но мы уже с этим смирились. С цензурой, запретами в литературе, театре, кино. Поляки то же самое воспринимали гораздо болезненнее. Когда «Дядов» сняли с репертуара, студенты устроили демонстрацию перед театром и у памятника Мицкевичу.

Это произошло в самом конце января, для полной точности – 30-го числа. А в середине февраля протест против запрещения «Дядов», подписанный более чем тремя тысячами человек (главным образом студентами Варшавского университета), передали маршалу Сейма.

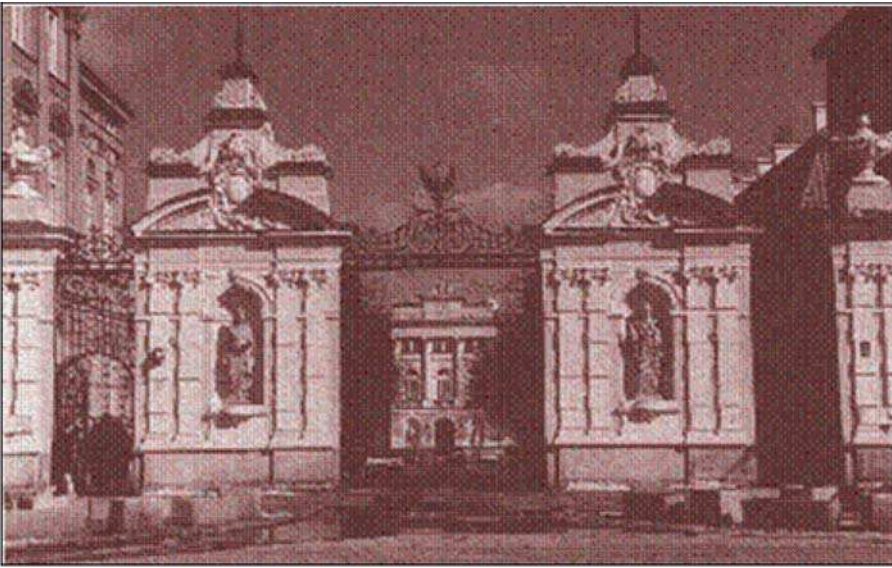
Особую напряженность событиям сообщала весть: снятия спектакля требует советское посольство. Едва ли не все дурное, любое ретроградство приписывали как само собой разумеющееся советскому посольству, занимавшему особняк (позже едва не квартал) на аристократической Бельведерской улице.

Уже после моего возвращения из Крыницы, в самом конце февраля на чрезвычайном заседании варшавского отделения Союза польских писателей принимается резолюция, осуждающая запрет «Дядов».

Разумеется, мне далеко не все становилось известным. Я не считал возможным присутствовать на писательских собраниях и знаю о них с чьих-то слов. Кроме Федецкого встречался с Анджеем Дравичем и Виктором Ворошильским. (Дружба с Виктором, выдержав испытание долгими промежутками между встречами, сохранилась до последних дней его самоотверженной жизни.)

События меж тем шли по нарастающей: 4 марта было официально объявлено об исключении из Варшавского университета студентов истфака Адама Михника и Генрика Шлейфера. За участие в демонстрации 30 января. Замедленная реакция – миновало свыше месяца – подтверждала кляузную сложность согласования убогого решения. Писатели реагировали быстрее. Спустя сутки они обратились к ректору университета с просьбой не наказывать январских демонстрантов.

В эти дни среди студенческих имен промелькнуло одно, отдаленно мне знакомое.

«Родственники за границей»

(перемещение в пространстве и времени)

Без этого пункта – про родственников за границей – не обходилась ни одна уважающая себя анкета. Что в наши дни способно ее заменить, ума не приложу.

Возможно, безотчетный страх перед коварным пунктом побуждал забывать о кровно близких чужестранцах.

Вечером 7 марта я отправился к двоюродному дяде. Отродясь его не видел, ничего о нем не знал, кроме того что он, седьмая вода на киселе, полковник Войска Польского, а его дочь – одна из первых закоперщиц возрождавшего студенчества Варшавы.

Это подтверждалось всем происходящим в квартире полковника, растерянно озиравшегося по сторонам. Приходили и уходили студенты, неумолчно звонил телефон. Кто-то с кем-то о чем-то улаживался.

Судя по торопливым, сбивчивым разговорам, завтра в двенадцать в университете митинг. Почему бы нет, если Международный женский день?

Не надеясь и не пытаясь узнать больше, чувствуя свою неприкаянность, я покинул полковничью квартиру...

Минувшей весной в Москве проводилась международная демократическая конференция женщин. Из США прилетела директор Вашингтонского института, ведавшего этими проблемами. Спустившись по трапу, госпожа директор между прочим спросила у почтительно встречавших: можно ли ей каким-нибудь образом узнать телефон господина Кардина. Одна из встречавших ответила, что нужный номер у нее в записной книжке.

Через час мне позвонила Ирена Лясота. На следующий день мы с ней сидели в баре Дома журналистов. Ирена предпочла нашу встречу очередному заседанию. С самого начала она определила степень родства и припомнила минуты нашего телефонного разговора незадолго до ее ареста. Сотрудник, производивший арест, поинтересовался, кто звонил и разговаривал с ней по-русски. Она ответила: такого звонка не было...

Миновало каких-нибудь тридцать четыре года, и передо мной сидела ослепительно красивая, умная кузина, настаивавшая не только на родстве, но и на внутренней близости.

«Исходная» фамилия ее родителя – Гершович. Как и девичья фамилия моей бабушки со стороны отца. Та последние свои дни провела у младшей из дочерей, жившей метрах в пятистах от Дома журналистов. Здесь, в комнате гигантской коммуналки, она скончалась накануне войны. Полукругом перед кроватью замерли мой папа, дочери и старшие внуки. Отсутствовала одна из внучек – отбывала лагерный срок «за политику». То есть ни за что. И уже не вернулась. Не было и одного из внуков – отбывал срок за

уголовщину. То есть за дело. Вернулся. Позже он, король Тверского бульвара, получил смертельный удар финкой. «Своя своих не познаша».

Довольно обычная московская семья: двое врачей, одна художница, один самородок-математик, один герой гражданской войны, посланный солдатами в Смольный для беседы с Лениным (через 12 лет после беседы вышел из партии, лишился комдивовских «ромбов», демобилизованный исчез из поля зрения...).

«Боже коханий!», как восклицала моя юная собеседница в Крынице. Если нам суждено еще встретиться с Иреной, расскажу ей об этом клане и о последних минутах бабушки. Она наставляла каждого из пришедших. Мудрая и дальновидная, оправданно сомневалась в мудрости и дальновидности потомства. Говорила коротко, определенно. Не пропустила никого. Глубоко вдохнула и тихо выдохнула.

...Отец Ирены взял псевдоним или сменил фамилию подобно иным польским коммунистам, когда-то перешедшим на нелегальное положение, подобно иным офицерам Войска Польского. Ни Ирена, ни кто-либо еще в семье не скрывал прежней фамилии. Ее маме, диктору Варшавского радио, польке, по ходу передачи предложат листок с гадостями о дочери. Текст следовало огласить среди новостей дня...

Когда муж умер, пани Лясота покинула свою ставшую ненавистной ей страну. Переехала к дочери. Умерла в Америке.

Ирена посвящала меня в семейные дела. Говорила просто и доверительно. С польским акцентом, неизменно меня умилавшим. В последние годы, когда ушли едва ли не все мои друзья-сверстники, я вдруг обрел родную душу, прилетевшую из-за океана.

«Правда ты так думаешь? – временами переспрашивала она и удовлетворенно добавляла: Я думаю так же».

«Ты должен об этом написать. О восьмом марта. Прошу тебя сказать, что я – твоя кузина».

Ей уже было известно, что в шестьдесят восьмом я перенес инфаркт.

«Это после того, что увидел восьмого марта?»

«Ты слишком хорошо обо мне думаешь».

«Ты – мой кузен».

Мы касались того, другого, третьего. И все было одинаково важным. Хотя ни она, ни я не принадлежали к тем, о ком говорят: «душа нараспашку». Впрочем, и скрытность – тоже не отличительная наша фамильная черта.

Уже попрощавшись и направляясь к метро, я оглянулся. Она стояла и смотрела мне вслед.

«Ā āēāōī āōīāī ūé æāī ſēèé āāī ū»

Раньше, припоминая этот день, я давал понять, что на митинг во дворе Варшавского университета попал случайно. Шел среди ормовцев (дружинников) с красно-

белыми повязками поверх рукава пальто. В действительности подобно им я знал, куда направляюсь и к какому часу.

У ворот автобусы освобождались от таких же ормовцев и тех, кого в Польше именовали «тайняками», то есть гэбэшниками в штатском. Но на территорию университета приезжавшие не спешили.

Я не ждал.

Улица уже освободилась от снега и наледи. Но во дворе – талые сугробы, лужи. Мальчишки дарят девочкам букетики – 8 марта. В Польше и без праздников, без особого повода преподносят цветы. Даря их, мальчишки чувствуют себя взрослыми. Да и девчонка держится точно пани.

«Боже коханий», подумал я с высоты своего возраста, что же вам уготовано сегодня, куда денутся эти букетики?

Взгромоздившись на сугроб, Ирена читала обращение. На ней, мне показалось, были ватные брюки. Выходит, она не исключала избиения. Заметил ватные брюки и на других студентках.

Обращение протестовало против репрессий к соученикам-защитникам «Дзядов», против исключения из вуза Михника и Шлайфера. Еще что-то не расслышанное и не схваченное мною.

То ли росла численность студентов, то ли их уже теснили ормовцы, приехавшие на автобусах и пришедшие пёхом. Разгружались автобусы и у боковых ворот. Еще не составляло труда покинуть двор. Но никто не пытался.

Переругиваясь с ребятами, ормовцы постепенно оттесняли их во внутренний двор между двумя университетскими корпусами. Полемика, насколько мне дано судить, носила довольно безобидный и не слишком осмысленный характер.

«Мы работаем, вкалываем, а вы на наши деньги устраиваете демонстрации». – «Как же вы работаете, если средь бела дня толчетесь в университете?»

Перевод, конечно свободный. Цель пикировки – распалить ненависть дружинников, подготовить их к главной части акции. Для того и выталкивали студентов в задний двор. Здесь свобода их маневра меньше. Нападающим легче выбирать жертвы, избивать. Операция не отличалась сложностью, но проводилась целенаправленно. Мобильных телефонов, портативной радиоаппаратуры еще не придумали.

Зато у ормовцев появились палки, видимо, доставленные в автобусах. Палки пускали в ход избирательно. Чаще всего выхватывали из толпы девчонку. Два-три удара и отпускали.

Студенты остались без палок. Однако градус напряжения повышался. Девушка с яростно перекошенным лицом оказалась передо мной. Задыхаясь, выкрикнула:

«Сколько вам за это платят?»

«Мне никто ничего не платит».

Она остолбенела от русской речи. Что-то бормоча, ретировалась в толпу. Вместо нее рядом со мной возник мужчина не студенческого уже возраста. «Господин!.. Я буду вам переводить...». Назвал себя. Но я не разобрал ни имени, ни должности. «Господин» звучало странно. В Польше я не слышал этого слова, здесь довольствовались «паном».

Переводчик-доброхот ткнул пальцем в сторону балкона дальнего здания.

«Госпожа Ирена Лясота вручает требования студентов господину проректору...»

С этой минуты или чуть позже что-то изменилось. В руках у многих ормовцев теперь резиновые дубинки. Ожесточение возрастало. Переводчик мне втолковывал: делается опасно. И советовал уйти со двора. Я поблагодарил и остался. Мне ничто не угрожало. Меня не пытались ударить. Причиной тому, видимо, не только возраст, но и меховая ушанка, каких тогда в Польше не носили. Чужестранцев бить не полагалось. Зато со своими не церемонились и лупцевали все безжалостнее.

Двое-трое здоровяков вытаскивали из толпы девчонку, сноровисто обрабатывали дубинками и толкали обратно в гущу. С парнями поступали так же, но менее запальчиво.

Я оцепенел, прижавшись к каменной стене. Мои чувства не имели ничего общего с теми, что испытываешь на передовой, когда рядом падают бездыханные тела, когда всюду крики, стоны, свист пуль и осколков. Крутой командирский мат и предсмертные солдатские проклятия...

Но теперешняя моя неприкосновенность была чем-то досадной, оборачивалась какой-то моей виной. Какой? Голова, покрытая ушанкой, работала не лучшим образом. Я слишком много увидел. Да еще такого, чего не доводилось. Во что трудно поверить. Уже свыше трех часов я наблюдал нечто, отдающее садизмом, нечто запредельное. Даже если вспомнить про другие мерзости и зверства, явленные XX веком.

Одного этого дня, этого двора достаточно, чтобы предъявить обвинения не только устроителям и исполнителям, но и системе.

Шел четвертый час противостояния, силы усмирителей росли. Захлебываясь яростью, они, однако, не переступали обозначенную им границу. Не только убитых, но и тяжело покалеченных не было. Две или три машины «Скорой помощи» мирно дежурили возле боковых ворот.

В какой-то миг по невидимой и неслышимой команде ормовцы и переодетые милиционеры удовлетворенно отступили, стирая пот с разгоряченных физиономий. Выход через боковые, а, возможно, и главные ворота освободился. Парни, поддерживая друг друга, избитых студенток, потянулись на Краковское Предместье, на Новы Свят.

Меня не то чтобы подхватила волна. Я брел сам по себе взбаламученными варшавскими улицами, которые успел полюбить. Жена знакомого журналиста, в прошлом москвича, задыхаясь, размазывая по лицу слезы, спросила: не попался ли мне ее сын?

Но он вроде бы учится в политехническом? Там тоже митинг, тоже кровавая баня.

Я прошел пешком часть пути. Потом у кинотеатра «Москва» сел в трамвай, миновав тюрьму на Раковецкой улице, доехал до Аллеи Неподлеглиости.

Земовит нервно прохаживался по квартире. На университетском дворе, естественно, он не был. Но уже знал немало. Ночью, скорее всего, начнутся аресты. Он предупредил юных знакомых, живущих в общежитии (в Польше они называются «Домами студента»), что его комнаты к их услугам.

Во времена гитлеровской оккупации это служило неписанным законом. Как и укрывательство евреев. Мама Земовита, польская аристократка, устроила свой так называемый «конвейер». Доставала документы, транспорт. Земеку выпала роль сопровождающего. Однажды из-под брезента грузовика высунулся еврей, чтобы осведомиться, который час.

«Рядом с немецким КПП. Представляешь себе?.. Я до сих пор вздрагиваю, когда спрашивают о времени...

Мама удостоилась высшего израильского ордена».

«Сейчас орден нам не грозит».

«Еще не вечер. Нашим мудрецам (слово было другое, Земек, не злоупотребляя, владел русской ненормативной лексикой) предстоит как-то выкручиваться. Они пытаются выдавать Польшу за цивилизованное государство».

Позже пришли ночевать две второкурсницы. В «Доме студентов» на нашей Аллее Неподлеглиости, напротив номера 130, где квартировал Федецкий, всю ночь не гас свет.

Утреннее телевидение оповестило: заваруха в университете, на Краковском Предместье и Новы Святе устроена «золотой молодежью». Иными словами, сынками и дочерьми партийно-государственной элиты. Не слишком изобретательно, однако в надежде ублажить низы. Потрафить рабочим, чьи митинги пройдут под девизом: «Студенты – за учебу, писатели – за перо». Забота и о молодежи, и о литературе.

Телефонные звонки уточняли: ночью прокатилась волна арестов. Накрыла Генрика Шлайфера. И еще кое-кого из «командос». Позже заметут Адама Михника.

К вечеру стало известно о студенческом собрании в университете. Обошлось, слава Б-гу, без ормовцев. Но едва ребята высыпали на улицу и направились к ЦК, милиция пустила в ход дубинки и слезоточивый газ.

Наконец, 11 марта газета «Слово повсехне», издаваемая прорежимной организацией «Пакс», учрежденной, как считается, не без помощи советской госбезопасности, открыла глаза на студенческие волнения. Виной всему сионисты. Статью обнародовали и другие газеты.

Кампания набирала силы. Печать, радио, телевидение соревновались в черносотенстве, травле интеллигенции. В игре на темных инстинктах. Как то делал Гитлер, ненавидевший поляков. Публикуются списки уволенных ответработников. Преобладают еврейские фамилии.

Наконец-то найдена черная сила, что воспрепятствовала расцвету социалистической Польши, вынашивала коварные планы и т.д. Армию Крайову более или менее оставили в покое. Антисемитизм универсальнее, у него многовековая история, не лишенная наглядности.

Студенты, однако, на эти приманки не клюнули и продолжали митинги. В Кракове поднялся Ягеллонский университет, в Люблине – университет имени Марии Склодовской-Кюри и католический университет. Забастовку во Вроцлавском университете поддержали преподаватели, ректор Альфред Ян. Когда ребята в Варшавской политехнике захватят учебные аудитории, жители столицы будут приносить им еду и цветы.

Студенческие манифестации охватили едва ли не все университетские города. Милиция не церемонится с демонстрантами, словно напоминая предостережения Шекспира: «Ид1 марта берегись». В уличном противостоянии верх обычно берет сила – дубинки, газ. В истории сила берет верх не всегда. Только – «Пока солнце взойдет, роса очи выест...».

Епископат Польши обращается с письмом к премьер-министру, требуя освободить арестованных студентов, не допускать жестокостей при разгоне демонстраций и вранья в прессе. Того же мнения в Сейме католическая группа «Знак».

Однако продолжается чистка вроцлавских вузов. Исключено 47 студентов, уволено 30 преподавателей, в том числе и ректор Альфред Ян.

В Варшавском университете закрываются наиболее крамольные факультеты – философский и экономический.

Ĭ äe äó â: äðà è ñäñ äíŷ

Страна раскололась на два лагеря. И этот раскол останется, невзирая на команду «отбой!» и завершение антисемитской кампании. Дело сделано. В глазах мира Польша – носительница расистской идеологии. Польша, на территории которой Освенцим, назидательно превращенный в музей. Перед его воротами виселица. На ней кончил свои подлые дни комендант этой фабрики смерти. Дорожки Освенцима молча подметают розовощекие юноши и девчата из ФРГ, осуществляя «акцию искупления».

Нынешний польский президент Александр Квасьневский признает вину государства и народа за прежние черносотенные шабаши, за погром в Кельце, за такой же, но замалчиваемый погром в Едвабне, где крестьяне расправлялись со своими соседями, повинными лишь в том, что они евреи.

Это – мужественный шаг. Но достаточно ли его? По данным польского Института национальной памяти, ныне ведется следствие по 241 делу о нацистских преступлениях, по 836 делам о преступлениях коммунистических.

Покаяние президента и данные института охаивают даже в Сейме. Слишком велика заинтересованность в антисемитизме. Слишком сильно нежелание называть вещи своими именами, использовать терминологию, применяемую к третьему рейху.

Не сделан, по-моему, главный вывод, обязательный для любой страны. Антисемитизм не может служить предметом полемики, он может служить лишь объектом

судебного разбирательства. Пока его обсуждают, о нем дискутируют, пока его явно или скрытно выгораживают в органах государственной власти, пока звучат погромные разглагольствований, Холокост – большой или малый – вполне вероятен.

Это ни в коем разе не препятствует критике политических действий и

деятели Израиля.

В Польше ведется следствие по делам о коммунистических преступлениях. Можно надеяться, что университетские события 1968 года не обойдены вниманием, как и убийства в Кельце и Едвабне. Имена сочинителей антисемитских статей должны быть оглашены и осуждены как имена учеников и продолжателей Геббельса.

У нас ничем подобным и не пахнет. «Коричневые» издания, организации фашистского толка не встречают ни малейшего сопротивления. Господствует уверенность, будто Нюрнбергский процесс не имеет к ним отношения.

Орден Мужества Татьяне Сапуновой – всего лишь жест. Пусть и красивый. Досадно, что президент, беседуя с Сапуновой, не нашел слов об антисемитских плакатах. Будто они сваливаются с неба, будто и впрямь нельзя положить конец этой мерзости, этому позору, в очередной раз доказывающему: личная преданность руководителей спецслужб президенту не возмещает недостаток у них профессионализма и, прошу прощения, ума. Не зря глава МВД уже стал героем анекдота.

Президента не знакомят с нескончаемым потоком антисемитских публикаций, книгами и газетами, продаваемыми на каждом углу...

Люди, сопротивлявшиеся ормовцам в марте 1968 года, должны быть сегодня достойно отмечены. Среди них и моя кузина. Они, хотелось бы думать, – гордость страны, народа.

И еще один вывод из давних мартовских событий в Польше. Вряд ли стоило особые надежды возлагать на рабочий класс, представители коего пополняли ряды ормовцев. Не такой уж он отзывчивый, жаждущий социальной и этической справедливости. Скорее эту роль – лучше ли, хуже – играет интеллигенция. Ее передовая часть, свободная от классовых предрассудков и национальной спеси.

Завышение миссии рабочего класса – результат коммунистической пропаганды, а также искусства, особенно советского кинематографа, где у Ленина в 1917 году неприменимый друг и советчик пролетарий Василий, Сталин (фильм «Падение Берлина») связан нерасторжимым единством помыслов с рабочим Ивановым.

Естественно, польские рабочие были меньше сбиты с толку, меньше развращены, нежели их собратья в Советском Союзе, где выдумывали стахановское движение, всевозможные производственные начинания, трудовые рекорды и т.д., держа

класс-гегемон на полугодном пайке. Польские пролетарии сумели создать профсоюз «Солидарность» и обеспечить на президентских выборах победу гданьского электрика Леха Валенсы. Ему достало ума, житейской сметки полагаться не на «классовое чутье», а на дельных советников – интеллигентов, оппозиционно настроенных к просоветскому руководству.

...В воскресенье среди дня – телефонный звонок. Федецкий с обычной обстоятельностью называет кому-то спектакли Студенческого сатирического театра на ближайшей неделе.

«Да, да... нет, разумеется...» Попрощался. Вдруг замер. Сжал руками голову.

«Это же из Амстердама. Парень уехал. Но ему необходим репертуар своего театра. Своего...»

Назавтра я покинул Польшу. Варшавский март шестьдесят восьмого кончался.

Для кого-то кончался. А для кого-то будет длиться годами.

Уроки и итоги (перемещение в пространстве и времени)

Не настаиваю, но порой мне думалось, что все эти потрясения, нелепости и подлости отдают импровизацией. Их планировали на ходу, озабоченные сиюминутным результатом, не тревожась о следующей неделе.

При одном из более поздних приездов в Польшу мне передали, что генерал Мочар, чья звезда закатилась, не прочь со мной повидаться. Я отказался. Возможно, поступил неверно. Однако не мог себя заставить. К тому же не верил в серьезность разговора.

Важнее, думаю, воспоминания и выводы тех, кто хлебнул лиха в марте, но в конечном счете вышел победителем, став созидателем достойного будущего страны.

*Àäàì Ì èõìèè, äëäâíúé ääâäèòíð «Ääçäòú äîíáíð-äé», íäèáíèäîí
íííöëüðííé è äëëüòäëüüíé áíúíáóíäé Ì îëüöáí*

«Я очень благодарен этим... корешам генерала Мочара за урок, который они мне тогда преподали. Они раз и навсегда выбили у меня из головы всякие иллюзии относительно режима, на который работали. То, что они бьют, что моих приятелей, ровесников очень жестоко бьют (а сообщения о неслыханной жестокости этой полицейской, палочной операции повторялись в каждом рассказе), было для меня шоком. С другой стороны, я чувствовал, что произошло нечто невероятно важное, что вот значительная часть нашего поколения как бы отказалась повиноваться и решила, хоть на время этого митинга, жить на свой страх и риск и говорить своим голосом, от своего имени... Когда я получил газеты – прочитал и вижу вдруг, что польская пресса говорит на языке гитлеровского «Штюрмера», на языке московских процессов. В тюрьме я пережил такой момент, когда следователи на допросах унижали меня, обращаясь на языке антисемитизма. Однажды мне задали такой вопрос: «Ну, господин Михник, когда же вы эмигрируете в Израиль? Вы ведь еврей, а евреям место в Израиле». Я вышел из себя и

сказал: “Знаете, не вам и не господину Мочару решать, кто я такой, а если вас интересует, когда я эмигрирую, то я вам отвечу: на следующий день после того, как вы эмигрируете в Москву”. Я не хотел позволить им заткнуть мне рот. Пожалуйста, меня можно отдубасить, посадить в тюрьму, но только за то, что я сделал, а не за то, в какую категорию меня определили эти бандиты из госбезопасности. Я считал, что наши доморощенные фашиствующие коммунисты вроде генерала Мочара и его дружков уже держат в руке кнут, что они уже выиграли... Я чувствовал себя человеком, окончательно решившимся. Ладно, они выиграли, но я не сдамся. У них есть власть, сила, наручники, а у меня моя правота».

Èèèòîô Òîîîèùùèèé, àèçí àîî àí:

«Сознание того, что я еврей, пробудил во мне март. Внезапно я оказался главным польским сионистом. У меня был, пожалуй, самый антисемитский процесс во всей Польше. Когда меня впервые привели в карцер, представь себе, как я был напуган: тут какой-то хулиган рядом воет, холодно, черт-те что творится. Ты приходишь с воли, тебе жалко твоей молодости, ни черта непонятно. В эту первую ночь в карцере я был так перепуган, что вызови меня какой-нибудь разумный следователь на допрос, пообещай мне свободу и вообще... что он вернет меня к папе с мамой и что мне будет хорошо и тепло, то я с перепугу... не хочу и думать, что было бы дальше. А потом человек укрепляется, потом оказывается, что все это – раз плюнуть. Потом они меня могли бы хоть год в этом карцере держать и ... пошли они куда подальше. Я познал какую-то другую сторону жизни, понял, где дно, а где верхушка...

Позднее, в Стшельцах-Опльских, я вместе с двумя другими заключенными занимался производством спиртного, и дело у нас шло хоть куда. Никогда в жизни мне не пилось так хорошо, как в тюрьме в Стшельцах. Там я и профессию получил: написал на аттестат зрелости нескольким вертухаям, и был назначен мастером контроля за производством обуви – мы там обувь делали...»

Вí Èèòùíîèèé, ìîèèòèèé:

«Если посмотреть на это в широком, всемирном контексте, возникает образ поколения, которое вдруг захотело что-то сказать. Независимо от того, живем ли мы в тоталитарной системе, где март был серьезным делом, или же это французский май, где все было игрой, карнавальным праздником. В определенный момент это поколение, не знавшее войны, но выросшее в ее тени, начинает что-то говорить. Нечто совершенно иное, чем поколение их родителей. И это был голос 68 года.

В тюрьме человека охватывает чувство потери времени – ведь там, снаружи, что-то происходит. А тут ты не встречаешься с друзьями, нет женщин, девушек. Но меня это чувство мобилизовало. На свободе я никогда не мог заставить себя работать так, как в тюрьме. После освобождения... было ощущение поражения, полного краха. Да еще уезжающие, эмиграция. Я еще встретил нескольких людей, сидевших на чемоданах. Такое сиротливое чувство... После марта очень быстро образовалась пустота. Но в каком-то смысле она заполнилась. Домартовскую среду удалось восстановить, но как бы на более высоком уровне. До тюрьмы интеллектуальные круги Варшавы смотрели на нас как на молокососов, лезущих не в свое дело. После марта наша позиция в обществе вдруг сильно упрочилась».

Ναίαι Αἵρι οὐαί, αὐδῖ αἰῖο:

«Быть польским евреем – это... интересное и временами не легкое приключение. Тут каждый должен сам с собой разобраться. Одни с этим еврейством больше себя отождествляют, другие меньше. Из-за фамилии я был довольно заметной фигурой во всех этих еврейских делах. У меня было такое ощущение, что еще до марта все было предрешено. Это должно было плохо закончиться. У меня было фаталистическое отношение ко всему этому делу. Я просто считал, что придут каких-нибудь сто студентов, а власти скрутят их, и дело с концом. А тут вдруг общественный бунт... Ну, ребята, значит – успех».

Януш Шпотанский, литератор:

«Знал я и таких старых довоенных коммунистов, уже полных маразматиков, которые, когда я вышел из тюрьмы, вдруг начали относиться ко мне с огромным почтением... Кормились они главным образом при клубах международной книги и прессы, вгрызались там в газеты. И вот в один прекрасный день пришел я туда что-нибудь почитать и смотрю: сидит один такой старый коммунист. Он тут же подошел ко мне и спрашивает таинственным шепотом: “Вас как, очень мучили в этой тюрьме? Пойдемте погуляем, тут наверняка подслушка”. Ну, вышли мы, гуляем, гуляем, а он все треплется, треплется. А потом и говорит мне: “Знаете, я теперь, спустя многие годы, осознал, что мы совершили ужасную ошибку: надо было делать ставку на Розу Люксембург”.

...У меня совсем не было ощущения, что «красные» одержали какую-то победу. Как раз наоборот, я считал, что они на многом ... страшно обожглись. И на этот антисемитизм никто не купился, кроме каких-то склеротических старых идиотов, и на этот их мнимый большевистский патриотизм никто не клюнул. Когда мы уже вышли из тюрьмы (а вышли мы все более или менее одновременно)... только тогда я ознакомился с ними, сдружился. То, что они были из «аристократии», из семей, связанных с послевоенной властью, за что их теперь страшно осуждают, тоже имело невероятно положительное значение, так как они не боялись. Они вносили в это революционное движение какую-то свежесть, у них не было того прошлого, когда людям отбивали почки. Именно поэтому Михник сыграл такую важную роль: он был способен на невероятно смелые шаги, которые никому другому просто не пришли бы в голову».

Αἰῖο ἰδῖ Αἵρι οὐαί, ἰῖο:

Начала возникать новая оппозиционная среда, в которой были и литераторы, и студенты или бывшие студенты. И дальше... в начале 70-х, мы уже многое делали вместе. Например, из этого выросла независимая печать и издательства. Так что без марта оппозиция 70-х выглядела бы иначе. Сейчас это очевидно. А без оппозиции 70-х не было бы и 1980 года.

Каждое поколение, так или иначе, вносит вклад в историю. Но не всякий вклад вызывает удовлетворение, гордость.

То, что совершили единомышленники Адама Михника, возбуждало уважение еще на стадии, когда они отведали резиновых дубинок, услышали лязг наручников, тяжелый скрип тюремной двери. Их стойкость, готовность и умение отстаивать свои взгляды, противостоять любой травле – власть не брезговала и поношениями из

геббельсовского арсенала – содействовали коренному обновлению страны. Ее переходу из лагеря, подобного застенку, в сообщество свободных государств».

Просить прощения

Áááí áááí Í áááí áá

Ранним утром – в городе в эту пору стояла изнурительная жара – полицейская машина, патрулировавшая Канал-стрит*, притормозила у обочины. И один из полицейских – в машине их было двое – высунулся из окна и поманил пальцем старика в черном котелке. Старик нес за спиной большую картонную коробку, привязанную бельевой веревкой к плечу, в руке – другую коробку, поменьше.

– Эй, ты!

Но разносчик, то ли не расслышав оклика, то ли пропустив его мимо ушей, шел себе и шел. Тогда полицейский помоложе, рванув дверь, выскочил из машины, подошел к разносчику, ухватил за коробку и развернул легко, точно перышко. Разносчик ошеломленно

вытаращил на него глаза. Это был согбенный ссохшийся старик. Его огромные глаза загорелись, точно в них лампочки зажгли, полицейского даже оторопь взяла, правда, ненадолго.

– Ты что, глухой? – сказал он.

Разносчик зажевал губами, что позволяло предположить – так оно и есть, но после некоторой паузы возопил:

– Почему вы толкаетесь?

Сила его вопля снова огорошила полицейского.

– Ты почему не остановился, когда я тебя окликнул?

– А я знаю, что вы звали меня? Или вы назвали мое имя?

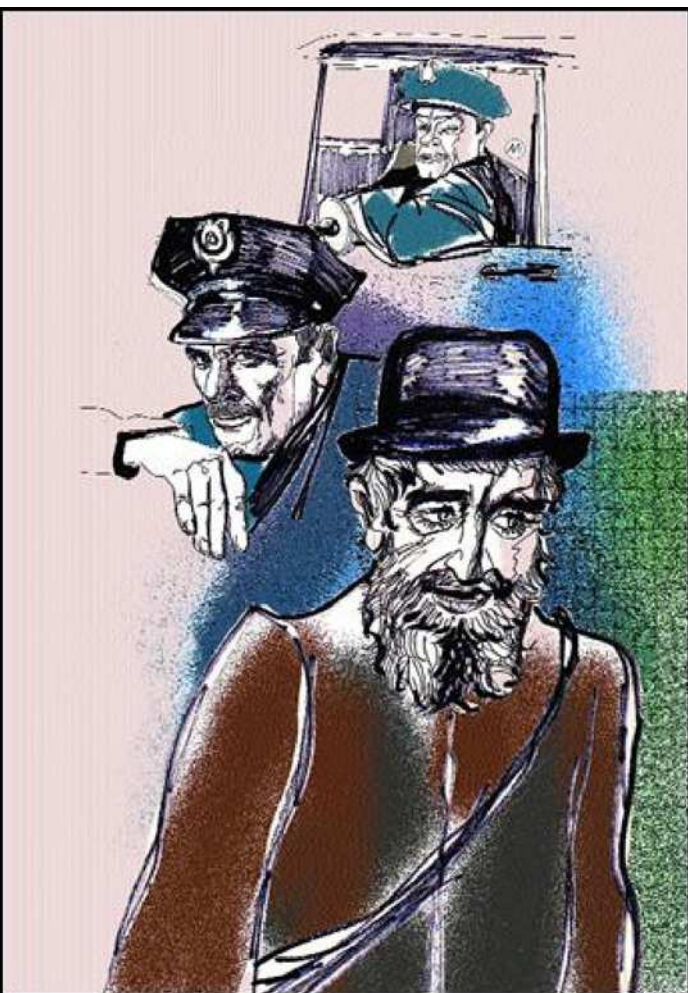
– Как тебя зовут?

Разносчик стиснул редкие желтые зубы.

– И где твоя лицензия?

– Что это такое – лицензия?.. Кто это такой?

– Ты эти шутки брось... лицензия на торговлю вразнос. Мы же видим, что ты торгуешь вразнос.

Разносчик не отрицал этого.

– Что у тебя в большой коробке?

– Сто ватт.

– Сто чего?

– Лампочки.

– А в другой что?

– Шестьдесят ватт.

– Ты что, не знаешь: торговать вразнос без лицензии запрещается.

Разносчик молча озирался по сторонам, но на улице не было ни души, если не считать второго полицейского в машине, а он сидел, закрыв глаза: видать, недоспал и теперь наверстывал упущенное.

Полицейский, тот, что на тротуаре, открыл черную штрафную книгу.

– А ну, дедок, выкладывай, где живешь?

Разносчик изучал трещины на асфальте.

– Чего ты там, Лу, – позвал другой полицейский из машины. Он был постарше, хотя и не такой старый, как разносчик.

– Погоди, Уолтер, тут старикан фордыбачит.

Карандаш его вонзился в разносчика – тот по-прежнему разглядывал асфальт, но тут прервал молчание и сказал, что у него нет денег на лицензию.

– А на лампочки есть? Не знаешь разве: если ты не платишь, что положено по закону, ты обкрадываешь город?

– ...

– Что молчишь? Отвечай.

– Лу, да будет тебе.

– Тебе будет, а у меня этот козел заговорит.

Второй полицейский не спеша вылез из машины – дюжий, седоватый, багровое лицо его блестело от пота.

– Мистер, что бы тебе не ответить на его вопросы.

Разносчик, окоченев, смотрел в пространство между ними. К этому времени вокруг сгрудились любопытные, но Лу мановением руки велел им разойтись.

– Ах так, подмогни-ка мне, Уолтер. Отвезем этого красавца в участок.

Уолтер недоуменно посмотрел на Лу, но тот сказал:

– Сопротивление при исполнении служебных обязанностей.

Схватил разносчика за руку и потянул за собой. Коробка с лампочками соскользнула с плеча разносчика, он упал на колени.

– Вейз мир*.

Уолтер помог разносчику подняться, полицейские посадили его в машину. Полицейский помоложе подтащил большую коробку, открыл багажник и боком впихнул ее туда. Когда они отъехали, человек, стоявший у одного из магазинчиков, поднял вторую коробку и крикнул:

– Эй, другую-то забыли, – но полицейские не обернулись, а разносчик, похоже, не слышал.

Дорога в участок вела мимо Бруклинского моста.

– Слушай, Лу, – сказал Уолтер. – Сделай крюк, ладно? Поедем по мосту, остановимся у моего дома: у меня ноги взопрели да и рубашку хочу переменить.

– Сначала доставим этого фрукта в участок.

Но Уолтер настаивал, уверял, что они в два счета управятся и Лу хочешь-не хочешь, а пришлось везти Уолтера домой. Пока ехали к Уолтеру – от моста до его дома было рукой подать, – оба не проронили ни слова; дом стоял на симпатичной тихой улочке трехэтажных кирпичных домиков, окаймленных по фасаду, чуть отступя от обочины, не так давно посаженными молодыми деревцами.

Выходя из машины, Уолтер сказал разносчику:

– В Германии тебя б за такое убили. А он всего-то и хотел тебя оштрафовать, заплатил бы доллар – и все дела.

И поднялся на каменное крыльцо.

Чуть погодя Лу надоело ждать, он погудел раз-другой. На втором этаже поднялась штора, и Уолтер – в исподнем белье – крикнул:

– Еще пять минут, Лу, вытру только ноги.

Уолтер спустился, они проехали несколько кварталов назад и въехали на мост. Посередине моста им пришлось притормозить: машины шли вереницей, одна впритык за другой, тут разносчик открыл дверь и – чего они никак не ожидали – поковылял по мосту, чудом увертываясь от трейлеров и грузовиков, двигавшихся навстречу. Перебежал пешеходную дорожку и вскарабкался – откуда только силы брались – на перила моста.

Однако шустрый Лу тут же кинулся за ним и ухватил разносчика за полу в тот самый момент, когда тот готовился спрыгнуть с перил.

Лу рывком стащил разносчика на землю. Тот грохнулся затылком об асфальт, котелок подпрыгнул, завертелся и упал к его ногам. Сознания, как бы там ни было, он не потерял. Лежал на асфальте, стонал и раздирал пальцами – ну когти и когти – грудь, руки.

Полицейские стояли, смотрели на него, не зная, что предпринять, – крови не было видно, значит, он не поранился. Они обсуждали, как поступить, когда мимо проходила толстуха – глаза ее слезились, голова несмотря на жару была замотана белым платком, на пухлой руке висела большая корзина с солеными крендельками по пять центов – и остановилась полюбопытствовать, что тут стряслось.

Увидев старика, она обратилась к нему:

– Блуштейн!

Но он не поднял на нее глаз – продолжал раздирать руки.

– Вы его знаете? – спросил толстуху Лу.

– Это Блуштейн. Я его встречаю тут по соседству.

– Где он живет?

Она задумалась, но, видно, не знала.

– Отец мне говорил, что у него был свой магазин на Второй авеню, но он его потерял. Потом умерла его хозяйка, ну и дочь сгорела – пожар случился. А у него у самого чесотка, его в больнице лечили-лечили, а не вылечили. Говорят, он продает лампочки вразнос.

– Адрес его знаете?

– Я – нет. Что он сделал?

– Какая разница, что он там сделал или не сделал, – сказал Уолтер.

– Пока, Блуштейн, мне пора на школьный двор, – оправдывалась толстуха. Подняла корзинку и понесла свои крендельки по мосту.

Блуштейн уже перестал раздирать грудь, смиренно лежал на асфальте. Солнце светило ему прямо в глаза, но он и не думал заслонить их.

Лу – кровь отхлынула у него от лица – посмотрел на Уолтера, Уолтер сказал:

– Отпусти его.

Они подняли старика на ноги, отряхнули его пиджак от пыли, напялили на голову помятый котелок. Лу сказал, что сейчас достанет лампочки из машины, но Уолтер возразил:

– Позже, довезем его до конца моста.

Они посадили Блуштейна в машину и несколько минут спустя высадили из машины вместе с коробкой неподалеку от того места, где наткнулись на него впервые.

Однако в тот же день, когда Лу после вечернего объезда отвез его домой, Уолтер, выйдя из машины, увидел и сначала глазам своим не поверил, что Блуштейн собственной персоной стоит перед его домом, ждет.

– Эй, Лу, – позвал он, но Лу уже успел отъехать, и он оказался с разносчиком один на один.

Блуштейн – при коробке с лампочками – выглядел примерно так же, как и утром, разве что во вмятину на котелке набилась пыль, да и веки набрякли от усталости.

– Чего тебе надо? – спросил Уолтер.

Разносчик пожевал губами, потом указал на коробку.

– Маленьких лампочек коробка.

– Ну и что с твоей коробкой?

– Что вы с ней сделали?

Уолтер напряг память, вспомнил, что у старика была еще одна коробка.

– А ты часом не вернулся и не припрятал ее? – он был строг.

Блуштейн смотрел в сторону.

Полицейский изнывал от жары.

– Будь по-твоему, постараемся найти твою коробку, но сначала мне надо поужинать: я проголодался.

Поднялся на крыльцо, хотел было что-то добавить, но тут из дома вышла женщина, он снял перед ней шляпу и вошел в дом.

После ужина он предпочел бы посидеть, послушать радио, но вместо этого пришлось снять форму, сказать, что прошвырнется до угла, и спуститься – нет, не так он хотел провести вечер – вниз.

Блуштейн стоял на том же месте.

– Моя машина в гараже, – Уолтер не спеша двинулся к гаражу, Блуштейн следовал за ним по пятам, ящик с лампочками взвалил на спину.

В гараже Уолтер знаком велел разносчику сесть в машину. Блуштейн положил коробку на заднее сиденье, сел подле. Уолтер поехал через мост к Канал-стрит, к тому месту, где они забрали разносчика.

Припарковался, зашел в один за другим в три магазинчика, показывал жетон, справлялся: не знают ли, кто забрал лампочки, которые они забыли на тротуаре. Никто не знал в точности, однако в третьем магазинчике продавец сказал, что ему сдается, будто коробку взял парень, живущий по соседству, и сообщил Уолтеру его имя и адрес.

Прежде чем вернуться в машину, Уолтер заскочил в бар, пропустил пару-другую кружек пива. На четвертой кружке его осенило, и он позвонил в бюро забытых вещей, но там ему сказали, что электрических лампочек сегодня не поступало. Выйдя Уолтер спросил Блуштейна: сколько лампочек было в ящике.

– Пять дюжин.

– И почему они оптом?

– По восемь центов.

– За все про все будет четыре восемьдесят, – подсчитал Уолтер. Вынул из кошелька бумажку в пять долларов, протянул Блуштейну, но тот ее не взял.

– Чего тебе нужно, орденом что ли тебя наградить?

– Моя маленьких лампочек коробка.

Уолтер пошутил:

– За маленькой коробкой тебе придется маленько прокатиться.

И они поехали по адресу, который дали Уолтеру, но никто не знал, где парень, взявший лампочки. В конце концов с верхнего этажа спустился лысый крепыш в исподней рубахе и сказал, что он дядя того парня, и спросил, что Уолтеру нужно.

Уолтер заверил, что у них к его племяннику ничего нет.

– Просто он знает, где лампочки, которые мы по оплошности забыли на тротуаре, когда производили задержание.

Дядя сказал, что если у них к племяннику ничего нет, он даст им адрес клуба, глядишь, они его там и застанут. Клуб находился еще дальше от центра, в Ист-Сайде.

– Ерунда какая-то, – бормотал себе под нос Уолтер, выходя из дома. Он подумал: хорошо бы потянуть время, вдруг Блуштейн возьмет и сам уйдет, поэтому он заглянул в пивную, пропустил кружечку, потом еще пару-тройку, пока посмотрел десять раундов бокса по телевизору.

Вышел он распаренный от пива.

Блуштейн не ушел.

Уолтер почесал под мышками.

– Чем, интересно, лечатся от чесотки? – сказал он.

Когда он сел за руль, у него мелькнула мыслишка, что он захмелел, но его это не остановило, и он поехал в клуб на Ист-Сайде, где сегодня были танцы. Справился у обряженного в смокинг билетера, не здесь ли этот племянник.

Косой на правый глаз билетер заверил его, что человека с таким именем здесь нет.

– У меня к нему ничего нет, – сказал Уолтер. – Речь идет о коробке лампочек, которые он сохранил для вон того старикана, что стоит за дверьми.

– Я ни о чем таком не знаю.

– Вам нечего бояться.

Уолтер постоял минуту-другую в дверях, посмотрел на танцоров, но ни одного знакомого лица среди них не обнаружил.

– Его и вправду здесь нет.

– Я вам верю.

Потом он сказал, что не прочь бы потанцевать у них, но пора идти.

– А то остались бы, – сказал билетер.

– Мне пора, – сказал Уолтер. – Пассажир у меня строгий – спуску не дает.

Билетер подмигнул левым, не косым глазом, это выглядело уморительно смешно, но Уолтер не улыбнулся и тут же ушел.

– А ты, кроха, все еще здесь? – спросил он Блуштейна.

* * *

Включил зажигание, вернулся на Шестую авеню, остановился у винного магазина, купил поллитра виски. В машине сорвал с бутылки крышечку, сделал большой глоток.

– Выпьешь? – он протянул бутылку Блуштейну.

Блуштейн – он восседал на заднем сиденье, точно тощая сова на насесте, – смотрел на него во все глаза.

Уолтер завинтил крышку, но зажигания не включал. Сидел за рулем в гнетущем раздумье. Когда он совсем было приуныл, его озарило. Выход представился ему таким простым и удачным, что он быстро завел мотор и покатил напрямик к Канал-стрит, где имелся магазин хозяйственных товаров, торгующий до полуночи. Он только что не влетел в магазин и через десять минут вышел оттуда с упакованной коробкой – в ней лежало пять дюжин лампочек по шестьдесят ватт.

– Покатались и будет, друг сердечный.

Разносчик вышел, Уолтер вынес большую коробку, поставил ее на мостовую рядом с маленькой.

И отъехал по-быстрому.

Мост он пересекал с легким сердцем, хотя его и беспокоило, что он не выспится: ему предстояло встать в шесть. Он поставил машину в гараж, пошел домой, дома старался не шуметь в ванной: боялся разбудить сына – у того был чуткий сон, и жену – у той сон был крепкий, но если ее разбудить, она потом долго не могла заснуть. Разделся, лег к ней под бок, но при том что ночь была жаркая, ощущал себя точно глыба льда, прикрытая простыней.

Спустя какое-то время он отдернул шторы, встал у окна.

Тихая улица утопала в лунном свете, негустые ветви деревьев роняли теплую темную тень. Но что это – в тени дерева перед домом вырисовывались два непонятного происхождения прямоугольника и корявый силуэт в нелепой шляпе, раскинувшийся, точно его на дыбе растягивали, чуть не на весь квартал. У Уолтера упало сердце: он понял – это Блуштейн.

Надел халат, сунул ноги в соломенные шлепанцы, сбежал вниз.

– Что еще?

Блуштейн изучал залитый луной тротуар.

– Что тебе нужно?

– ...

– Шел бы ты себе, Блуштейн. Нашел время ерундой заниматься – ночь на дворе. Лампочки свои ты получил. Так что иди-ка ты домой, а меня оставь в покое. Не хотелось бы звать полицию. Иди-ка ты лучше домой.

Втащился по каменным ступенькам крыльца, потом по пролету покрытой ковровой дорожкой лестницы. В спальне было слышно, как стонет во сне сын. Уолтер лег и заснул, но вскоре его разбудил глухой стук капель – заморосил дождь. Он встал, выглянул в окно. Разносчик стоял под дождем и, задрав голову, смотрел на окно – чудилось, что его бледное лицо совсем рядом, будто он стоял на ходулях.

Уолтер опрометью кинулся в коридор, порывлся в стенном шкафу – искал зонтик, но не нашел. Жена проснулась, громким шепотом спросила:

– Кто там?

Он замер на месте, она еще с минуту прислушивалась и вновь заснула. Тогда Уолтер, так и не найдя зонтика, достал легкое летнее одеяло, вынес его в кладовку – она помещалась рядом со спальней – выставил из окна сетку и бросил одеяло Блуштейну: пусть укроется от дождя. Казалось, одеяло парит в воздухе.

Он снова залез в постель, заставил себя пролежать еще час-другой. Потом заметил, что дождь кончился, встал, чтобы проверить, не ошибается ли он. Одеяло лежало кучкой на тротуаре, там, где упало. Блуштейн стоял поодаль, под деревом.

Соломенные шлепанцы попискивали, когда Уолтер спускался по лестнице. Жара спала, по улицам гулял ветер, листва подрагивала в летнем холодке.

В дверях он подумал:

– Что за спех? Продержу его до шести, а там пусть попробует потащиться за мной в участок, скелет несчастный.

– Блуштейн, – позвал он, спускаясь с крыльца, но когда старик поднял на него глаза, на душе у него стало паскудно, пусто.

Он разглядывал тротуар и о чем только ни передумал. Наконец поднял голову и сказал, выдавливая из себя слова:

– Блуштейн, я должен просить прощения. Я и правда очень сожалею, что так случилось. Я не мог спать. От всей души прошу у тебя прощения.

Блуштейн смотрел на него огромными глазами – в них отражалась луна. Ничего не отвечал, казалось, он съежился, съежилась и его тень.

Уолтер пожелал ему доброй ночи. Поднялся к себе, укрылся простыней.

– Что случилось? – спросила жена.

– Ничего.

Она повернулась на другой бок.

– Смотри, не разбуди сына.

– Нет-нет.

Уолтер встал, подошел к окну. Приподнял штору, выглянул наружу. Так точно: никого, ничего нет. Ни разносчика, ни коробок с лампочками, ни летнего одеяла... Он снова выглянул из окна, но длинная, выбеленная луной улица была пустой, как никогда.

Перевод с английского Л. Беспаловой

1957 г.

* Άϊδὴ ἰ ίά(εἴεε.)

ПРОРОК ИЗ ИУДЕИ

Øiēni Åø

Отторгнув десять колен Давидовых и основав отдельное царство в Самарии, царь Иеровоам воздвиг двух золотых тельцов – одного в Бетэле, другого в Дане, дабы отвратить народ израильский от Иерусалима и от храма Соломонова. И стал царь искать опытных пророков и строгих священников, таких, к каким народ привык в Иерусалиме, пророков, которые поучали бы народ, никому не лицепритствуя, даже самому царю, творили бы чудеса и возвещали бы народу слово Б-жие, а народ верил бы в них.

Были, правда, у Иеровоама несколько незначительных, доморощенных пророков, научившихся кое-чему у языческих волхвов и чревовещателей, а священников при своих тельцах он поставил из среды простого народа. Но народ не питал доверия к этим прорицателям и жрецам, втайне ходил в Иерусалим, который был богат истинными славными пророками и испытанными в храмовом обиходе священниками.

И что ни делал царь, чтобы привлечь в свое капище достойного пророка или священника, ничто не помогало. Никто из священников не хотел идти к нему, а

пророки и подавно не шли.

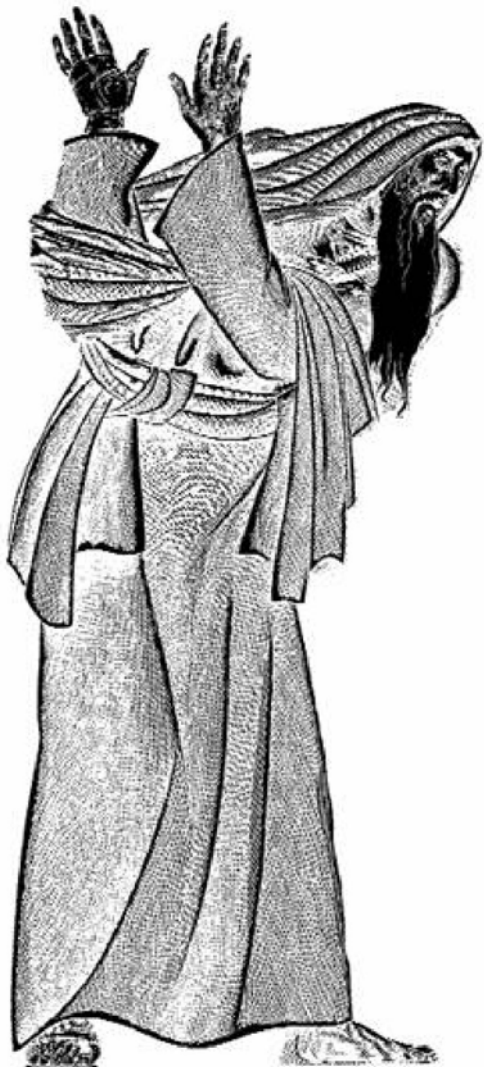
И по слову Г-сподню пришел в Бетлехем к Иеровоаму человек Б-жий из Иудеи.

Царь Иеровоам стоял как раз у жертвенника и курил фимиамом перед золотым тельцом.

И, протиснувшись сквозь толпу, наполнявшую капище, человек Б-жий предстал перед царем и воскликнул: «Жертвенник, жертвенник, настанет день, и сын Давидов заколет на тебе священников, совершающих здесь воскурения, и кости этих священников сожжет на тебе. И вот знамение мое: этот жертвенник распадется, и пепел, который на нем, рассыплется». И, едва он это сказал, жертвенник распался, и пепел, который был на нем, рассыпался через щели его.

И понял царь, что это истинный пророк, настоящий пророк из Иерусалима. Вот, если бы он мог заполучить такого пророка для своих богов, тогда боги эти привлекли бы к себе весь народ. И не стал бы народ тосковать по Иерусалиму, не стал бы украдкой пробираться за границы Самарии, чтобы идти в Иерусалим, как он делал это до сих пор.

И решил царь удержать у себя пророка какою бы то ни было ценой. Дабы еще более испытать силу человека Б-жия, простер Иеровоам руку свою от жертвенника, говоря: «Возьмите его!»

И одеревенела рука царя, которую он простер на человека Б-жия. И увидел царь, как велика его сила, и сказал:

– Человек Б-жий, помолись за меня, чтобы исцелилась рука моя.

И помолился пророк за него, и исцелилась рука Иеровоама.

И сказал царь пророку:

– Я вижу, что ты истинный пророк и можешь совершать великие чудеса. Знаешь что? Я буду содержать тебя для моих богов. Я буду тебя хорошо вознаграждать. Все туки и легкие от жертв, приносимых богам, будут принадлежать тебе; ты будешь получать часть денежных пожертвований и, кроме того, ежегодную плату от казны в моей столице. К чему тебе возвращаться в Иерусалим? Там много пророков и без тебя. Ты, верно, самый незначительный среди них. Оставайся у нас, здесь ты будешь почитаться величайшим из пророков.

Но ответил человек Б-жий царю:

– Хотя бы ты давал мне дома, наполненные золотом, хотя бы ты сулил полдома царского мне, я не променяю Иерусалим и храм Г-сподень на твоих золотых тельцов, на твой Бетэль.

И подумал царь:

«Человек твердый, надо смягчить его, надо воздать ему почести; окруженный приветливостью и радушием, он почувствует, что значит быть первым, а не последним на этом поприще!»

И сказал Иеровоам:

– Пророк Б-жий, слова твои тронули меня, и я хочу покаяться перед Г-сподом. Я хочу в твоём лице почтить Б-га. Дай мне угостить тебя моими лучшими яствами и одарить тебя всем, что есть у меня лучшего. Зайди со мною под шатер на кровле моей, омой ноги свои и ешь от хлеба, который я велю испечь в честь тебя. Пусть все старейшины и почтенные люди иерусалимские увидят, как потчует царь пророка Б-жия.

Пророк, увидев, что слова его тронули царя, заговорил более мягким голосом:

– Я очень рад, что тронули тебя слова мои и что ты начинаешь каяться. Да укрепит тебя Б-г, и да простятся тебе прегрешения твои. Но есть с тобою я не могу, и пить с тобою я не могу, и пойти под кровлю дома твоего не могу, ибо повелено мне словом Г-сподним: не ешь хлеба в том месте и не пей воды, и не возвращайся тою дорогою, которою ты шел. И не могу я послушаться слова Г-сподня.

И пророк одиноко вышел из города, никем не провожаемый, ни от кого ничего не приняв. Уединенною дорогою оставил он город.

И шел он с легким сердцем, с чистою совестью, радуясь, что выполнил веление Г-сподне: пришел в город, сказал царю правду в глаза, и тронули слова его сердце царское, и кается теперь Иеровоам пред Г-сподом.

И ничего не взял он в вознаграждение себе: ни глотка воды, ни куска хлеба.

Голоден он был, и пуста была сума его, и ни одной вещи не уносил он с собою. Но это только увеличивало радость его: выполнил волю Г-сподню и ничего не взял за это. И сел он на камень отдохнуть.

А в народе, который стоял вокруг жертвенника и видел пророка, и слышал слова его, пошли втихомолку разговоры:

– Вот это истинный пророк! Сказал царю в глаза правду и от вознаграждения отказался.

– Не нашим пророкам чета!

– Дармоеды они, и только, – сказал один из толпы.

– Красть с жертвенника лучшие куски, вот что они умеют! – заметил другой.

– Соблазнять молоденьких женщин, проходящих помолиться Б-гу, на это они мастера! – прибавил третий.

Был в толпе и сын одного старого пророка из Бетэля, видел и слышал все, что делал и говорил человек Б-жий, и пошел домой к отцу.

Старик, проживший в звании пророка век свой в Бетэле, успел скопить порядочное состояние и на старости лет жил на покое, сидя под смоковницей своей, у пчельника своего и проживая то, что нажил в прежние счастливые времена. Пришел сын домой и повторяет как бы про себя:

– Вот это пророк! Вот это, я понимаю, пророк!

– Какой пророк? – встрепенулся старик, чуткий к слову «пророк».

– Пришел старик из Иудеи, подошел к царю и бросил ему в лицо его грехи. Расколол жертвенник, рассыпал пепел, и по его слову царская рука окаменела... И от еды и от питья отказался. Царь обещал осыпать его подарками, хотел сделать его первосвященником, а он схватил свою суму и убежал из города...

– Пророк – говоришь ты? Этот пророк – мой давнишний товарищ, мы с ним в Иерусалиме в одной пещере скрывались, вместе учились у Ахии Силомлянина, – говорил старик, взволнованный рассказами о чудесах пророка. – Так-то! – продолжал он. – Мы проучим царей, мы их заставим повинаться слову Б-жию, самыми жестокими казнями карать их будем.

– И сказал мне Б-г!.. – впадал он вдруг в пророческий тон, – сказал мне Б-г... Но тут же он забыл, что сказал ему Б-г, и воскликнул: – Колесницу запрягите мне! Колесницу, отроки, скорее! Я догоню моего товарища пророка, я приведу его под кровлю мою. Самого жирного тельца заколите. Скорей за пророком! Как же иначе? Мы им покажем, этим царям!..

Сыновья заложили колесницу, старик сел, и мулы повезли его тою дорогою, которою пошел человек Б-жий.

Пророк из Иудеи все еще сидел на камне и довольный тем, что так хорошо выполнил свое дело, размышлял:

– Не такой уж грешный город – Бетэль. У тамошних людей мягкие сердца, они радуются проповеди пророка. Но оставаться там дольше нельзя было. Г-сподь запретил. «Не ешь там хлеба и не пей там воды», сказал Г-сподь, – вздыхает он.

В это время подъехал к нему старик.

– Это ты пророк из Иудеи, который приходил со словом Б-жым к Иеровоаму?

– Это я, – сказал пророк.

– И которому Б-г повелел: «Не ешь хлеба и не пей воды в том месте»? – торопливо продолжал старик.

– Да, это я.

– Если так, садись со мною на колесницу и поедем в город. Б-г явился мне и сказал: «Беги за ним, догони его, верни его в город и веди его в дом твой, и дай ему хлеба и дай ему воды». Я едва догнал тебя, – прибавил старик, задыхаясь. – Едва удалось выполнить заповеданное мне Б-гом.

– А ты кто же? – спросил пророк.

– Я – пророк, такой же, как ты. Я достаточно поучал, достаточно говорил, меня не хотели слушать. Будут они наказаны за это!

– Пророк Б-жий? – повторил истинный пророк с оттенком сомнения.

– Не сомневайся, товарищ! Я пророк, как и ты. Весь народ знает меня...

И, обращаясь к воображаемой толпе, старик закричал:

– Что? Мало я вас предостерегал? Не говорил я вам, чтобы вы покались? Теперь воздается вам по заслугам вашим!.. Уже семьдесят лет над седой головой моей пронеслось, – продолжал он, – семьдесят лет, как я пророк. Знал я еще Натана пророка; с Ахией Силомлянином мы братьями были, вместе с ним разодрали на двенадцать частей его новую одежду и отдали десять частей Иеровоаму. Судить, казнить меня хотели в Иерусалиме, но я успел бежать.

– И Б-г сказал тебе, чтобы ты вернул меня в город, чтобы ты накормил меня? Странно, что мне Он ничего об этом не говорил! – недоумевал пророк.

– Через ангела своего возвестил мне это. Архангел Гавриил явился мне: «Иди, – сказал он, – догони его: он голоден, мучим жаждою, а Б-г не велел ему есть и пить в том месте; приведи его в свой дом. Ты найдешь его на дороге, под дубом». – И вот, ты, действительно, сидишь под дубом. Архангел Гавриил не станет врать. Давно уже не являлся он тебе?

– Месяцев десять, – ответил пророк. – Видно, испытать меня хотел Г-сподь – не нарушу ли веления Его, не приму ли награды от царя, поэтому заповедал Он мне не есть и не пить в этом месте, – успокаивал себя пророк, который томился голодом и жаждой.

– О нет, не нарушу я воли Твоей, Отец Небесный! Теперь же, – прибавил он, всходя на колесницу, – Г-сподь повелел тебе указать мне, что Он печется обо мне и помнит, что я голоден и томим жаждою.

– Мы им, царям, покажем силу нашу! – твердил старик. – Мы покажем, что такое пророк, что значит нарушать волю Г-спода, самовольно строить себе жертвенники и кощунственно совершать на них жертвоприношения, собственноручно, без священников! – вызывающе кричал старик, возвращаясь в город вместе с пророком.

Когда прибыл пророк в город, все жители за ним побежали. Матери взяли на руки детей своих, священники оставили золотого тельца в капище, все покинули дома свои и шли за пророком.

Сыновья старика между тем успели уже заколоть самого жирного тельца, накрыли стол под липою, поставили на него хлеб-соль и подали мясо тельца.

И принес старый пророк воды и омыл ноги человеку Б-жьему, и посадил его на самое почетное место; а сам стоял за деревом, чтобы прислуживать ему.

И пришли почтеннейшие жители города, принося пророку подарки: кто золотой сосуд, кто хорошо обьеженного осла.

Старый пророк принимал подарки для своего товарища, говоря при этом:

– Разве недостаточно наставлял я вас, разве не говорил я вам: «Покайтесь, пока не поздно», но вы не хотели слушаться меня. «Горе, горе вам!» – говорил Г-сподь – Близится день страшного суда. Горе, горе вам! И старик рвал на себе волосы.

Человек Б-жий, спокойно утоляя свой голод, кивал ему головой, подтверждая слова его. Тут подошла к ним женщина с больным ребенком на руках и простерла руки свои к пророку.

– Друг Б-жий, смилостивься над рабой твоей, исцели мне моего единственного ребенка. Нет у меня дома ничего, кроме пяти кувшинов меда, я отдам их тебе.

И старик подошел к гостю, говоря:

– Бей меня, товарищ, бей меня, друг, ибо велел Б-г, чтобы ты бил меня.

И пророк несколько раз ударил его по плечу ложкою, которая была у него в руке.

Старик обернулся к женщине с ребенком на руках и сказал:

– Как товарищ бьет товарища и как друг бьет друга, так хочу я бить вас. «Нет больше милосердия во мне!», говорит Г-сподь.

А пророк из Иудеи кивал ему головой:

– Верно, верно...

А по городу все шире распространялась весть, что пророк из Иудеи, приходивший в Бетэль, творивший такие чудеса и сказавший царю правду в лицо, возвратился в город и находится у местного пророка, и ест у него хлеб, и принимает дары, и пророчествует там.

И шли к нему жители и носили ему дары. И расстилали перед ним драгоценные ткани, и клали перед ним серебро и золото, и простирали руки к нему, моля о спасении. А старик стоял и все поучал и поучал.

И тронуло это сердце пророка. В Иудее был он среди пророков самым незаметным, и никто не обращал на него внимания. Там все взоры обращены на Ахию Силомлянина, а тут он – первый. И ходит за ним народ и приносит ему дары и простирает руки к нему. Вовсе не такой дурной народ, как он думал. Любит слово Бжие и чтит пророка Его.

А старик все громил и громил грехи людские.

Тогда пророк из Иудеи сказал:

– Не все еще потеряно. Всему можно помочь. К Г-споду Б-гу нашему никогда не поздно вернуться! Только покаяться нужно, и Он простит.

А старый пророк за ним:

– Я всегда же твердил вам: покаяние и покаяние! Покаянием все поправить можно.

И жители Бетэля, указывая на пророка, говорили:

– Вот это пророк, вот это посланник

Г-сподний. Одною рукою он карает, другою утешает.

А пророк продолжал:

– Г-сподь Б-г наш – Б-г милостивый и милосердый. Когда молишься Ему, Он внимает, когда покаешься перед Ним, Он прощает, Он Б-г милостивый, Он Б-г благой.

– Он Б-г милосердый – громко вторил ему старик. – Слушай, Израиль, слушай, что возвещает тебе Г-сподь: «Я есмь Б-г милосердый, и когда будешь взывать ко Мне, Я тебя услышу, и когда будешь каяться, Я тебя прощу».

– «Ты избранное дитя мое, Израиль, – говорит Г-сподь – вдохновенным голосом начал пророк. – Разве не сыновьями моими были Авраам, Исаак и Иаков, предки твои? Разве не шел перед тобою Моисей, изблбленный раб мой? Г-сподь избрал тебя, Израиль».

– Мы избранные дети Б-гии! – шепчутся жители Бетэля. И слезы навертываются на глаза их, и они придвигаются ближе к пророку, и теплее становится у

них на душе. Избранные дети... Авраам, Исаак и Иаков были предками нашими! Избранное дитя – Израиль.

И один из присутствующих подходит к пророку и, подавляя рыдания, дрожащим голосом говорит:

– Дорогой пророк, добрый пророк, избранные дети мы перед Г-сподом Б-гом. Ты брат мой, ты отец мой. Раб твой точил сегодня виноград в точиле, вливал вино в бочки, позволь рабу твоему принести сюда на стол вино. И пусть народ ликует вместе с тобой. Избранные мы перед Б-гом. О дорогой пророк, о добрый пророк!

И еще один из присутствующих с рыданием в голосе припал к пророку:

– Святой пророк, пророк Б-жий, ты говорил сегодня к сердцам рабов твоих, их утешил ты. Вынул раб твой сей ночью мед из улья. Позволь рабу твоему принести мед на стол твой, дабы пировал народ вместе с тобой. Утешил ты нас, сердцам нашим говорил ты, о святой пророк, о пророк Б-жий!

– Я не вижу в том греха, – ответил пророк.

С радостью побежали жители каждый в дом свой и принесли, кто вино, кто мед, кто смоквы, кто финики, и поставили все на стол перед пророком.

И собралось народу все больше и больше. И приносили жители дары свои, кто кусок золота, кто кусок серебра, кто дорогую одежду, кто пурпурные ткани, кто кувшин молока, кто кувшин еля, и клали дары к ногам пророка.

И все жители, мужчины и женщины, и дети, пили от вина и ели от меда, и вкушали от смокв и фиников.

И радовался народ пророку и пророк народу.

И видя, как рад ему народ кругом, он воздел руки к небу и воскликнул:

– Где есть еще такой народ, как Израиль? Где есть еще такое племя, как племя Иакова? Благо тебе, благо тебе, никакое иго не коснется тебя! Мир, мир да будет шатром тебе!..

– Разве не говорил я вам, что мир, только мир будет вам и детям вашим? – воскликнул старик.

Но его слов народ не слушал.

Когда услышали жители Бетэля от пророка слово «мир», у них точно камень тяжелый с груди свалился. И великая радость охватила их. И бросились они к пророку и обнимали ноги его, и поднимали его над всей толпой, и от радости плясали вокруг него.

– Святой пророк, дорогой пророк!.. Ты пророк добрый! Наши кровли отдадим мы тебе, наш хлеб, нашу воду! Остайся у нас, живи с нами!

Но тут пророк остановил их:

– Нет, этого не могу, Б-г мне повелел...

Но что повелел ему Г-сподь, он забыл.

– Я еще вернусь к вам, – закончил он, – я еще вернусь...

И посадили они его на самого лучшего осла, нагруженного всеми приношениями, золотом и серебром и шелковыми тканями, и пурпурными тканями.

И не с пустыми руками и не голодный, как прежде, а с грузом даров, насыщенный и опьяненный – выехал пророк из Бетэля, и с пляской и пением провожал его народ.

У городских ворот он попрощался с жителями Бетэля, обещая вернуться к ним. И со спокойной душой и радостным сердцем возвращались они в город, говоря друг другу:

– Вот это пророк! Вот каков пророк из Иудеи!

– Добрый пророк, сердечный, ласковый пророк!..

И они разошлись по своим домам.

Едет пророк по дороге, нагруженный всяким добром, и думает про себя:

– Добрый народ Израильский, избранный народ! Любит слово Б-жие, чтит пророка Б-жьего!

А послушный ослик постукивает копытами по камешкам, и золотые и серебряные слитки позвякивают за седлом.

И тревожно становится на сердце у пророка.

В первый раз ушел он из города пешком, томили его и голод и жажда, но сердце как-то спокойнее было, и был он собою довольнее, сделал, что следовало, – возвестил слово Б-жие, устрасил народ и царя и никакой награды не получил за это.

– Однако что дурного сделал я теперь? – старается он оправдаться перед самим собою. – Ел-пил, но ведь Г-сподь сам повелел старику вернуть меня в город и дать мне поесть и утолить жажду.

– Добрый народ Израильский, честный народ! Повинуется слову Б-жию... я хочу сказать: готов повиноваться воле Б-жьей. Только дурной у них царь, этот Иеровоам. Золотых тельцов воздвиг он себе. Но настанет время в Бетэле, – говорит Г-сподь, – и я заколю священников твоих на жертвенниках, воздвигнутых тобою, я тебя...

– «Мир»!! Г-сподь не велел мне произносить это слово, – подумал он, вспоминая, что он обещал им мир.

– Мир? Нет, о нет! Не велел мне этого Г-сподь, не велел...

Он засовывает руку в суму свою и достает оттуда несколько кусков золота.

– И золота не велел мне Г-сподь брать за пророчества мои, – шепчет он, – а я взял...

– И шелковых тканей и пурпура не велел мне Г-сподь брать за пророчества мои, а я взял...

И вспоминает пророк, как сидел он здесь раньше на камне, голодный, усталый, одинокий. И как хорошо было ему, когда он сидел здесь под дубом: выполнил веление Б-жие, сказал царю всю правду в лицо и ушел. Без хлеба, без воды... А теперь едет он верхом, сытый, нагруженный пурпуром и шелками, серебром и золотом.

И схватил он слитки золота и бросил их на землю; и серебряные слитки и пурпурные и шелковые ткани достал он из-за седла и побросал по дороге. И оглядел он себя, как едет он на осле, упитанный вином и мясом... А слово Б-жие поругано.

– Не следовало возвращаться, не следовало, – повторяет он.

И продолжал он так покаяние свое, как вдруг вышел из леса лев и убил его, осла же не тронул. И стоял осел посреди дороги возле убитого пророка, не зная, в какую сторону направиться.

Прошел мимо человек и увидел убитого. Пришел он в город и рассказал, что видел. Вскочил местный пророк в колесницу, поехал на дорогу и привез в город тело пророка иудейского... И устроил он ему пышные похороны и похоронил его в гробнице, которую заготовил для себя.

И весь народ шел к гробнице, и все славил умершего:

– Хороший был пророк!

– Сердечный человек!

– Да, сердце у него доброе было! – говорил третий.

И местный пророк шел за телом и ломал руки и громко плакал, говоря:

– Повелел тебе Б-г, чтобы ты не ел хлеба и не пил воды в этом месте, и ослушался ты Г-спода, ел хлеб и пил воду в этом месте, и покарал тебя Г-сподь!

А над гробом он со слезами на глазах сказал сыновьям своим:

– Милые дети мои, когда умру я, похороните меня рядом с ним. Братом он был мне, товарищем...

«Ада́и́е́е́ і е́д», і а́дò 1909 ãää

Я принесла в мир любовь»

יָיָצְעַב יְעֻצָּה אֲנֵי אֶדְוֶר עֵי אֶדְוֶר

אֲדַעִי אֵי דַּוֹ אֵי אֵי

В историю немецкой литературы вошли имена двух великих поэтесс: современницы Гейне, вестфальской дворянки Аннеты Дросте-Гюльсгоф (1797-1848) и – уже в XX столетии – Эльзы Ласкер-Шюлер. Русский читатель знает о них незаслуженно мало.

Биография Эльзы Ласкер-Шюлер драматична: бо́льшую часть жизни она провела в нужде, не имела постоянного крова над головой, узнала и травлю и преследования. Эльза родилась в 1869 году в Рейнской области в Эльберфельде в еврейской семье, где были сильны религиозные традиции: среди ее предков были раввины. В двадцать пять лет вышла замуж за врача Ионатана Ласкера – брата знаменитого шахматиста – и переехала с ним в Берлин. Там Эльза сразу же входит в среду берлинской богемы и сначала увлеченно занимается живописью – впоследствии она иллюстрировала многие свои книги. И лишь позже под влиянием дружбы с лириком Петером Хилле она обращается к поэзии и вскоре выпускает сборники стихов: «Стикс» – в 1902 году и «Седьмой день» – спустя два года.

Известность приходит к ней только после книги стихов «Еврейские баллады», изданной в 1913 году. Именно эта книга и создала ей репутацию «черного лебедя Израиля», как выразился Петер Хилле, – поэтессы, ставшей голосом еврейского народа. Расторгнув брак с Ласкером, Эльза вторично выходит замуж за молодого музыканта и журналиста Георга Левина. Увы! и этот брак оказался непрочным...

Первая четверть XX века – время наивысшей славы Ласкер-Шюлер. Тогда рождаются не только стихи, но и лирическая проза, замечательная социально-критическая драма «Река Вуппер», позднее поставленная лучшими немецкими режиссерами. У Эльзы Ласкер-Шюлер множество друзей и среди ближайших – знаменитый публицист из Вены Карл Краус, поэт Георг Тракль, карикатурист Георг Гросс. Она деятельно участвует в литературном движении экспрессионистов, второй муж, принявший по ее настоянию псевдоним Герварт Вальден, становится редактором знаменитого журнала «Штурм». Далекая от политики, Ласкер-Шюлер всегда сочувствовала бедным и обездоленным и с этих позиций, как и многие ее друзья-экспрессионисты, осуждала первую мировую войну и с симпатией относилась к Ноябрьской революции в Германии. Один из ее друзей, Иоганнес Гольцман был деятельным анархистом; арестованный в России, он умер в царской тюрьме.

В годы Веймарской республики репутация поэтессы еще более упрочилась. Издатель Пауль Кассирер выпустил собрание ее сочинений в десяти томах, а в 1932 году Эльзе Ласкер-Шюлер была присуждена премия Клейста – «за вечные ценности ее поэзии, которые не уступают бессмертным творениям наших величайших немецких мастеров». Это решение вызвало лютую злобу фашистских газет: «Дочь шейха бедуинов получила премию Клейста!» – возмущенно писал, например, «Фелькишер беобахтер», главный печатный орган НСДАП. Все эти события оказались лишь прологом к трагическому финалу.

В первые же дни после фашистского переворота Эльза Ласкер-Шюлер была на улице избита штурмовиками. В панике она спасается бегством в Швейцарию. Там ей удается изредка печататься и ставить на сцене свои драмы. Но вскоре она убеждается в том, как враждебно в Швейцарии относятся к антифашистам-эмигрантам. Друзья неоднократно приглашают ее в Палестину, где она постоянно выступает с чтением своих поэтических произведений. В 1938 году Эльза Ласкер-Шюлер была лишена германского гражданства, и все ее книги в Германии были запрещены. В официальных инструкциях НСДАП ее стихи именовались «словесным салатом», понять который невозможно. Об экспрессионизме же в целом говорилось в таком тоне: «Из бесчисленных клоак изливалась грязь на немецкий народ...»

В следующем, 1939 году, поэтесса не смогла вернуться из очередной поездки в Палестину: началась вторая мировая война. Ее последние годы проходят в узком кругу друзей-эмигрантов. В 1943 году в Иерусалиме тиражом

330 экземпляров с ее иллюстрациями выходит поздний шедевр лирики: знаменитая книга стихов «Мой голубой

рояль». В январе 1945 года Эльза Ласкер-Шюлер умирает от тяжелого сердечного приступа. Ей было семьдесят шесть лет...

Поэзия Эльзы Ласкер-Шюлер отличается редкостной виртуозностью ритмов, особой яркостью образов и причудливостью метафор. В ней прослеживается несомненное влияние библейской и восточной поэзии – недаром поэтесса присвоила себе поэтическое имя «Юсуф, принц Фиванский». Она овладела искусством сложного плетения метафор – одно из самых знаменитых и трудных для перевода стихотворений так и называется – «Старый тибетский ковер».

Нелегко выделить основные темы ее лирики. Прежде всего это судьба еврейского народа, начиная с легендарных библейских времен. При этом главным для Ласкер-Шюлер становится не столько история гонений, сколько именно неповторимая атмосфера древних легенд.

Другая важная тема навеяна образами детства, родителей, особенно горячо любимой матери, родительского сада с его яркими гвоздиками – о них поэтесса вспоминает в мрачные годы изгнания. Наконец, на нас со страниц ее книг обрушивается ураган любовных признаний и скорбей: по числу возлюбленных она могла бы соперничать с древней царицей Клеопатрой. Но в поэзии Ласкер-Шюлер нет места легкомыслию, ибо каждый возлюбленный – для нее первый, единственный и последний. Она любила давать им загадочные поэтические имена: поэт Готфрид Бенн – Гизельхер, Ганс Эренбаум-Дегеле – принц Тристан. Уже названному нами Иоганнесу Гольцману особенно повезло: она именует его «Сенна-Гой», вывернув наизнанку имя «Иоганнес».

«Я принесла в мир любовь», – сказала о себе поэтесса. Эльза Ласкер-Шюлер творила в холодном, неприветливом и безответном мире и ясно видела это, особенно на закате жизни:

Áúē ó ì áŷ ðŷēü ãēóáíé,

Ōŷòüŷ ēãñòü í á óì áēà

Ñòŷèò íí áŷŷááēá íáŷŷòúé òüŷ íé,

N ò aã i i ò, è a è ç à i è y ì ç à i ð à è à

Î à i á ð ù é à i à è, i í á ä ä ð è î ò è ð i é -

B ã ð ù è é ò è á ç à i i à è à

Í á ð ù è ù ç à i ð à ò: i ð à ù i í ð - æ è à i é -

Í á á ù î ò à i ð è i ð à ä è ù.

(Í á á à i à À i è ò ð è y Ù á á ð i à è ò è i à)

Но через четверть века после смерти к Эльзе Ласкер-Шюлер наконец-то пришли признание, преклонение и любовь. Ее именем названа улица в родном Эльберфельде, что в Германии бывает чрезвычайно редко, если речь не идет о писателях XVIII или XIX столетия. Множатся издания ее стихов, а с 1996 года известный литературовед, боннский профессор Норберт Эллерс со своими сотрудниками издает наиболее полное собрание ее сочинений, куда должны войти и рисунки поэтессы.

Русский читатель почти не знает Ласкер-Шюлер: ее стихи можно найти только в нескольких антологиях двадцатых годов. Из антологий последних лет можно назвать «Сумерки человечества», подготовленную в 1990 году Виктором Топоровым (для этого издания поэт Алексей Парин перевел «Еврейские баллады»), и сборник моих переводов «Германский Орфей» (1993).

Услышим же голос великой поэтессы, неповторимый в своей самобытности. Все стихи печатаются в моих переводах.

Ò i ñ è à i í ð i à è í á

B í á ç i à p y ç ù é

Y ò i é ò i è i à i í é ñ ò ð à i ù

È i í á ÷ ó æ ä à á i i ñ ò ò i ù

Í á è à è, á á á ù è á i è i í,

B í á i í ñ ð à ç ù ä à ò ù

Í í ÷ ù - ñ à i í ç à i í à y è i ð i è á á à

B á á á à á ù i i è í à p ó à ð à i í á ù ð i ù è

È ò æ è ð è ó: è i í è ò ç à i ç à

Í í è á á á ù ó æ á i ð i ñ è y è è

È ñ à i ð y ò ç à á á i ÷ í í.

B - i añò ðäy éí è ã ñ é à ð è í è à í è

Í à ò ã è ò é í è à í yã

Í í ò ã í á è è ò í í ð yã à ò

Í í è ð í á è ç ñ è á ç

Í í è í ñ è y ð ù è í í ò è ò à í

Á ú è í è í è è é í ð à è è ú.

Í à í ã ð à à ò ñ à í á

Í è à í á à è è ò í á è í ú á ã á ç à

È ò í ò í à ñ ò è ò í í è í à ð ò ã í á à ã í ð ò ú ?

Í í è á á í : á í ú é í ð í á í è í í è ð í ò ò í á

xü è í í è è ò ã í ò ò í í ò è è á ñ è y ù á í í í é ð à è á

Í í y í à ò ú

Á ú è á è í í á à ð ð à í ñ è í í ,

Ñ ò ò í á à è è í ð y á í í ñ í í í ð ?

È è è í à ò ú í í y í í ò í ð í á í á

Í í á í á í í è ç á ú í á -

Í à á í í ã è á í á ð à ñ à à ò à ò í á ç á á ò è á

Í , á ñ è á á è á ç à í í è í ð í ñ è y è è

È á í í á à ð è è ñ à ò í í ...

Á ñ è á ó è ú á è á í í y í á ó á ñ è á ,

B á ú á á ç à ñ à ò è è á á í á à ñ í á ú á

Í í y ç í à ð ò à è ó ð ç á ç á ó

Á á á ñ à ñ à ñ à ò è í ,

B á í ð í á ñ ò í á á í í ã è í é .

Ò á í á ð í y á ó á ó á ñ à ñ à í á í á

È à è á ð ð à í á è ,

Nò oí ààøéé ðyáìì ì ì í í þ.

Náí í á Áíé (Nàøà)

Néiðáí äy í áüý

Í í:ü- ÷ áðí äy äéøáéà

... Òú äòì ààøü í áí ì í á ñ í æ í ñ ò ü þ.

B cí à þ, éàé ò è ò ì ñ ò ä ö á ò á í á

Í é à é ì é á í í á ì í è ì è ì á í à ì.

Ò á ì è í á: à è è

Í ð è ò ì ä y ò é í ì í á

Á è à æ á ñ ò á ì, ÷ ò í è ù ò ò á á y,

B á á ð æ í í ñ ò ð á í þ.

B ó í í ø ó ö á ò ú ò á ì á é æ è cí è

Á ñ ì ä à è ü ø á

À ò ì ò á è à á ú ò è ò ì ñ ò í y ò ü ñ ò í á í é ð y á ì ì,

É à é ñ ò ð á è è è í á ö è ò á ð á è à ò á

Í, á ñ ì í í ø á è è ä í é æ í ú ì í è: à ò ü

Á í í ø é þ á è, í á í ç ð á í í ú ø ó ñ ò à ö

Í è é í ä à í á í á ñ ò ó ì è ò ð á ñ í á ò.

Néi ì á í à þ í ñ ò ü ò á y.

Í á ÷ á è à ò á í à ì

Ó ì á ð ð á é.

Í ó ñ ò ü ñ é í ð á y ù è á

Í à ð è ñ þ ò í á í á á á ñ é í ó á

Í ó ñ ò ü ó í á: à è ü í ú ø

Í á ù á è à ö ç à è ä ä à ò ð ò ì y í á ö.

Á ÷ á ð í í é í á è à: í í é ÷ à ø á

Çai aðèà ì î:èà èóí ú.

...Òú äóì ààóú íáí ì í á ñí æí î ñò úþ.

Í ðèì èðáí èá

Áíèùσ àÿ çáççà òí àáàò á ì í á èí í í.

Ì ú í á óñ àì ÿò í é í î:úþ,

Áóáì ì í èè ò úñÿ í á ÿçí èáò,

Çáσ: àù èó, èàè àðò ú.

Ì ú ì ðèì èðèì ñÿ ñí î:úþ -

Òàè ù àáðí ñò ðèè ò ñÿ ù àáðí ñò ú Á-æúÿ.

Ñáðáòà í àσ è - ááò è,

Õí ò ÿò çááú ò úñÿ á ñè àáí ñò í í é áðáì á

È í àσ è ááú ò ÿò ó æí á à ò úñÿ.

× ò í æ á ò ú ì ááè è σ ú?

Ì í á ñáðáòà - ááè è çè ò áí áñ.

Òáÿ èðí áì ì í è ù á è è ðóì ÿ í è ò.

Ì ú ì ðèì èðèì ñÿ ñí î:úþ.

Ì í èà ì ú è à ñè à à ì áðááðáá, ì ú í á ó ì ðáì .

Áíèùσ àÿ çáççà òí àáàò á ì í á èí í í.

Òðè ñò á í ó

Β í á ì í ñ áí èùσ á ñí à ò ú

Òú ì á ÿ í ñ ì ì ààóú çí èí ò ì ì .

Ñèóó ì í é - èàè èí èí èí è.

Èí ì ó æ á áí á à ð è σ úñÿ ò ú?

Ñáà ò èí, èàè è ò ú,

Çàò á à ò à à ò í á á ñ ù é è ñò.

Áí á è ú ñ ð ú á à þ ò ò á ì þ ó è ú á é ó

È ààðyò áá áàòyì .

Òà èãðàpò àp, èàè mēí òàì .

Áíò òàé

Í ðí ùáí èá

Í è ðàçó áá: áðí ò ù í á í ðè ò áé.

Β æääèà ò áý á ì á ì ò è è çáçáí íé.

...Èòí-òí ñòó: áéñý á ì í é áíì,

íí òí áúéí ñáðáòá ì í á

Í í í ðáñýòí ò áí áðí í á èpáíì éíñýéá

È í á ááàðè ò áí áé.

Í ò í ùéàèà ðíçà á í èpùá

Çàðæ àáèèà æèðýí áá

Β, èàè mēí ì ýñáú áéí é,

Èðí áp ñáðáòá í èðáñèèà í ááí.

Áá: áðáéí, íí ò ù í á í ðè ò áé.

...Β æääèà á çí éí ò ù ó ñáí ááè è ýã

Ááèü

Í ÷ è Èàéí á í á ðááòpò Á-áñ,

Èè Èáéý - ñá çí éí ò í é,

Í ÷ è Ááéý - mēí áé.

Ááèü í í áò ò àé ñáò èí

Í á ñò ðóí áò áó è ñáí áé.

Òáéí Èàéí á èçðí ò í ñ ðí áñèè è ñò í éáì è.

È í í óáíò áðáò á -

Ááèü, Ááèü, èðí áí ò áý í ááí ááàðè ò.

Ááá æ á Èàéí? Β áðí óóñí è í áí á

Òù àèáí òp ì ò è ö ö ó á è è

Á î á è è è á á ò ò í à ì ?

ЎАЎ ВЎЎ ЎАЎ ААЎЎ ЎЎЎЎ

1 НОЯБРЯ

70 ёаò ì äü ðæääéÿ физика, профессора Станфордского университета, автора трудов по физике элементарных частиц, открывшего (совм. с др.) сигманоль-гиперон, пионий, экспериментально доказавшего несохранение четности в распаде гиперонов, а также существование двух типов нейтрино, лауреата Нобелевской премии по физике (совм. с Л.М. Лейдерманом и Дж. Стейнбергером) 1988 года **Мельвина Шварца** (р. 1932, Нью-Йорк).

7 НОЯБРЯ

85 ёаò ì äü ðæääéÿ скульптора, Героя Социалистического Труда, народного художника СССР, действительного члена и вице-президента АХ СССР, профессора МГХИ, автора памятников К. Марксу в Москве, В.И. Ленину в Горках Ленинских, Жертвам фашизма в Рудне Смоленской обл. и др., лауреата двух Государственных премий СССР **Льва Ефимовича Кербеля** (р. 1917, Семеновка Черниговской губ.).

9 НОЯБРЯ

100 *éàò ì ãíÿ ðíæááíéÿ* ученого в области электротехники и вычислительной техники, члена-корреспондента АН СССР, под руководством которого была создана первая ЭВМ в СССР, автора трудов по электроэнергетическим системам и ЭВМ **Исаака Семеновича (Симховича) Брука** (1902, Минск – 1974, Москва).

115 *éàò ì ãíÿ ðíæááíéÿ íéíàòáÿ, íðæéááíòà* *Áéáááí èè èíéóííòá ÁÁÐ, áàòíðà ðííáííá «Ííááééú í* *Ééáááéé», «Ñííð íá óíòáðá Áðéøá», «Áííéòáíéá ííá* *Ááðááííí», «Ááíáííáéíéé óíííð» è äð, èáóðááòá* *Íàèéííáéíííé íðáí èè ÁÁÐ, Áííááðíòááíííé íðáí èè ÑÑÑÐ* *Áðííéííá Óáéáá (1887, Áðíí-Áéíáá, Ááðí áíéÿ - 1968, Ááðééí).*

14 НОЯБРЯ

175 *éàò ì ãíÿ ì áðòé* (9 кислева) общественного деятеля, второго руководителя хасидского движения Хабад, автора трудов по философии хасидизма «Имрей бина», «Тойрас хаим» и др. **рабби Дова-Бера** (Мителер Ребе, 1773, Ляды Могилевской губ. – 1827, Нежин Черниговской губ.).

15 НОЯБРЯ

60 ёаò ìî äíÿ ðæääíèÿ дирижера, пианиста, руководителя Лондонского камерного оркестра, Парижского оркестра, кавалера Ордена почетного легиона **Даниеля Баренбойма** (р. 1942, Буэнос-Айрес).

17 НОЯБРЯ

100 ёаò ìî äíÿ ðæääíèÿ физика-теоретика, члена АН США и Американской академии наук и искусств, президента Американского физического общества, одного из первых показавшего эффективность применения теории групп и идей симметрии в квантовой механике, участника разработки первого американского ядерного реактора, лауреата Нобелевской премии по физике 1963 года **Юджина Пола Вигнера** (1902, Будапешт – 1995, Принстон, США).

100 ёаò ìî äíÿ ðæääíèÿ военачальника, начальника Военно-инженерной академии, лауреата Государственной премии СССР, генерал-полковника инженерных войск **Александра**

Даниловича Цирлина (1902, Кагарлык Киевской губ. – 1976, Москва).

75 ёаò ì ãíÿ ì àòè партийного деятеля, дипломата, председателя советской делегации на переговорах о мире с Германией в Брест-Литовске, полпреда РСФСР в Германии, Австрии, Китае, наркома государственного контроля Украины **Адольфа Абрамовича Иоффе** (1883, Симферополь – 1927, Москва).

80 ёаò ì ãíÿ ðæääí èÿ биохимика, члена АН США и Американской академии наук и искусств, выполнившего фундаментальные исследования по расшифровке механизмов регуляции роста клеток и органов, открывшего белковый фактор роста эпидермиса, лауреата Нобелевской премии по медицине (совм. с Р. Леви-Монтальчини) 1986 года **Стэнли Коэна** (р. 1922, Нью-Йорк).

18 НОЯБРЯ

75 ёаò ì ãíÿ ðæääí èÿ кинорежиссера и драматурга, народного артиста СССР, поставившего фильмы «Карнавальная ночь», «Берегись автомобиля», «Ирония судьбы, или С легким паром», «Служебный роман», «Гараж», «О бедном гусаре замолвите слово», «Вокзал для двоих», «Забывтая мелодия для

флейты», «Жестокий романс», «Небеса обетованные» и др., лауреата Государственной премии СССР **Эльдара Александровича Рязанова** (р. 1927, Самара).

19 НОЯБРЯ

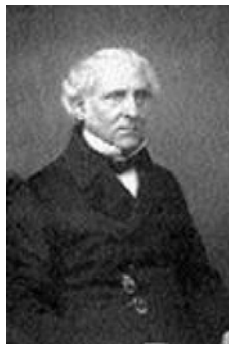

60 лет со дня рождения дизайнера одежды, основателя и владельца текстильного концерна **Келвина Кляйна** (р. 1942, Нью-Йорк).

70 ёаò ì ãíŷ ðġæġġġèŷ механика, члена-корреспондента РАН, профессора МФТИ, автора трудов по взаимодействию сверх- и гиперзвуковых потоков с пограничным слоем, по определению аэродинамического нагрева и аэродинамических характеристик гиперзвуковых летательных аппаратов **Владимира Яковлевича Нейланда** (р. 1932, Москва).

22 НОЯБРЯ

205 ёаò ì ãíŷ ðġæġġġèŷ первого на посту лорда-мэра Лондона еврея, сэра Давида Саломонса (1797 – 1873, Лондон).

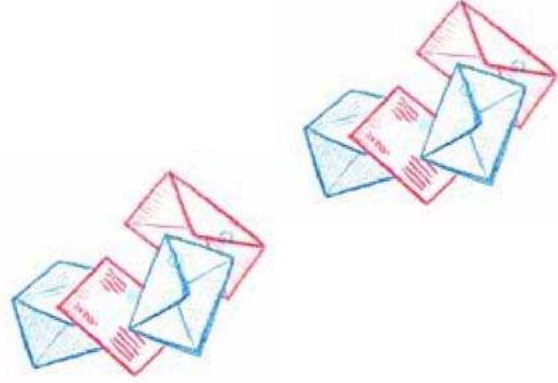
100 *éàò ñ áíÿ ðíæääíèÿ* виолончелиста, концертмейстера оркестра «Гюрцених» в Кельне, профессора Высшей музыкальной школы в Берлине и института «Кертис» в Филадельфии, выступавшего в трио с Арт. Рубинштейном и Я. Хейфецем, **Эммануэла Фойермана** (1902, Коломыя, Галиция – 1942, Нью-Йорк).

24 Í Î B Á D B

230 *éàò ñ áíÿ ñ áðòè* (19 кислева) общественного деятеля, второго руководителя хасидского движения, автора трудов по философии хасидизма «Ойр Тойра» и др. **рабби Дова-Бера** (Межеричский Магид; 1704, Локачи, Волынь – 1772, Аннополь, Волынь).

370 *éàò ñ áíÿ ðíæääíèÿ* философа, автора пантеистической системы строения мира, трудов «Б-гословско-политический трактат», «Этика» **Бенедикта (Баруха) Спинозы** (1632, Амстердам – 1677, Гаага).

ÈÇ ÍÀΘÁÉ Í ÎΒÁÐÛÑÊÎÉ Ï Î × Ò Û

Óààæààì àÿ ðàààéöèÿ!

Очень прошу вас передать мое письмо Я.Я. Этингеру по поводу его статьи «Документы – еще не вся правда». Я очень благодарна журналу «Лехаим» за публикацию таких материалов. Это интереснейший журнал, каждый номер жду с нетерпением.

Óààæààì úé Βéíá Βéíáéàèè-!

Пишу в связи с вашей статьей «Документы – еще не вся правда».

Да, именно так: не вся правда. И к тем фактам, которые вы приводите, отвечая скрытому сталинисту Г. Костырченко, я хотела бы добавить еще один свой. Может быть, он будет вам интересен, хотя допускаю: то, о чем я расскажу, вам известно и не было упомянуто из-за обилия фактов, подтверждающих готовящуюся Сталиным депортацию евреев.

Где-то в 1963 – 1964 годах еще до снятия Хрущева наш с мужем друг судмедэксперт Михаил Абрамович Зайденберг рассказал, что однажды его пригласили по какому-то делу в управление то ли МВД, то ли КГБ (не помню точно). И там, зайдя в туалет, он обнаружил стопки чистых бланков анкет для заполнения евреями, подлежащими депортации.

Я тогда впервые услышала об этом несостоявшемся преступлении. Мне было чуть более двадцати, я была воспитана в любви к Родине. И не могла поверить, что моя Родина может такое сделать со мной и моими близкими. Но М.А. Зайденберг клялся, что видел эти бланки. Они существовали в действительности, а в конце 50-х – начале 60-х их отправили за ненадобностью в туалет, ибо в закрытом управлении МВД или КГБ он (туалет) рассчитан на «своих». Недальновидные чиновники управления никак не предполагали, что туда зайдет судмедэксперт, к тому же еврей. Потеряли бдительность!

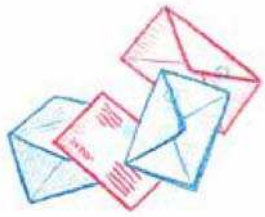
Так что, как видим, уничтожали не только документы на железнодорожные вагоны. М.А. Зайденберг стал, хоть и случайно, очевидцем подлинного, скрытого от всех факта о готовящемся преступлении. А история, к сведению Г. Костырченко, – это не только документы, но и свидетельства очевидцев, современников.

Ваша статья, уважаемый Яков Яковлевич, – очень хорошее тому подтверждение. Я очень благодарна вам за достойный ответ Г. Костырченко.

К сожалению, с М.А. Зайденбергом у меня потеряна связь. В середине 60-х он уехал в Москву, жил на Сретенке, в Ащеуловом переулке. Работал, кажется в Институте им. Вишневого, где он сейчас – не знаю.

Фира Карасик, Пермь

Мы с мужем давние почитатели журнала «Лехаим». Давно хотела написать вам о моем отце, да все не решалась. Но во время похорон на Новодевичьем генерала Лебеда,

когда один из журналистов заявил, что на этом кладбище хоронят первого десантника, решилась.

Дело в том, что первый десантник, покоящийся на Новодевичьем, – мой отец Яков Давидович Машковский, родившийся 7 ноября 1905 года в Пинске, в Белоруссии, в семье учителя, которого в 1939 году расстреляли белополяки.

Отец учился в химико-технологическом институте Москвы и, как многие тогда молодые люди, увлекся авиацией, а затем и парашютизмом, стал одним из первых в СССР парашютистов, возглавил обучение этому делу летчиков. И в августе 1930 года на маневрах МВО под его руководством был спущен первый парашютный десант – этот день считается днем рождения ВДВ. В 1937 году отец принимал участие в высадке на Северный полюс группы папанинцев, был вторым пилотом самолета Алексева и отвечал за парашютное обеспечение экспедиции. В 1938 году отец погиб во время парада в День военно-морского флота – не раскрылся парашют. Урна с прахом майора, мастера парашютного спорта, орденоносца Я. Д. Машковского замурована в правой части стены Новодевичьего возле захоронения жертв крушения самолета «Максим Горький».

Ń ōōōēāī ēāī

Ńīçà Āāđīī ēī ōī

Ī īāīēāēđīē

Я наполовину еврейского происхождения: если точно, мой отец – еврей, а мама – наполовину. Но с детства меня воспитывали в еврейских традициях и в искренней вере. В нашем далеком бурятском селе нет, конечно, никакого намека на общину, и поэтому знаем мы о еврействе очень мало из того, что должны бы знать. Несколько номеров вашего журнала за прошлый год к нам попали случайно, и мне очень понравились, и журнал стал моим любимым сразу. В журнале есть все, что нужно: уроки Торы, чего нам особенно не хватает; последние новости еврейского мира; рассказы о великих людях нашего народа, произведения наших писателей. Чего, пожалуй, нет – текстов и нот еврейских песен, а я очень люблю петь...

Мы бы очень хотели быть в курсе последних событий в общинах, знать лучше наши обычаи и дух нашего закона – Торы, не потерять связь с нашим народом. Помогите нам: как можно подписаться «Лехаим»?

Немного о себе: мне 15 лет, окончила 9 классов с отличием и музыкальную школу, больше всего люблю читать, петь, немного рисую, люблю сочинять и записывать стихи, легенды, сказочные повести. Мои мама, папа и сестра тоже глубоко верующие

евреи, – правда, мы многого не знаем и не понимаем. Помогите нам, пожалуйста, преодолеть это!

Ñ ãõáíèèì óàæáíèáì

è èñèðáí íèì è

ííæááí èýì è íðíóáòáí èý

Р èèý Í ññèíáà è áñý í àøà

íáì úý, Ðáñí óáèèèà Áóðýòèý,

ñ Í óñðøèèèè

Есть такая еврейская поговорка: «Трахт гут – ун зайн гут», что значит: «Думай хорошо – и будет хорошо». Я в этом убедилась на собственном опыте, побывав в летнем лагере «Ган Исроэл». Там девочкам из еврейских семей предоставляется прекрасная возможность отдохнуть и познакомиться с традициями нашего народа.

А началось все пять лет назад, когда я вместе с мамой, сестрой, бабушкой и дедушкой стала посещать иудейскую общину в Клинцах. Стараниями ее председателя Макса Менделевича Пинского у нас появилась воскресная школа. Благодаря этому я уже три года подряд отдыхаю в живописном местечке Подмосковья. Вот и минувшим летом делегация девочек

из Клинцов представляла еврейскую молодежь и влилась

в дружную семью «Ган Исроэл».

Вожатыми у нас были дочери раввинов из Австралии, США, ЮАР и других стран. Мы изучали иврит, всевозможные танцы, песни, отмечали традиционные праздники, даже симпровизировали еврейскую свадьбу...

Теперь у всех девочек, побывавших в лагере, есть еврейские имена. Меня зовут Саши в честь моей первой вожатой – Саши Вулф, свой еврейский день рождения я отмечу уже в третий раз! Учиться было не трудно, а напротив – весело и занимательно. Некоторые занятия и шабосы с нами проводил главный раввин России Берл Лазар. Он очень душевный человек, прост в общении, мы с подругой сфотографировались с ним на память об этих замечательных днях. Девочкам старших отрядов подарили массу великолепных подарков и самый ценный из них – «Сидур», который пригодится мне тем более, что собираюсь продолжать еврейское образование в махоне «Хая-Мушка».

Мы уезжали домой в слезах, а гостеприимные стены моего любимого лагеря через несколько дней встречали еврейских мальчиков. Надеюсь в дальнейшем оправдать девиз «Ган Исроэл»: «Я горжусь тем, что я еврейка».

Ààèàèÿ Ì èèáàèàÿ,

15 èàò,

Èèèíòù

Àöÿí ñèíé íáè